Одесский
альманах

№62

III/ 2015

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (62), 2015
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (62), 2015
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2015
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2015

От редакции

Если вы читаете эти строки, то это означает, что Одесса уже отмечает свой 221-й день рождения. Именно ко 2 сентября уже 15 лет выходит наш альманах «Дерибасовская – Ришельевская», на сей раз под номером 62. А несколько последних лет – и Одесский календарь (АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей), посвященный одной из улиц города, на сей раз – Преображенской.

Нетрудно подсчитать, что первый выпуск альманаха увидел свет в 2000 году, когда человечество готовилось перешагнуть в очередное, третье тысячелетие, а мы в наших краях живем именно по григорианскому календарю и по нему ведем счет историческим и повседневным событиям в жизни народов и отдельно взятых людей. В то время археологи и краеведы, продолжая многолетние исследования, обнаружили в самом центре Одессы материальные свидетельства того, что 2500 лет назад на нынешнем Приморском бульваре обитали представители эллинской цивилизации. В этом можно убедиться и сегодня: напротив гостиницы «Лондонская» под стеклянной крышей покоятся фрагменты амфор и другие, пусть скромные, но убедительные тому подтверждения.

Признаемся, некоторые члены редколлегии и авторского актива были настолько воодушевлены своей вероятной причастностью к великой древнегреческой цивилизации, что примкнули к тем, кто предлагал вести отсчет биографии Одессы с античных времен. Возьми они верх над доводами авторитетных ученых, специалистов с мировым именем, мы бы сегодня отмечали день рождения Одессы числом с четырьмя нулями, но здравый смысл возобладал.

Рамки краткой журнальной статьи не позволяют нам привести здесь даже основные составляющие понятия «полис» – «город», и желающих вникнуть в эту тему адресуем к соответствующим книгам, сайтам

Интернета. Если коротко, то за всю тысячелетнюю историю перманентного присутствия в ареале нынешней Одессы человека разумного первый и единственный город – Одесса, родившаяся в сентябре 1794 года.

С тех пор наш город отмечен на географических картах кружочком и именем, начинающимся на «О», а эта буква выглядит одинаково, на каком бы языке не была написана гусиным пером или напечатана на лазерном принтере.

Представляется неоправданным ажиотаж вокруг гипотезы о том, что в XV веке на месте нынешней Одессы уже был некий Коцюбеев, опирающаяся на единственное упоминание его в одном источнике. Некоторое время назад в нашем альманахе была опубликована статья авторитетного историка Александра Третьяка, убедительно доказавшего несостоятельность этой гипотезы, и за это время ее сторонники так и не привели убедительных доказательств своей правоты, ограничиваясь лишь эмоциональными выступлениями и воззваниями к широкой общественности.

Можно говорить о многочисленных предшественниках Одессы, разобщенных столетиями или даже тысячелетиями, между которыми нет непосредственной преемственности. Это обстоятельство и не позволяет отсчитывать историю Одессы как таковой с античных времен или Средних веков.

Вот по соседству с будущей Одессой действительно были античные города – Тира (Белгород-Днестровский), Никосия (Роксоланы), Одессос – на берегу Тилигульского лимана… И сегодня археологи ведут здесь многолетние раскопки, и зачастую они приносят бесценные плоды, которые можно увидеть в наших и зарубежных музеях.

В общем-то, можно понять стремление группы энтузиастов, очарованных идеей найти свои корни и свидетельства своего первородства, – подобные стимулы вдохновляли многих… Но в науке (а история – царица наук) издавна преобладает четкая уверенность в том, что между гипотезой и аксиомой существует разница, а если дело идет об Одессе, то их две. И обе – большие.

Сегодня у Одессы день рождения. Она по историческим меркам еще совсем молодая. Давайте же поздравим ее с праздником. Поздравим все, независимо от того, сколько ей лет.

В сентябре мы будем отмечать еще один юбилей – 25-летие Всемирного клуба одесситов. Нетрудно подсчитать,что он всего на 196 лет моложе нашего города.

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Одесса: реализация питей в конце XVIII – начале XIX ст.

Если буквально понимать отдельные тезисы дореволюционных работ по истории Одессы, может сложиться впечатление, будто в первые десятилетия существования города здесь практиковалась некая система реализации питей, отличная от откупной, чуть ли не свободная. Так, в книге первого серьезного исследователя ранней истории Одессы К.Н. Смольянинова прямо сказано, что вследствие прошения небезызвестного попечителя греческих переселенцев А.В. Кесоглу император в 1798 году на 10 лет ликвидировал винный откуп.[1]

На самом деле это сообщение надо понимать несколько иначе. Общий формат, существо вопроса как раз остаются прежними, то есть государственные фискальные функции препоручаются приватному лицу на основе торгов, однако спускаются на региональный уровень. Другими словами, откупная система продолжает работать, однако доходы от налогов поступают в распоряжение местной администрации.

Отдельные детали торговли питиями в конце XVIII – начале XIX вв. я уже довольно подробно описывал в монографии о ранней истории еврейской общины города.[2] Первым откупщиком был рельефный персонаж ранней истории Одессы, коллежский асессор Жан (Иван Иванович) Дофине, в доме которого, по Ришельевской улице, близ Греческой[3], проходили первые собрания

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-61.

магистрата и биржи[4]. «В 1796 году, – пишет Смольянинов, – заключен был договор с именитым херсонским гражданином Дофине, по которому он обязывался окончить церковь Св. Екатерины в августе месяце 1797 года за 18.850 рублей. Сумма на сей предмет была отпускаема из 40.000 рублей, назначенных на построение церквей ордером князя Зубова на имя Деволана от 17 марта 1796 года. По приостановлении всех работ по смерти императрицы Екатерины и церковь эта, возведенная под карниз, осталась неоконченною (…)».[5] А.М. де Рибас тоже говорит, что Дофине строил Екатерининскую церковь в качестве подрядчика, причем скоро обанкротился. «Есть в архиве дело о его банкротстве, – продолжает он, – о продаже его имущества с торгов. В деле упоминается, что подводы для поездки городских служащих в имения Дофине для продажи его доставлялись городу купцом Федором Яловиковым. Одно из имений Дофине носит и теперь название Дофиновка».[6]

Мелкая разменная монета александровской эпохи из раскопок дома Рено

Здесь небезынтересно то обстоятельство, что Дофине еще в конце XVIII столетия принадлежал один из так называемых *красных трактиров*, то есть трактирных заведений для «чистой публики». Таковые располагались на подступах к Одессе со стороны Херсона и Николаева по тракту, проходившему над морем и по пересыпям многочисленных лиманов. Князь И.М. Долгорукий иронически описал этот объект, переоборудованный в последнюю перед Одессой почтовую станцию, по впечатлениям 1810 года. Из этого видно, что прежде тут было очень приличное заведение, даже с бильярдом, в хорошем доме, обсаженном деревьями.[7] Как и прочее недвижимое и движимое имущество, трактир был продан с торгов в связи с казенной задолженностью

Дофине как раз по питейному откупу, после его кончины в первой половине 1800 года. Этот сюжет определенно заслуживает внимания в контексте изучаемой проблематики.

Точная дата кончины откупщика пока неизвестна. По крайней мере 5 января 1800 года он получил приглашение на заседание магистрата, которое должно было состояться 7-го числа.[8] Вообще биография Дофине известна мало. Ф.Ф. Вигель говорит о нем как о фигуре из челяди при Г.А. Потемкине в Херсоне, сделавшем карьеру под покровительством светлейшего. Это типичное брезгливое отношение дворянина к нуворишу, очень похоже, подогреваемое неприязнью к современным ему выскочкам-иностранцам вроде коммерции советника Жана Рено, о котором Вигель пишет столь же пренебрежительно.[9] Как бы то ни было, в юную Одессу передислоцировалось немало «птенцов гнезда потемкинского», но это отдельный сюжет.

Крайне любопытное, на мой взгляд, дело из фонда Одесского строительного комитета дает массу разносторонней информации не только об имуществе и состоянии финансовых дел покойного откупщика, но даже о его личной жизни. Озаглавлено оно «О доме, занимаемом питейною конторою», и датируется 1808-1812 годами. О каком доме идет речь? Это два места и комплекс построек на углу нынешних улиц Пастера (Херсонской) и Преображенской, изначально также принадлежавших Дофине. Вот их опись 1808 года, когда они были уже казенными и арендовались другими содержателями откупа, елисаветградским 1-й гильдии купцом Иваном Фундуклеем и одесским 1-й гильдии купцом Василием Кошелевым:

1. Флигель каменный, 27 на 5, 5 саженей.
2. Каменная кухня во дворе, 4 на 2.
3. Людские службы во дворе каменные, 13 на 2,5.
4. Подвал земляной, 29 на 5.
5. Каменный во дворе магазин, 8 на 3.
6. Ограда каменная.[10]

Обсуждается в основном тема технического состояния обветшавших строений, ремонтов и реконструкций. Вместе с тем в деле имеется весьма содержательный документ о предыстории вопроса – письмо в Одесский строительный комитет от конкурсного

управления над имуществом «умершего коллежского асессора Дуфине (одна из версий русскоязычного написания фамилии. – **О. Г.**)» от 12 февраля 1808-го. В нем прямо говорится о том, что материальные претензии предъявлялись еще с 1800 года. Сказанные строения под номерами 72 и 73 в VII квартале (Греческого форштата), оцененные в 8.000 рублей, были предоставлены им под залог в исправность откупной винной продажи и остались в ведении Городской думы. Поскольку Дофине недоплатил в казну 4.788 руб. 89 коп., постольку эта недвижимость была назначена в публичную продажу на погашение долга. Однако в итоге она поступила в распоряжение Одесского комитета и была передана другим откупщикам.

Далее следуют занимательные интимные детали. Оказывается, Дофине жил в гражданском браке с некоей «француженкой Катериной Беренер», возможно, Бернье, «бывшей при смерти Дуфине». После кончины сожителя она в замужество с поручиком Дарменеком, «не исполнив узаконенного в уставе банкротском 1-й части 161-й статьи постановления, обличились и в скрытии Дуфине имения, с тем и подвергла себя силою 165-й ст. к пополнению претензий не только скрытым, но и собственным своим имением; но как сама она умре, а Дарманек отлучился за границу, сам же последний под присягою показал, и Комитет магистрату в сообщении от 17 июля 1803 отозвался, что за занятие им, Дарминеком, с комитета 1650 деньги, – заложены им, Дарминеком, ему от Беренерши перстень бриллиантовый и при нем таковой же маленький; перстень бриллиантовый с эмалью; перстень с тремя камушками бриллиантовыми; перстень бриллиантовый с топазом; браслеты золотые с бриллиантами; игольник золотой; часы золотые с бриллиантами; часы золотые с репетициею; часы золотые с цепочкою; и ниска (то есть низка. – **О. Г.**) янтарная».[11]

Мы не имеем полных данных обо всем имуществе Дофине, но, во всяком случае, его едва ли можно считать банкротом даже и в том случае, если за ним оставались какие-то долги по недостроенному Екатерининскому храму. Как мы видели, помимо строений по Херсонской он владел солидной недвижимостью по Ришельевской, что фиксируется и синхронными генеральными планами города.[12] Кроме того, он владел землями, постройками

и крепостными в Дофиновке. О присутствии крепостных в качестве дворовых людей свидетельствуют записи в метрических книгах одесской Свято-Николаевской соборной церкви 1799-1801 годов, неоднократно фиксирующие их бракосочетание и рождение детей.[13] Из одного раннего дела, хранящегося в фонде Одесской городской думы видно, что «помещик Дюфине» причастен и к поставке мяса на местный рынок в 1798-1799 годах.[14] Похоже, печальный финал обусловлен недобросовестностью сожительницы. Впрочем, это лишь догадка.

Архивные материалы четко отвечают на вопросы – кто и почему сделался преемником Дофине в содержании винного откупа. Прежде всего, его собственный управляющий (приказчик), Иван Семенович Турчанинов, который упоминается в тех же метрических записях Николаевской соборной церкви. Он, например, был свидетелем при венчании крепостных 27 июля 1799 года и записан как приказчик Дофине. 11 мая 1800 года фиксируется крещение Иоанна, сына управителя, то есть управляющего, господина Дофине – Ивана Турчанинова и его жены Анны, восприемник – небезызвестный Михаил Кирьяков. 2 июня 1801 года Анна Турчанинова – уже сама выступает восприемницей крепостных младенцев.[15]

Есть вполне конкретные архивные указания на то, что после кончины Дофине питейным откупщиком стал дворянин Иван Турчанинов. Откуп был передан ему Комитетом (Комиссией) по отстройке гавани в Одессе, реорганизованной в 1803-м в Одесский строительный комитет (ОСК).[16] Мы лишь не знаем точной даты начала компаньонства Турчанинова с купцом из Великих Лук Василием Ефремовым. Не исключено, что последний вошел в дело практически сразу, что называется, с колес. Из журналов заседаний Одесского строительного комитета явствует, что Турчанинов и Ефремов содержали откуп до 1 января 1805 года, причем уже ранее задолжали ОСК весьма изрядную сумму. Так, в заседании от 14 января подбивался баланс о винной продаже с 17 ноября 1804 года по 1 января 1805-го и взаиморасчеты. По приеме Комитетом оказалось «в наличности пенного вина, принадлежавшего *бывшим* откупщикам г. Ефремову и Турчанинову, на три тысячи семьсот пятьдесят рублей двадцать одну копей-

ку», разных питей – на 1740 руб. 35 коп. и наличными 1223 руб. 42½ коп. Все поступления обращались на погашение их долга. Кроме того отмечалось, что на погашение долга есть еще принадлежащие им шесть лошадей и две пары волов.[17]

Сюжет с долгами так и не был закрыт, и рассматривался в заседаниях ОСК 20 февраля, 3 апреля и 8 июня 1805 года. Общая сумма задолженности равнялась 8.453 рубля и 33 с четвертью копейки[18], что соответствовало оценочной стоимости приличного дома с хозяйственными постройками. Ефремов оказался несостоятельным и по контракту на строительство домов для немецких колонистов[19], а супруга покойного попечителя средиземноморских переселенцев Кесоглу жаловалась «на великолуцкого купца Василия Ефремова за неисполнение им кондиций относительно нанятого им ее трактира»[20]. То был еще один т. н. красный трактир, располагавшийся ближе «дофиновского», в современной Лузановке.[21] В одной из описей фонда Одесской городской думы есть информативное название утраченного архивного дела 1804 года «По сообщению Одесского городового магистрата о удовлетворении дворянина Ивана Турчанинова 800 руб. и о расточении 3.232 руб. 40 коп. денег».[22] То есть ему вернули причитающиеся по какому-то поводу 800 рублей, но вместе с тем за ним числится более трех тысяч.

Бюрократические разбирательства, связанные с возвращениями долгов, нередко растягивались на десятилетия. И здесь как раз тот случай. Об этих старых долгах напомнило министерство финансов. В журнале заседаний ОСК от 20 сентября 1824 года упоминаются: излишняя выплата майору (Феликсу) де Рибасу за поставку плитчатого известняка от 28 ноября 1803 года, коллежскому советнику (Михаилу) Кирьякову за поставку волов от 16 декабря того же года и недоимки с великолуцкого купца Ефремова и дворянина Турчанинова «по содержанию в Одессе питейного откупа с 1 апреля 1804 по 1 апреля 1808» – 8.453 руб. 33 коп. Очевидно, здесь текстовая неточность, ибо мы видим сумму долга как раз за предыдущий контракт по винному откупу, до 1 апреля 1804 года, а в указанные сроки откупщиками были уже другие лица. Так или иначе, в журнале отмечается, что на 26 ноября 1823-го с Турчанинова остается к взысканию всего

лишь 46 руб. 61 коп., а все остальное – долг Ефремова. Что до упоминавшихся Кирьякова и де Рибаса, то они полностью рассчитались.[23] Были к Турчанинову и претензии в связи с контрактом 1804 года по поставке камня в карантин, однако о них не вспоминают – следовательно, долг был погашен.[24]

Очень похоже, что Ефремов просто-напросто вовремя улизнул из Одессы и скрывался от кредиторов. Что до Турчанинова, он, похоже, вскоре ушел из жизни, семейство его оказалось в бедственном положении, но не было оставлено без благосклонного внимания городской администрации. Так, его сын Александр, в конце 1800-х обучавшийся в Одесской коммерческой гимназии, был взят на содержание ОСК после ее преобразования в Одесский благородный институт. Комитет выплачивал ежегодно по 670 рублей за его обучение и пансион.[25] После переформатирования института в Ришельевский лицей Александр Турчанинов продолжал обучаться на казенный кошт, при этом ОСК тратил на это уже 850 рублей в год.

Впрочем, юноша более чем оправдал возложенные на него надежды и стал одним из лучших лицеистов. 8 июня 1818 года в ОСК обсуждалось письмо директора лицея аббата Николя, специально посвященное делам этого лицеиста. Аббат говорит об отправке Александра Турчанинова в Санкт-Петербург для определения в корпус инженеров путей сообщения, для чего понадобится уже 1.200 рублей в год на полное содержание. Такое внимательное отношение объясняется особыми способностями и успехами в учебе: «Сей молодой человек всегда заслуживал полное одобрение своих начальников, в том числе его сиятельства», то есть графа Ланжерона, который и протежировал юноше.[26]

Род Турчаниновых (Турчениновых) на Юге довольно разветвлен, генеалогические подробности не являются предметом настоящего исследования. Во всяком случае, Иван и его сын Александр находились в близких родственных отношениях с дочерью полковника, девицей Анной Турчаниновой, каковой в августе 1804 года отвели место под домостроительство по будущей улице Софиевской. Правда, застроила она его не ранее 1809-го, а позднее, при прокладке будущего Нарышкинского спуска (1819), дом упоминается как давно существующий, но числящийся не за

Турчаниновой, а за Турчаниновым.[27] Анной звали и супругу Ивана Семеновича, но это явно разные персоналии. В том же августе 1804-го И.С. Турчанинов получил под застройку место по будущей Успенской улице, меж Базарным переулком и Екатерининской, но, по сложившимся обстоятельствам, построиться не сумел, и место в итоге досталось майору Панголо.[28]

Сказанные родственные отношения проявляются в том, что по возвращении из Петербурга, как и положено, в чине X класса, Александр Турчанинов, очень похоже, владел этим домом Анны Турчаниновой в 3-й части города, оцененном в 3.000 рублей. То есть дом был явно одноэтажный, не из значимых, но по тем временам вполне пристойный.[29] Как уже говорилось выше, как дом Турчанинова он фигурировал уже в 1819 году. 24 июня 1824-го коллежский секретарь Александр Турчанинов и его супруга Варвара крестили в соборном храме сына, названного Иоанном явно в честь деда.[30]

Чтобы закончить эту часть сюжета, отмечу еще два любопытных архивных упоминания об одесских Турчаниновых. В одной из описей Одесского городового магистрата зафиксировано следующее название утраченного дела от 3-27 октября 1797 года на 10 листах, в написании оригинала: «По сообщению полицмейстера Кирьякова с присылкою при оном поданной к нему бумаги полка казака Кошевенко прошения с жалобою на прикащика господина подполковника Кесиоглы Михаила Турчанина о невозвращении ему жены, увезенной и передерживаемой в слободе на Березанке, и причинение к тому боя».[31] Драма поистине хулиганских времен первичного становления Одессы, отголоски каковых эпизодов о бесчинствах попадаются в текстах старых бытописателей. Обращаю внимание на то обстоятельство, что сказанный Турчанин служил приказчиком у Кесоглу. К той же эпохе относится метрическая запись о крещении дочери прапорщика Александра Васильевича Турчанинова Александры от 23 апреля 1799 года, причем восприемницей была супруга небезызвестного Федора Флогаити Зеновия.[32]

А чтобы закончить еще и с Ефремовым, надо сказать, что о его долге – 8.496 руб. 94 коп. с четвертью – снова вспомнили аж 29 сентября 1833 года. А поскольку долг так и не был взыскан,

то начет сделали на поручителя Ефремова и Турчанинова, помещика Островского.[33] Шляхтич, подкоморный (то есть судейский, занимающийся земельными спорами) Марцелл Островский – один из основателей так называемой Польской компании «Дружевецкий и Липковский», основанной в 1802 году, занимавшейся масштабным хлебным экспортом через Одессу и владевшей тут весьма солидной недвижимостью.[34]

В 1805-1807 годах и далее питейный откуп находился в руках состоятельных коммерсантов из Елисаветграда, с каковым у юной Одессы были очень тесные контакты: довольно вспомнить купеческие семейства Клёновых, Голиковых, Гладковых, Замятиных, Бабарыкиных, в том числе видных муниципальных деятелей обоих городов. В первое трехлетие откупщиком был елисаветградский купец Аким Рогалев, впоследствии городской голова Елисаветграда (1815-1818). В журнале заседания Одесского строительного комитета от 8 июня 1805 года зафиксировано, что елисаветградский купец Рогалев внес откупную сумму за май текущего года в размере 8.350 рублей.[35] То есть годовая откупная сумма в тот период составляла 100.200 рублей. Есть запись о поступлении той же ежемесячной суммы в журнале заседания ОСК от 3 сентября 1806 года.[36] 24 декабря журнал отмечает, что у питейной конторы взято «для невольников» пять ведер и пять кварт вина, из расчета 4 рубля 50 копеек за ведро.[37] Это не могли быть турецкие военнопленные, ибо шариат запрещает употребление вина. Не могли быть и предположительно находившиеся в войсках Порты немногочисленные христиане, поскольку речь идет о значительном отпуске спиртного, и, следовательно, пленных должно быть немало, а война еще только начиналась. То есть речь идет о заключенных в остроге правонарушителях, которым полагалось винное довольствие.

В следующее трехлетие основным «пайщиком» был купец 1-й гильдии, далее коммерции советник, елисаветградский городской голова (1818-1819) Иван Юрьевич Фундуклей, грек из фанариотов, отец небезызвестного Ивана Ивановича Фундуклея (1804-1880), члена государственного совета. Этимология фамилии (*фундук* – крупная золотая турецкая монета), судя по всему, указывает на занятие ростовщика, менялы, негоцианта. 2 декаб-

ря 1807 года он подал в ОСК прошение об отводе места под шинок «на Вольном рынке, против гауптвахты», каковое прошение удовлетворено 23 числа того же месяца.[38] Из этого сообщения попутно выясняется, что в этот период гауптвахту вынесли за пределы крепости, либо – то обстоятельство, что таковых было две. К сожалению, утрачено архивное дело на девяти листах от 29 ноября 1807 года из фонда Одесской городской думы под красноречивым заголовком «По сообщению здешнего Комитета, с препровождением копии контракта с Мартиновским и Фондуклеем на содержание винного и других питей откупа».[39] О Мартиновском надежных сведений пока нет, по крайней мере он далее не встречался в обширном корпусе исследованных архивных документов. Впрочем, точку в этом вопросе ставить преждевременно.

Как за эти годы изменилась откупная сумма? Разумеется, она постепенно росла, причем все более значительными темпами. Согласно отметкам в журнале заседаний ОСК от 31 января 1809 года, за текущий месяц она составляла 12.416 рублей 66 и две трети копейки, каковую Одесская питейная контора исправно выплатила в срок.[40] То есть откупная сумма выросла почти на 50 тысяч, что вполне естественно с учетом темпов роста числа городских обывателей и соответствующего сбыта питей. А далее означенная сумма растет еще стремительнее. Например, 4 августа 1810-го откуп выплатил за истекший июль 19.083 руб. 33 и $^1/_3$ коп.[41] А в 1812 году месячное содержание в городе винного откупа исчислялось в 22.083 руб. 33 и $^1/_3$ коп.[42] То есть за семь лет откупная сумма выросла чуть ли не втрое.

К недвижимости, связанной с откупом, мы еще будем возвращаться, а здесь уместно перейти к сюжету, который я условно назову «питейным бунтом». У него длинная предыстория. Тучи над откупом естественным образом стали сгущаться в период катастрофической чумной эпидемии 1812 года. В ту пору управляющим Фундуклея был одесский 1-й гильдии купец, затем (1825 г.) коммерции советник Василий Егорович Кошелев, о котором я уже публиковал резюме, снабженное солидными первоисточниками[43], а компаньоном – одесский 1-й гильдии купец, а затем тоже коммерции советник Егор (Георгий) Михайлович Гари. Кошелев, кстати, был назначен комиссаром

в ходе ликвидации «чумной заразы». Понятно, что эпидемия нанесла торговле катастрофический ущерб, и откупщики понесли огромные убытки.[44]

Еще в период карантина, 18 ноября 1812 года, на заседании Строительного комитета рассматривалось прошение управляющего одесским питейным откупом одесского купца Кошелева и содержателей питейных в Одессе сборов, елисаветградского купца Фундуклея и одесского купца Гари. Речь идет о серьезном подрыве деятельности откупа, «чрез заразительную болезнь случившейся, просят уважения», то есть неких бонусов. Объясняют, что число шинков в городе и окрестностях сократилось до 258-ми, а выручка упала более чем наполовину.[45] Согласно контракту, заключенному 11 августа 1811 года, до 1817-го в городе и на городской земле предусмотрено 300 шинков. С 11 же ноября 1812-го питейных домов оставлено в городе только 20 «и в каждой балке по одному, и шинков 20, а прочие предположено уничтожить» и т. п. Комитет резюмирует, что в принципе никаких официальных запретов и ограничений ранее не было и что в каждой части города оставались питейные заведения. Теперь же, при введении полного карантина, пития можно закупать через комиссаров. Впрочем, все обстоятельства будут исследованы и учтены. Пока же за сентябрь-октябрь откупная сумма не уплачена. А из содержателей откупа в городе никого нет, Кошелев тоже в отъезде. Пусть явятся, а последствия подрыва питейной торговли будут исследованы.[46] И в самом деле, в числе получивших 9 ноября деньги комиссаров, членов продовольственной комиссии Кошелев не значится.[47]

В сложившихся чрезвычайных обстоятельствах отсутствие откупной суммы ощущалось крайне остро. 10 декабря на заседании ОСК было принято решение направить эстафету в Елисаветград, к Фундуклею.[48] 13 декабря 1812 года членам Комитета, городскому голове (1809-1812) Ивану Ильичу Андросову и члену от купечества, будущему городскому голове (1818-1821) Дмитрию Спиридоновичу Инглези, предписано освидетельствовать имеющиеся в наличии принадлежащие откупу пития, поскольку содержатели находятся отлучке, и откупная сумма не поступает.[49] 21 декабря создана специальная комис-

сия по вопросу состояния дел питейного откупа.[50] А в январе 1813-го Ришелье временно уладил взаимоотношения меж откупом и ОСК, так сказать, до выяснения.

В заседании ОСК 16 января отмечалось, что решение относительно претензий откупщиков отложено до окончания разбирательства, а пока принять и записать в приход поступившие от питейной конторы 15.000 рублей.[51] Из записей в журнале от 23 января 1813-го можно заключить, что Ришелье распорядился получить с откупа по договоренности с Кошелевым 50.000 рублей за пять месяцев, с 1 сентября 1812-го по 1 февраля 1813-го.[52] 30 января этот важный финансовый вопрос рассматривался снова, однако дело опять-таки отложили до лучших времен.[53] Сказанные 50.000 были полностью выплачены частями до 13 марта.[54] 19 мая постановили принять еще 45 тысяч рублей в счет откупной суммы до вынесения вердикта по разбору всех обстоятельств.[55]

16 июня 1813 года в заседании Строительного комитета рассматривалось «прошение содержателей одесского винного откупа артиллерии поручика Антона Шостака и одесского 1-й гильдии купца Василия Кошелева», поданное 13 июня. Просители апеллируют к герцогу Ришелье, речь снова идет об убытках откупа в ходе чумной эпидемии. Приводится рельефный пример: устрашенные фурщики, которые доставляли вино в Одессу, сбросили близ Кривого Озера без присмотру 4.146 ведер.[56] 21 июня принято решение принять от откупа до разрешения спорных вопросов 15.000 рублей за истекший май.[57] Здесь в поле нашего зрения оказывается небезызвестный Антон Ильич Шостак, один из первых одесских жителей, сподвижник де Рибаса и Ришелье, крупный строительный подрядчик, благотворитель, член попечительской комиссии Одесского благородного института.[58]

14 июля 1813-го в приход записано 13.000 рублей[59], 4 сентября – еще 19.590, а в общей сумме с 1 января – 131 тысяча[60]. 29 сентября ОСК и Ришелье «слушали дело о претензиях содержателей питейного откупа за убытки, понесенные ими по случаю бывшей в Одессе заразы». В рамках данных им полномочий они вынесли следующее определение: 1) сверх внесенных с сентября 1812-го по февраль 1813-го 50 тысяч получить с 1 февраля по 1 октября 15 тысяч; 2) с 1 октября 1815-го требовать полагающуюся

по контракту полную откупную сумму; 3) в качестве компенсации прибавить еще один год сверх контракта к сроку содержания, на стандартных условиях. В случае если такое решение не покажется откупщикам удовлетворительным, представить искать решения, где следует, то есть в вышестоящих инстанциях.[61] В принципе можно считать, что стороны договорились и как бы закрыли вопрос. Однако откуп и задействованная в его функционировании, скажем так, гуманитарная инфраструктура финансово потеряли. В итоге – эксцессы, которые я и назвал питейным бунтом.

Каков механизм реализации питей на практике? У откупа были свои питейные дома, один из которых, на Вольном рынке, упоминался выше. Другой шинок до устройства Нового базара находился на Херсонской площади, по нынешней Нежинской улице, был снят по повелению ОСК, и 4 июля 1812 года Кошелев получил этот участок под сооружение двух стандартных лавок.[62] Известно, что 6 ноября 1811 года Строительный комитет отвел избранные содержателями в Одессе винного откупа места под строение питейных домов: 1) против 46-го квартала; 2) в Щепном ряду угольное, против 14-го квартала; 3) в 3-м квартале под № 31; 4) в 54 квартале, № 612; 5) в Карантинной балке 2-го квартала.[63] Чумная эпидемия приостановила их сооружение, и лишь 30 декабря 1813-го Кошелев доложил, что построил один из этих домов – тот, что против 46-го квартала. 12 января 1814-го городской архитектор доложил об освидетельствовании и уточнил местоположение – на Греческом форштате, в LXXV квартале, место № 783.[64] Ныне это место по Лютеранскому переулку, меж Кузнечной улицей и Каретным переулком. Второй из указанных шинков должен был находиться в Щепном ряду, на углу Екатерининской и Малой Арнаутской, третий – на пересечении Большой Арнаутской и Тюремного переулка. Локализация четвертого затруднена, но, судя по всему, он должен был располагаться неподалеку от Дегтярного ряда. Наконец, пятый локализуется на том участке Карантинной балки, что лежит в промежутке напротив улиц Дерибасовской и Греческой. Мы видим, таким образом, что откуп привязывает свои шинки к местам торжищ и порту, более-менее значительным скоплениям людей. Всего, как мы увидим ниже, питейная контора владела лишь 29-ю собствен-

ными кабаками, а большинство располагалось в арендованных помещениях.

Разумеется, этими стационарными питейными домами дело далеко не ограничивалось: нанимавшиеся на службу в откуп целовальники арендовали под шинки различные частные постройки. Кроме того, реализацией питей занимались и так называемые вольные промышленники – местные домовладельцы, которые закупали оные пития в подвале откупа. Меж откупом, его сотрудниками и вольнопромышленниками складывалась довольно запутанная система взаимоотношений, осложнявшаяся стремлением каждого участника получить максимальную выгоду. Понесенные в ходе «заразительной болезни» потери привели к обострению внутренних конфликтов этой системы, а как следствие – и внешних.

К весне 1815 года сложилась и вовсе нездоровая ситуация. Городская полиция докладывает Комитету о многочисленных злоупотреблениях – как целовальников (сидельцев), так и вольнопромышленников (шинкарей): разбавлении питей водой, обмере, возвышении цен. При этом возникают конфликты с горожанами, которых еще и провоцируют десятские – низшие полицейские чины, гражданские лица, преимущественно из евреев, действия которых сильно напоминают рэкет. Полиция, судя по всему, отреагировала формально и жестко, на первых порах не особо вникая в подробности. Призванные для выяснения сидельцы, возвращаясь из съезжей, сказывали, что частный пристав Савоини бил их по щекам, таскал за бороды и волосы.[65] Мимоходом упомянем, что сказанный пристав – это Франц Савоини, брат небезызвестного генерала Е.Я. Савоини, сын сподвижника де Рибаса Джакомо (Якова) Савоини. Франц был приставом в период чумной эпидемии и позднее, находился, так сказать, на переднем крае смертельной борьбы, лично контролировал захоронение жертв чумы.[66] С 1820-го он служил чиновником по особым поручениям в Одесской портовой таможне[67], и в том же году построил дом по Успенской улице[68].

В ходе разбирательств непосредственные реализаторы питей детально объяснили причины, по которым вынуждены прибегать к всевозможным ухищрениям. Признавая, что откуп в лице

Кошелева цены не возвышал, целовальники указали на ряд крайне невыгодных им притеснений со стороны питейной конторы. В их числе – прием выручки в серебряной монете по заниженному курсу, отказ принимать ассигнации, по разным предлогам регулярные штрафы на 10-15-20 рублей. Целовальник нанимает для конторы работника, который обходится ему в 300 рублей в год с харчами. Он же арендует дом под кабак за 300-400 рублей годовых. Водку из конторы и пиво с завода целовальник возит за собственный кошт, за набивку ледников контора платит лишь половину цены, за питейные меры, инструменты, вывеску контора взыскивает. В принципе, целовальнику причитается 26 рублей годового жалованья от конторы, однако и оно остается там за разные начеты.

Свои претензии предъявили и вольнопромышленники. Существуют фиксированные отпускные цены, которые как бы и не изменяются. Однако при получении выходит недомер, причем даже такой значительный, при котором вместо 10 кварт на ведро оказывается 8,5. При процедуре приемки взимается «штраф» в размере 2 руб. 50 коп., да и в течение месяца под разными предлогами взыскиваются штрафы от 5 до 10 руб. Питейная контора принуждает брать их несоразмерное количество укупоренной в штофы водки, которую приходится продавать себе в ущерб. Случается, заставляют брать по два рубля за ведро подкисшее пиво. Если же вольнопромышленники осмеливаются спорить и протестовать, таковым вообще отказывают в отпуске питей, а шинки прикрывают. По всем этим причинам они, вслед за целовальниками, и вынуждены были повысить цены реализуемым питиям. Городская полиция велела отпускной конторе уладить соответствующие взаимоотношения – с тем чтобы вернуться к существовавшим законным тарифам.[69]

Откуп тоже подробно прокомментировал ситуацию Строительному комитету, и в совокупности взаимные претензии сторон весьма рельефно иллюстрируют общую картину. И тут мы подходим к важным обстоятельствам, касающимся проблематики собственно городского гражданства. Суть в том, что в качестве вольнопромышленников имеют право выступать исключительно одесские граждане, тогда как на самом деле от их имени реа-

лизацией питей занимаются иногородние жители – «разночинцы, факторы, евреи, портные, сапожники, кузнецы и балошники (то есть обитающие во времянках сезонные работники. – **О. Г.**), коих великое множество». Шинки по существу трансформируются в игорные клубы и дома терпимости. Подставные шинкари «приманывают народ», «держат непотребных женщин», придумывают «самые соблазнительные забавы, пристрастные игры, принимают всякого рода заклады сомнительные вещи; там же убежища впадшим в преступления и распутства людям; одним словом в них денно и нощно разные совершаются бесчинства, даже до того, что в некоторых из них продавали девок людям кои покрали деньги; некоторые из тамошних случаев известны и самому Комитету. Посредством сего (соблазняются. – **О. Г.**) и самые поверенные от конторы для отвращения и присмотру поставленные. Особливо люди холостые, нередко впадают в распутство и пьянство, а порядочные из них люди за стыд и бесчестие вменяют себе по всем таковым местам усердно отправлять свои должности».

В принципе, Контора могла иметь 150 питейных домов, однако реально ей принадлежало лишь 29, а все остальные приходилось устраивать в съемных помещениях. Почему? Да потому что в людных местах не было свободных мест, которые Строительный комитет мог бы передать откупщикам. А это означает, что в противовес всякому питейному дому функционировало пять шинков. Находясь буквально в окружении недобросовестных шинкарей, даже порядочные целовальники быстро перенимают их опыт, связанный с подлогами, закладами и другой противоправной деятельностью.[70]

Откуп отметает обвинения о приемке серебряной монеты по заниженному курсу, мотивируя тем, что этот курс меняется, и соответственно варьирует в каждый конкретный момент сдачи выручки. Что касается отказа принятия ассигнаций, то, в отличие от оптовой продажи, при чарочной реализации питей ассигнациям вообще неоткуда взяться. Оптовый покупатель в кабак (шинок) не пойдет, а направится в контору. Выручка у целовальников отбирается ежедневно, так что кредитных билетов у них быть не может, а тем более – много. Вольные промышленники распоряжаются купленными в конторе питиями как своею собственностью,

исходя из изменений курса, так что и тут претензии не имеют оснований. Целовальник же есть работник, которому вручается денежная распродажа питей, и он должен давать ежедневный отчет об отпуске и выручке. Шинкарям вольнопромышленникам пития отпускаются совсем не по тем ложным ценам, что показаны в записях полиции. Штофы поставляются в весьма соразмерном количестве, чтоб шинкари не жульничали, продавая вместо отпускаемого им качественного продукта суррогат «из простого хлебовина», то есть самогон. Лед они никогда не получают в конторе, а всегда берут у вольных пивоваров ценами действительно всегда дороже, чем по контракту, но сами потом продают вдвое дороже, о чем полиция информирована. Из всего сказанного совершенно ясно, что невыгода покупателей из-за злоупотреблений целовальников и шинкарей невыгодна самому откупу.[71]

Возвращаемся к проблематике городского гражданства, причем достаточно важной. Как было сказано, в качестве вольных промышленников во множестве выступали не одесские граждане, а подставные лица, пользующиеся привилегиями городского гражданства. В соответствии с существующим законодательством торговля питиями дозволена лишь одесским купцам и мещанам, тогда как иногородним она запрещена как в наемных, так и в своих собственных домах. Откупщикам предоставлено и право продавать пиво, полпиво, мед, но если кто-либо из одесских граждан пожелает варить таковые напитки на собственных пивоварнях для продажи в городе, они не должны чинить к тому препятствий.[72]

Анализируя сложившуюся ситуацию, Строительный комитет рассматривал ее в нескольких ракурсах. Во-первых, он уладил отношения городской полиции и откупа, сделав констатирующие замечания в плане пресечения корчемства, незаконных действий целовальников, шинкарей и сотрудников конторы.[73] Другой ракурс касался обстоятельств превращения кабаков в «притоны разврата». Здесь обсуждался нашумевший в ту пору сюжет о присвоении чиновником Локотниковым крупной казенной суммы, потраченной на выкуп из дома терпимости одной из тамошних насельниц, в каковой операции принимали участие десятские и другие лица; вся эта история мною уже подробно описана.[74] Ко-

митет отметил, что осведомлен об этом эпизоде в мельчайших деталях, однако содержательница дома терпимости формально не относится к разряду вольнопромышленников, торгующих питиями. Разумеется, практикуемые в кабаках (шинках) недостойные приемы привлечения потребителей – откровенное зло, однако контроль такого рода не относится к обязанностям Комитета: дается ссылка на статью 263 «Устава благочиния».[75]

Самый же важный поворот событий касается фиксации крайне негативной для Одессы тенденции перетекания чрезвычайно значимых категорий горожан в сферу, где напрочь меняются их социальные функции, где они не только не приносят пользы городу и деквалифицируются, но и способствуют формированию нездоровой обстановки. Выпустив эту сферу из поля зрения, Комитет не приметил, как в торговлю питиями включились иногородние мещане, ремесленники, мелкие промышленники. В итоге сильно упало ремесло – ибо мастеровые люди в качестве подставных

шинкарей нашли большие выгоды при меньших трудозатратах. Город разрастается, и спрос на ремесленные изделия растет, а меж тем мастерство и нравственность падают, даже у примерных немецких колонистов – кузнецов, каретников и др. Подрываются титанические старания герцога Ришелье по водворению привлекаемых издалека ремесленников – портных, столяров, сапожников и проч. ОСК отмечает возросший дефицит в каменщиках, плотниках, кузнецах и столярах. Мало того, цена на их услуги возросла непропорционально росту цен на продовольствие и жилье, то есть не по объективным причинам, а лишь потому, что они приискали себе более выгодное занятие в сфере «питейных услуг». Поэтому откупщик по закону должен требовать от своих сотрудников и вольных промышленников, во-первых, свидетельство из ремесленной управы, что соискатель точно не ремесленник, во-вторых, квиток от Думы об уплате подати, из коего будет видно, не содержит ли он промышленных заведений.[76]

Что касается изоляции этой отрасли от участия в ней лиц, не имеющих одесского гражданства, оно осуществлялось путем ограничений, затрудняющих либо вовсе исключающих приписку в таковое гражданство иногородних мещан, в том числе евреев, а равно австрийских подданных. Правительственное распоряжение принято в 1816-м, но реально этот социальный фильтр стал работать примерно с 1819-го.[77]

Готовя проект решения (определения), каковой должен был подаваться на рассмотрение исполняющему обязанности градоначальника военному коменданту генерал-майору Фоме (Томасу) Александровичу Кобле, Строительный комитет констатировал: откупу дозволено иметь 300 шинков, но, как показала практика, и 200 чересчур. Поэтому число надлежало уточнить откупу совместно с полицией. 10 апреля 1815 года это довольно значимое на тот период определение было принято и подписано генералом Кобле и членами ОСК: карантинным инспектором капитаном 2-го ранга Алексеем Ивановичем Тамиловским, инженер-капитаном Иваном Ивановичем Кругом, коммерции советником Иваном Петровичем Рено, городским головой Яковом Афанасьевичем Протасовым, членом от купечества Дмитрием Спиридоновичем Инглези и правителем канцелярии Комитета титулярным совет-

ником Андреем Михайловичем Богдановичем. Сделан акцент на недопущение к питейной продаже ремесленников, иногородних и иностранцев. Определено число и местоположение заведений. Полиции указано надлежащим образом контролировать. Откуп взял обязательство принимать медную монету, серебро и ассигнации, в связи с чем откупщику еженедельно направляют прейскурант (курс промена) от Комитета или от городской полиции.[78]

Как принято говорить, вопрос исчерпан – черпак выброшен, метафорический «питейный бунт» был подавлен. Однако для очистки совести еще и освидетельствовали откупное пиво,

поскольку были нарекания. В журнале заседаний ОСК от 13 апреля 1815-го сказано: квалифицированные контролеры отметили, что оное пиво лучше так называемого кабацкого, по 1 руб. 80 коп. за ведро, и полпива, по 2,00. Но хуже так называемого «на манер английского», которому цена 3,75. Продажа до сентября определена по назначенным в этот раз особым ценам (3,50) – в соответствии с качеством.[79]

Вернемся к принадлежавшей откупу и откупщикам недвижимости, а равно арендуемым помещениям. 13 августа 1814 года содержатели предложили водочный и пивоваренный завод Кошелева на Водяной балке, оцененный в 28.500 рублей, и питейный дом в LXXV квартале Греческого форштата, о котором говорилось выше, с оценкой 10.500 рублей, в обмен на прежде состоявшие в залоге 263 души крепостных и дом коллежского советника Шемиота, оцененный в 8.025 рублей. Речь идет о Викентии Леонтьевиче (Львовиче) Шемиоте, будущем екатеринославском губернаторе (1819-1825), владельце недвижимости по Елисаветинской улице, близ Дворянской.[80] В залоге к тому времени состояли дом (на самом деле – целый комплекс зданий и сооружений) самого Кобле, меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской и Садовой, оцененный в 102.350 рублей, дом, принадлежащий Католическому храму, по будущей Полицейской улице, с оценкой 22.500 рублей, сказанный дом Шемиота и 273 души крепостных, доверенных Фундуклею помещицей Александрийского уезда Херсонской губернии майоршею Касиновой, урожденной Богдановой. Проведенные Комитетом расчеты показали, что предложенная откупом замена не перекрывает контрактной суммы, поэтому дом Шемиота Кошелев оставил в залоге, да еще внес наличными недостающую разницу в 3.593 руб. 75 коп.[81]

В целях предотвращения тайного привоза в Одессу горячих питей в обход откупа Кошелев испросил дозволения устроить приватный сторожевой домик на Овидиопольском шлагбауме.[82] Это препятствовало доставке по крайней мере крупных партий корчемных питей. Почему? Потому что обозы могли следовать только по трактам, а в город въезжать по мостам, проложенным над охватывающей город специально вырытой канавой. Мелкие партии, понятно, можно было периодически переносить вручную.

Из архивных документов видно, что питейные дома на территории рынков были деревянными. Так, 26 мая 1815-го откуп докладывал Комитету о том, что деревянный питейный дом на Старом Вольном рынке пришел в ветхость, просит указать место для постройки другого. 31 мая городской архитектор Франческо Фраполли отвел по смежности со старым новое место, размерами шесть на шесть саженей[83], то есть 163 с лишним квадратных метров. В принципе, на базарных площадях и не должно было быть никаких частных каменных строений, только казенные – так называемые эшопы, и помещение для мер и весов. К слову, в журнале заседаний ОСК от 23 ноября 1814 года сообщается, что титулярным советником Кривчиковым «считающиеся у него в наличности медные питейные меры весом 1 пуд 1 фунт ценою в 65 руб. 60 коп. Комитетом отданы откупщикам питейного в Одессе откупа».[84] Речь идет о стандартных емкостях размерностью 12,3 литра (ведро) и кружках (чарках) – четверть (¼ ведра), штоф ($^1/_{10}$ ведра), полштофа (1/20) и, по нисходящей, до $^1/_{100}$ и 1/200.

Мерные кружки XIX ст. с клеймами Одесской городской управы
и фирменная бутылка из-под ликера бенедиктин

Что касается Кривчикова, то он на протяжении многих лет служил комиссаром ОСК. Михаил Степанович Кривчиков в чине прапорщика получил место под застройку в ходе самого первого межевания города в августе-сентябре 1794 года.[85] В чине подпоручика с весны 1800 года служил приемщиком материалов еще в предшествующей Одесскому строительному комитету Комиссии по отстройке гавани.[86] До середины 1830-х добросовестно служил в ОСК, владел солидной недвижимостью, сохранилось и мною собрано немало архивной информации о его жизни и деятельности, но это тема отдельной публикации. Здесь отмечу только, что Кривчиков выслужил орден Святого Владимира IV степени.

Следует упомянуть о так называемом «военном питейном доме», учрежденном предыдущими содержателями откупа ранее 1807 года. В числе прочей откупной недвижимости он достался Кошелеву и «компании» по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда. Местоположение его без труда фиксируется, ибо упоминается в ряде документов по отводу смежных мест – меж военным госпиталем и госпитальной баней, помещавшейся на склоне под будущим дворцом Воронцова.[87] К первичной постройке новыми владельцами были сделаны приличные достройки – каменный дом и ледник. Ассортимент горячих и холодных напитков тут был довольно широк. А поскольку летом 1818 года близ Военной гавани стали раздавать участки под застройку, откупщики просили отвести и им участок 20 на 15 саженей, дабы не стеснять торг.[88]

Базовыми откупными учреждениями оставались питейные подвалы и находящиеся при них конторы, где потребители производили оптовые закупки. О первых, доставшихся казне еще по долгам Жана Дофине, речь шла выше. Прибавлю здесь, что поскольку они находились в ведении откупа как бы на правах аренды, то и поддержание их технического состояния оставалось на казенном балансе, и ремонты осуществлялись из бюджетных и других привлеченных средств.[89] Как было сказано, та недвижимость располагалась на углу нынешних улиц Пастера (Херсонской), № 64, и Преображенской, № 21. Другой блок сооружений находился на противоположной стороне Преображенской, в пятне застройки нынешней Научной библиотеки Одесского универ-

ситета имени И.И. Мечникова, и в его истории имеются отдельные лакуны, впрочем, не чересчур существенные.

Библиотека находится в пределах мест № 704-705 LXV квартала Греческого форштата. Эти места, как и примыкающие к ним со стороны Городского сада места № 706-707, где находился летний театр Одесской филармонии, а до революции так называемое Отделение Городского сада (сдавалось в аренду), изначально были отведены небезызвестному Михаилу Михайловичу Кирьякову (старшему). Затем все эти места перешли к городовому врачу, первому директору Городского госпиталя Джованни Франческо (Ивану Францевичу) Капелло, о котором у меня есть отдельная обстоятельная публикация.[90] Весной 1809 года возникла проблема дефицита помещений для расквартирования в городе штабофицеров, и 27 апреля Ришелье решил продать небольшой обветшавший казенный дом на углу будущей Полицейской улицы и Александровского проспекта – с тем чтобы взамен приобрести более просторный и прочный частный. Капелло предложил свой дом со службами, недавно построенный на местах № 704-705, по смежности с австрийским консулом фон Томом, владевшим местами № 702-703, по будущей Преображенской, к переулку.

Городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал постройки, и 3 июня 1809 года Строительный комитет обсудил результаты обследования и кондиции приобретения. В натуре обнаружился дом габаритами 5 саженей 1 аршин на 4 сажени 1 аршин. Сени одни, покой (жилая комната) с деревянной перегородкой 1, кухня с 2 чуланами, 1 голландская печь, 1 очаг, 1 «варистая печь», 4 двери с прибором, окон со стеклами и приборами 3, пол и потолок дощатые, весь дом покрыт по стропилам гонтою (деревянной черепицей, дранкой). При доме погреб, отделан штуковым (пиленым по определенному формату) камнем 3 на 3 сажени: в нем 1 дверь, 2 окна, крыт камышом. Во дворе флигель 13 саженей 1 аршин на 2 сажени 2 аршина 8 вершков из 8-вершкового камня в одну штуку; в нем 5 покоев, 1 кухня, 1 кладовая, 3 деревянных сеней, 1 чулан, дверей с приборами крашеных 9, окон со стеклами и приборами 8, печей голландских 4 и варистая 1, полы и потолки дощатые, крыт дранью на одном скате, выштукатурен изнутри и снаружи. В конце флигеля

маленький погреб. Сарай с погребом из бутового камня 6 на 3 сажени и 1 аршин. Сарай под дранью, погреб под черепицей – в нем створчатые двери, 1 окно. Землянка из бутового камня 3 сажени 2 аршина на 2 сажени 2 аршина – в ней 1 людская, 2 варистые печи, 3 окна со стеклами, 2 двери, покрыта землею. Ворота деревянные с калиткою и деревянными дверьми на каменных столбах, сверх оных карниз и архитрав. Земли 30 на 30 саженей. Все строения обнесены каменною стеною из штучного камня высотой с фундаментом 4 аршина.

По смете строения оценили в 3.896 рублей 6 и две трети копейки. Остановились на 4.000 рублей. Из этой суммы Капелло должен был получить сразу 2.600 рублей, вырученные от продажи обветшавшего казенного дома елисаветградскому купцу Кондрату Сапожникову, а остальные – в первых числах января 1810 года. Свой дом Капелло должен был передать казне в последних числах июня. На заседании ОСК 7 июня 1809-го в присутствии герцога Ришелье кондиции утвердили, и сказанная недвижимость перешла в ведение Строительного комитета.[91] К сожалению, мне пока не удалось отыскать информации, когда именно это приобретение передали в собственность питейному откупу. Но можно уверенно говорить, что довольно продолжительное время дом использовался для той задачи, каковую преследовала покупка, тем более, то было сделано в годы войны, когда Одесса, по существу, была прифронтовым городом. Кроме того, первичный подвал вполне удовлетворял запросы откупа, да и на плане города 1814 года мы не видим существенных изменений, каковые должно было бы вызвать перепрофилирование функционального назначения этой территории. Полагаю, та инфраструктура была передана откупу не ранее конца 1810-х или даже в начале 1820-х.

Документально функционирование второго питейного подвала, причем уже на протяжении некоторого времени, фиксируется в декабре 1824 года. В журнале заседаний ОСК речь идет о переделке фронтона и брандмауэра «при подвале Одесской питейной конторы». Старый фронтон упал, и поскольку сосед, консул фон Том, нарастил стены смежного флигеля до 1½ аршин, то существует опасность, что выброс из возвышающихся там дымовых труб может послужить причиной пожара. По итогам обследова-

ния и оценки ситуации подполковником Кругом и архитектором Фраполли строительный подрядчик Вальб получил соответствующие указания.[92] Указание о разрушении старого фронтона как будто говорит о давности постройки. Однако у нас нет надежных гарантий, что это одна из построек, осуществленных еще Капелло. Фронтон вполне мог разрушиться в течение первых лет постройки, как неоднократно случалось в те годы.

Другое интересующее нас архивное дело – «Отзывы (сообщения) Строительному комитету о выполнении его распоряжений и прошения о выдаче некоторых сумм на строение» – относится к 1827 году. В нем имеется информация «о зданиях, занимаемых Одесской питейной конторой». Откупщиками выступают коммерции советник Василий Кошелев и купец Григорий Маразли (старший), вариант «коммерции советник Кошелев с Компанией». К несчастью, контекст не дает возможности четко атрибутировать перечисляемые объекты и строения. Создается впечатление, что здесь вперемешку представлены та и другая территории питейной конторы, по обе стороны Преображенской. Эту мысль навевает упоминание «двух дворов». Кроме того, говорится о доме с палисадом по улице, подвале с палисадом во дворе, трех ветхих воротах во дворе. Здесь же сказано, что подвал строил подрядчик Орлов, но по смерти его расчеты велись с супругою, одесскою купчихою Дарьею Орловой, которая приняла на себя обязательства покойного и по другому подряду. Этот сюжет я уже рассматривал по другому поводу. Здесь важна дата кончины подрядчика Ильи Орлова – смерть его последовала после 26 ноября 1826-го, но ранее 1 марта 1827-го.[93] А поскольку обустройство питейного подвала хронологически относительно близко, следовательно, речь идет о капитальной реконструкции либо полной перестройке первичного подвала Дофине, ибо смежный с фон Томом подвал был построен явно ранее. В том же архивном деле обсуждается и вопрос о постройке откупом пополам с городом цистерны, однако четких итогов реализации этого проекта не видно.[94]

Следующий сюжет лаконично касается ранних водочных, пивоваренных и медоваренных заводов. Несколько мелких пивоварен функционировало уже в конце XVIII столетия[95], но и в 1802-м из доходной части городского бюджета 45.543 руб. 54 коп. откупная

сумма за пиво и мед от одесского 3-й гильдии купца Василия Ивановича Авчинникова составляла лишь 138 руб. 20 коп.[96]. 11 мая 1803 года Авчинников подал прошение в магистрат об отводе ему места под хозяйственное заведение для варки полпива неподалеку от Херсонского шлагбаума, каковое поручили освидетельствовать одному из ратманов. 15 мая место для устройства хутора с пивоварней в том же районе, на Пересыпи, запросил одесский 3-й гильдии купец Николай Васильевич Лифенцов, тоже известный старожил, ратман первого Городового магистрата.[97]

Очень важный момент в контексте истории местного винокурения заключается в том, что первые заведения занимались изготовлением преимущественно фруктовых водок, каковая традиция сохранялась в Одессе достаточно долго. Это связано с тогдашней дешевизной сырья, которое обильно доставлялось морским путем из Леванта – финики, инжир, кешью, изюм и др. Один из таких заводов, и опять-таки в предместье Пересыпь (изначально топоним функционировал в мужском роде – Пересып), основал Евангелий Андриянский, отставной капитан Греческого дивизиона. Под заведение отвели участок размерами 15 на 30 саженей.[98] Понятно, почему пивоваренные и винокуренные заводы тяготели к ближней части Пересыпи и Водяной балке: подземные воды находились тут на незначительных глубинах, что облегчало рытье колодцев, без которых производство было немыслимо.

Пивоваренный завод одесского купца Дементия Мясоедова, правда, располагался повыше балки, однако все равно неподалеку от надежных источников водоснабжения. Кроме того, он вырыл и собственный колодец. Присутствие Мясоедова в качестве владельца недвижимости фиксируется прошением, поданным в ОСК 13 апреля 1814 года, в котором говорится о завершении им строительства пивоваренного завода – на собственном месте, за городом, по Овидиопольской дороге, позади сальных заводов.[99] Этот документ свидетельствует о некоторой давности отвода места. По крайней мере, основной этап строительства должен относиться к предшествующему сезону 1813-го, а очень возможно, и более раннему, до чумной эпидемии. К сожалению, пока не располагаю данными о дате причисления Дементия в городское гражданство, однако в метрических записях Свято-Николаевско-

го соборного храма одесские мещане Мясоедовы (Мясоеды) – Иван, Матрона, Моисей – фигурируют в 1799 и 1801 годах.[100]

Винная бутылка конца XVIII ст. из раскопок дома Велисарио

К числу самых первых, основанных еще в конце 1790-х, относится пивоваренный завод Ивана Ивановича Мигунова. Он руководил городским самоуправлением в 1803-1806 годах. Как и Портнов, он был уроженцем города Орла, откуда выбыл в июне 1792 года, а в Одессе в третью гильдию купечества записан в 1797-м, с объявленным капиталом в 2.100 рублей. Было ему тогда 46 лет, его жене Евдокии – 32, детям: Григорию – 11 лет, Ивану – пять, Татьяне – полгода. В 1798 году он реально торговал на 1.000 рублей, в том числе в России на 600. Владел он в Одессе двумя флигелями в восемь помещений, амбаром, двумя магазинами, двумя сараями, двумя лавками на Греческом базаре, салотопным и пивоваренным заводами в пригороде, «за Тираспольской рогаткой». Торговал рогатым скотом на свой капитал и с кредитом. Был членом Одесского строительного комитета, который, между прочим, приобретал для своих нужд свечи в его лавке. Курьезный эпизод: из докладной записки настоятеля одесской Свято-Николаевской церкви, будущего Свято-Преображенского собора, в магистрат от 23 июля 1797 года следует, что в день тезоименитства государыни императрицы на литургии из всех городских гражданских чинов присутствовал один только старший бургомистр Мигунов. И.И. Мигунов, его супруга Евдокия и, по крайней мере, двое детей стали жертвами катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов, после чего их имущество распределилось меж уцелевшими сыновьями Иваном и Степаном.[101]

Базовым для откупа долго оставался упоминавшийся выше пивоваренный и водочный завод Кошелева, устроенный им на приобретенном в декабре 1813 года хуторе.[102] 11 мая 1823 года в Одесском коммерческом суде зарегистрирована купчая крепость на эти состоящие на Водяной балке «пивоваренную и водочную каменные фабрики, или заводы, со всеми при них каменными ж строениями, медными кубами и прочими посудами». С того времени все оное движимое и недвижимое имущество принадлежало «одесскому купцу Григорию Маразли и Компании»[103], однако горожане и много лет спустя продолжали называть это предприятие заводом Кошелева[104].

Под занавес этого утомительного академического текста – развлекательная цитата из письма одесского градоначальника А.И. Лёвшина новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову от 27 августа 1833 года: «Теперь только вижу, до какой степени безнравственно здешнее народонаселение, которое можно назвать дрожжами, ценою или извержением русского народа, смешанным с такими же отраслями польской и молдавской наций. Представьте себе, что отец или мать семейства, выработав 1 или 1½ рубли и зная, что у них дома дети без пищи, не идут к ним, но бросаются в кабак и, напившись, валяются пред храмом Бахуса, пока у них что-либо есть в кармане. Таких примеров замечено уже много, и я с грустью в сердце вижу, что большая часть наших пособий (раздача хлеба в неурожай. – **О. Г.**) идут прямым путем к г-ну Маразли. Не таков народ русский вообще, хотя и любит выпить в праздник. Гнусные привычки здешних жителей происходят от их бездомности, от духа бродяжничества, которого причину хотя и немудрено понять, но которому, как я полагаю, правительство должно ныне противиться для спасения нового поколения, здесь родившегося».[105]

Примечания

[1] К. Смольянинов. История Одесы. – Одесса, 1853, с. 103.

[2] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 73-77, 80-87.

[3] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – 1853, с. 591. – ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 65; Аполлон Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793-1823. – Одесса: Optimum, 2007, с. 45.

[4] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 447. – 16 л. (утрачено, но название само по себе вполне информативно); Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», с. 372; А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 50, 71, 72.

[5] К. Смольянинов; Там же, с. 59.

[6] Александр де Рибас. Старая Одесса: забытые страницы. – Киев: Мистецтво, 2004, с. 28-29.

[7] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 132. – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1869, апрель-июнь. Книга вторая, с. 132; И.М. Долгорукий. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. – Москва, 1870, с. 89.

[8] А. Орлов; Там же, с. 131.

[9] Русский вестник. Т. 58. – Москва, 1865, с. 588, 589.

[10] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 19, л. 2 – 2 об., 8.

[11] Там же, л. 1.

[12] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллаква в 1836 году (инв. № К-609); Там же, инв. № К-602; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1.

[13] ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 257 об.; Там же, д. 76, л. 17, 19 об.; Там же, д. 80, л. 17.

[14] ГАОО, ф. 4, оп. 1а – 2а, л. 6 – 6 об.

[15] ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 257 об.; Там же, д. 76, л. 17; Там же, д. 80, л. 17 об.

[16] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 87.

[17] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 20.

[18] Там же, л. 59, 125, 275.

[19] Там же, л. 48.

[20] Там же, л. 45.

[21] Т. н. трехверстка Шуберта 1868 г.

[22] ГАОО, ф. 4, оп. 1а, д. 30 (утрачено).

[23] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 604-606.

[24] Там же, д. 257, л. 202.

[25] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 16; Там же, д. 269, л. 355, ф. 44, д. 15. – 71 л.

[26] Там же, д. 274, л. 19-20, 32.

[27] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 150-152; Там же, оп. 1, д. 27, л. 177; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 390.

[28] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 75, 76. 77.

[29] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 22-31.

[30] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 116.

[31] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 462 (утрачено).

[32] Там же, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 250.

[33] Там же, ф. 59, оп. 1а, д. 56. – 360 л.

[34] Там же, оп. 1, д. 4, л. 400, 401, 402, 404; Там же, д. 145, ч. 2, л. 680.

[35] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 272.

[36] Там же, д. 258, л. 1 об.

[37] Там же, л. 311 об.

[38] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 148, 149.

[39] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 68. – 9 л. (утрачено).

[40] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 50.

[41] Там же, д. 262, л. 9.

[42] Там же, д. 264, л. 39 об.

[43] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 316-317.

[44] В период чумного карантина Одесская питейная контора отпускала для казенных надобностей в зачет контракта пития натурой и некоторые наличные суммы. В журнале заседаний Строительного комитета от 27 февраля 1813 года есть запись об отпуске водки полугарной 38 ведер по 6 руб., пенной – 7 ведер 3 кварты по 10 руб., фруктовой – 4 ведра 1 кварта по 25 руб. Кроме того, полицмейстером Павлом Степановичем (Стефановичем) Мавромихали получено 200 руб. медною монетою. Итого 608 руб. 50 коп. Очень любопытна и следующая ремарка: «Во время чумное приказано отпустить водку полугарную и пенную для невольников, употребленных к рытью ям и похоронению мертвых тел, и фруктовую для офицеров, определенных к препровождению мертвых тел на место похоронения и зачумленных людей в карантин» (ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 72 об. – 73).

[45] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 458-465.

[46] Там же, л. 460.

[47] Там же, л. 437-438.

[48] Там же, л. 487.

[49] Там же, л. 489-490.

[50] Там же, л. 496-498.

[51] Там же, д. 265, л. 5.

[52] Там же, л. 9-10.

[53] Там же, л. 12-16.

[54] Там же, л. 17, 80.

[55] Там же, л. 234.

[56] Там же, л. 349.

[57] Там же, л. 367-368.

[58] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 458-459.

[59] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 37.

[60] Там же, л. 131.

[61] Там же, л. 175-211.

[62] Там же, д. 264, л. 156.

[63] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 783.

[64] Там же, л. 782, 784, 785.

[65] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 247.

[66] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 445. л. 4-5.

[67] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. – СПб., 1821, ч. 2, с. 244.

[68] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 635.

[69] Там же, д. 268, л. 248-252 об.

[70] Там же, л. 253-256 об.

[71] Там же, л. 257-258 об.

[72] Там же, л. 262 об. – 263.

[73] Там же, л. 274 об.

[74] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 12-24; Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 89-90.

[75] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 275 об. – 276.

[76] Там же, л. 277 об. – 278 об.

[77] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 168-172.

[78] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 279-283.

[79] Там же, л. 310-311 об.

[80] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 418-419.

[81] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 44.

[82] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 5-7.

[83] Там же, д. 88, л. 182-184.

[84] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 368 об. – 369.

[85] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – 1853, с. 593.

[86] К. Смольянинов. История Одесы. – Одесса, 1853, с. 116; А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 131.

[87] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 277.

[88] Там же, л. 667.

[89] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 105, 203, 257.

[90] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.

[91] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363, 364-365.

[92] Там же, д. 287, л. 708-710.

[93] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 203, 207.

[94] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 128, л. 23, 29, 33 и др.

[95] Одесский вестник, 1827, № 94. Дополнение.

[96] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 104, 231.

[97] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 15, 26-28; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 254-259.

[98] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 49 об. – 50; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 23.

[99] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 95-96, 233.

[100] Там же, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 250, 258-258 об.; Там же, д. 80, л. 21 об., 23, 24 об.

[101] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 303. Тут все архивные ссылки.

[102] Там же, с. 316-317.

[103] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, с. 592.

[104] Одесский вестник, 1832, 30 июля, № 61. В объявлениях.

[105] Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 75.

Марк Найдорф

Одесса. Главная улица города

В статье на примере улицы Дерибасовской в городе Одессе обсуждается понятие «главной», или «центральной» улицы классического города Нового времени. Понятие «центральной улицы» рассматривается в соотнесении ее функции и структуры в трех аспектах: топографическом, институциональном и символическом. Показано, что разноаспектные свойства «центральной улицы города» взаимосвязаны. Прослежена историческая трансформация функций, возлагаемых на «главную улицу города» в эпоху современной массовой культуры. Одновременно отмечено, что в новых условиях функция классической «центральной улицы» переходит к более пространному «центру города». Основным материалом исследования служат литературные описания Одессы в произведениях В. Жаботинского, И. Бабеля, Е. Ярошевского, В. Ярмолинца, фольклорных источниках и личные наблюдения автора.

Осторожный автор любительской сетевой энциклопедии назвал Дерибасовскую «одной из центральных улиц Одессы» [3]. Формально он прав: не существует документа о присвоении этой улице на все времена особого статуса главной или центральной, хотя традиция такая есть, и в отсутствие формальных оснований можно было бы апеллировать к общепринятому. Но, видимо, исторически сложившееся исключительное значение Дерибасовской для Одессы показалось автору не очевидным или, по крайней мере, не общеочевидным. Сомнение, следовательно, добралось до символа, в развенчании которого вроде бы никто не заинтересован.

В 1930-е годы Владимир (Зеев) Жаботинский в романе «Пятеро» восторженно назвал Дерибасовскую «королевой всех улиц мира сего», оговорившись, впрочем, что «такие вещи доводами

не доказываются». Напомню этот отрывок: «Это произошло на Дерибасовской, года через два после начала нашего рассказа. Редакция наша находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади; и, по дороге туда, ежедневно я проходил по всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. Почему королевы, доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника. Но такие вещи доводами не доказываются; *всякий титул есть мираж* (курсив мой. – **М. Н.**), и раз он прилип и держится не отклеиваясь, значит – носитель достоин титула, и баста. Я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской, как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук; уверен, что не я один» [4].

В последний раз Жаботинский был в Одессе в 1915 году, его «Пятеро» питались воспоминаниями юности. Описание Дерибасовской Семеном Юшкевичем в повести «Улица» тоже относится к началу XX века. Юшкевич пишет о Дерибасовской так, как можно сказать только о главной улице, что она «таинственно властвует над городом»: «На Дерибасовской всегда много народа – днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой… Всегда на ней густо, шумно, тесно, грубо, нежно, очаровательно и страшно. Изрезанная во всю длину переулками, улицами, замкнутая собором и морем, она своими прелестными старинными домами, своим садом, неожиданно появляющимся за зеленой решеткой, своими отелями, кофейнями, ресторанами, магазинами, своим простором, большим куполом радостного неба, суетой, движением таинственно властвует над городом» [11, с. 77].

«Таинственная власть миража» – так можно сказать о символе как знаке особого рода, который отсылает не к частичному знанию (знанию о чем-то), а к целостному пониманию, то есть к системе представлений, в рамках которой рождаются значения [6, с. 100]. В приведенных выше описаниях Дерибасовская – не просто улица с известным набором свойств, но особое *место*

в Одессе, чье символическое значение открывается вместе с пониманием устройства и духа города в целом. Это чувство городского пространства порождало ту властную силу, которая заставляла, вступая на Дерибасовскую, «пальцем пробовать, не развязался ли галстук», и которая влекла на Дерибасовскую «много народа – днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой…» [4].

Интересно, что в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля Дерибасовской нет. Если для персонажей «Улицы» Юшкевича Дерибасовская является смыслообразующим центром их жизни, то для персонажей Бабеля центр находится там, где они живут и работают. Бабелевская Одесса как бы целиком перемещена в один из ее районов, в рабочее предместье, где есть своя (бандитская) аристократия, свой Король и свое место, предназначенное для размышлений о смысле жизни, – стена Второго еврейского кладбища.

Юшкевич противопоставляет их: окраину города и центр его, символизированный Дерибасовской. Он описывает, как в движении от окраины к центру

«уже чувствовался город, его гулкий шум… Мчались сани, звенели бубенцы, мелькали меха, зимние шапки.

– Вот тут забываешь обо всем, – произнесла Соня, грустно улыбнувшись. – Ах, этот город, ах эти улицы!..

Чем ближе к Дерибасовской, тем веселее становилось обоим. Зачем думать о печальном? Сейчас они вступят в заколдованное царство любви» [11, 122].

Бабель совсем иначе понимает пространство, в котором живут его персонажи. Оно как бы и не городское, оно размечено вечными природными ориентирами – солнцем, морем, естественной размерностью человеческого существования. Оно предельно демократично, это пространство, потому что помещает каждого человека «посредине мира». Когда солнце «дошло до середины блистающего неба» (рассказ «Любка Казак»), «дикие мужики из Нерубайска и Татарки, остановившиеся на Любкином постоялом дворе, полезли под телеги и заснули там диким заливистым сном, пьяный мастеровой вышел к воротам и, разбросав рубанок и пилу, свалился на землю, свалился и захрапел посредине мира, весь в золотых мухах и голубых молниях июля. Неподалеку от него, в холодке, уселись морщинистые немцы-колонисты,

привезшие Любке вино с бессарабской границы. Они закурили трубки, и дым от их изогнутых чубуков стал путаться в серебряной щетине небритых и старческих щек. Солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки, исполинское море накатывалось вдали на Пересыпь, и мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива» [1, 185].

Создал ли Бабель альтернативное понимание Одессы, или только художественно зафиксировал его, но сторонники «Одессы без Дерибасовской» находят в его рассказах надежную опору. Весь минувший век шел этот подспудный спор о Дерибасовской, фактически же спор об Одессе – о любви к ней, об обиде на нее, о желанном признании ею.

Повесть Ефима Ярошевского «Провинциальный роман-с» – лучшее из одесской прозы 1960-70-х [13]. В ней тоже нет ни слова о Дерибасовской. Пространство у Ярошевского устроено так, что в центре не нуждается и даже чурается его. Схватывание города происходит здесь из невозможной верхней точки, откуда город еще *кажется* живым: «Птицы покричали, посплетничали и успокоились. Внизу искрились трамваи, проносился с зажженным фонарем продавец мороженого с тачкой под разноцветным тентом. Покрикивали машины… Внизу был город. Там были обидчики. А тут птицы, друзья». Но читатели (ненапечатанная книга отрывочно была известна в Одессе с 1970-х) знали то, что знал и автор: «обидчики» эти оккупировали город, умертвили его, сделали жизнь в нем невыносимо бесцельной: «Гробом казалась ему его квартира. И он выбегал, с треском надевая плащ… Улицы были покрыты язвами. Больной, порочный тротуар, в лужах из мочевины и похабных трещинах. Боже! Куда идти? «Кому повем печаль свою?..» И тогда над ним плакало небо, осыпались акации. Покорно мок под ливнем Привоз. Все в слезах проходили кони» [13, 23].

Жизнь персонажей в этом оккупированном «ими» городе состояла из разговоров. И минимума действий.

«Посещения, посещения. Вся жизнь состояла из посещений», – читаем у Ярошевского [13]. «Потом мы пошли к Степанычу. Он вел с собой изнурительные беседы:

– Болен я, вот что главное. Болен. Я болен так же, как они. Или болен мир? Это крайне важно выяснить. Может быть, мы оба

больны? Я и мир? Нет. Мир прекрасен. Люди погубили его. И я тоже. Расплодились, толкаются. Живут, а жить не умеют…»

Или так: «Напряженной жизнью жил подвальчик, выпархивали оттуда синие плазменные язычки: алкоголики опохмелялись теплой водкой… Серный дымок вился из преисподней, куда падали, спотыкаясь, ханыги квартала» [13, 35].

Писатель говорит: «Слабоумие витало в воздухе». Понятно, что жизнь переходила туда, где ее не могло быть, – в мечту, эстетически-ироническую фантазию: «А ведь было время. Были времена… Когда распахивалась ночь. Когда ночь была, как писал поэт, «как пиршественный стол»… Мы шли с ним, пересекая дома и улицы, проходили сквозь здания, нарушая все правила видимого движения…» [13, 26]. При чем же тут Дерибасовская, если нет города, а есть лишь греза, живущая ради себя самой?

Роман Вадима Ярмолинца «Свинцовый дирижабль «Иерихон 1986-1989» [5] – вещь, написанная одесситом, живущим в США*. Суровая пристальность авторского взгляда сохранилась, надо думать, отчасти благодаря эмиграции. Как и незамутненная память об оставленном месте. В сознании эмигранта навсегда замирает срез времени, оборванного в момент расставания.

Персонажи романа живут в Одессе. Но сказать, что роман – об Одессе, значит упростить дело. Ярмолинец описал обрушение СССР в опыте обычного человека, не предполагавшего даже, что государство, в котором он живет, скоро исчезнет. Как и большинство сограждан, герой чувствовал, что непредсказуемо изменчивая повседневность стала отторгать его, игнорируя любые усилия найти в ней свое место. В итоге он последовал за автором в эмиграцию. Не будем забывать, однако, что его соотечественники, те, кто никуда не уехали, в сущности, тоже эмигрировали: спустя недолгие годы они нашли себя в другом государстве и в непредвиденно другом, сильно переустроенном мире.

В распаде СССР не было никакого трагизма и величия. Это вам не гибель Помпеи по Брюллову. Ложь, лицемерие и цинизм вконец разрыхлили государственные институты, но они же до последнего прикрывали их немощь. Здравый смысл и любые формы

* Первая публикация была в журнале «Волга» в 2008 году. Полагаю, что это лучшее из прозы, написанной об Одессе в недавние десятилетия.

общественной самоорганизации подвергались унизительной травле, оставляя частному человеку, обывателю выбирать между разочарованием и еще большим цинизмом. Не очень-то веселый выбор. И роман Ярмолинца поэтому не веселый. Раздраженное недоумение не раз появляется на его страницах. Журналист, получивший кагэбэшное задание, досадует: «Где была моя страна? Где была та страна, в которой я мог бы заниматься любимым делом, а не выполнять поручения идиотов, преследующих свои идиотские цели? В то время как пресса и телевидение только и трубили об обновлении общества, клещ из комитета поручил мне очернить покойника на том основании, что при жизни тот был буддистом. Чем этому козлу и его начальникам мог мешать этот безмолвно медитирующий отшельник?» [12].

Не нужно было далеко ходить, чтобы увидеть, что хаос в стране нарастает не только по вине «козлов» и «идиотов». Комсомольские вожди уже вцепились в возможность обогатиться. Под видом борьбы с идеологической опасностью из-за рубежа они устроили облаву на сходку, где молодые люди обменивались записями рок-музыки. Овладев пластинками, комсомольцы обсуждали, как ими распорядиться. «Это был самый обыкновенный дележ награбленного. Я не представлял, как это все вернется к своим хозяевам. Я хорошо представлял только, как оно могло разойтись по этим жадным рукам, как эти бойцы идеологического фронта будут слушать эту музыку сами, со своими телками и под свою водку, постепенно свыкаясь с мыслью, что это принадлежит им по праву сильных, в смысле – наделенных властью» [12].

В романе Ярмолинца два рода связей психологически помогают герою устоять: тепло человеческой близости и родство с городом – с его доставшейся от прошлого материальной неизменностью, ясной структурностью и функциональной осмысленностью. Одесса у Ярмолинца конкретна, неповторима, персонализирована. В романе по разным поводам приводится более двух десятков названий улиц, площадей и районов города. Вся топография подлинная. Подлинные имена означают предельную реалистичность романного пространства. Не условный «большой город», а именно Одесса. И не когда-нибудь, а в самом конце ее советской истории – с тогдашними еще улицами имени Ленина, Карла Маркса и Карла

Либкнехта, Советской Армии, Клары Цеткин, Франца Меринга, Бебеля и проспектом Мира.* В некоторых случаях автор сопоставляет два названия одной улицы. Например, напоминает, что улица Баранова до революции называлась Княжеская, а улица Энгельса – так это в устах официального лица, а в частном общении она неизменно зовется по-старому Маразлиевской.

Это давний прием привязывать сочиненное действие к протокольно точной топографии, благодаря чему рассказанное кажется более достоверным. Но Ярмолинец не просто называет улицы. Пространство города у него надлежащим образом осмысленно. Например, исторический центр города (в романе прямо сказано, «с одной стороны – порт, с другой – ж/д вокзал») – это преимущественно пространство личных связей. А дела – редакция комсомольской газеты, новый бизнес («кооператив занимал подвал в пятиэтажке на улице Терешковой»), а также частные дома новых деловых людей – вынесены за пределы центра, в район, который раньше считался маргинальным во всех отношениях. Знаток старой Одессы, американский антрополог Стив Ципперштейн как-то заметил, что в историческом центре люди жили на расстоянии пешей доступности, что было существенно важным для поддержания дружеских контактов. Это наблюдение верно и для пространства романа «Свинцовый дирижабль»: дружили в советское время еще по старинке, без телефонов, с личной явкой.

Дерибасовская на карте романа может быть названа «одной из центральных улиц Одессы». Она в нем не «царствует». Случается, что по пути к цели герой пробегает ее, сворачивая в ближайший переулок, однако у него не возникает известного Жаботинскому чувства, «словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия» [4]. Позднесоветская Дерибасовская уже успешно десакрализована. Наиболее значимое ее место в романе – неоднократно упоминаемый Первый гастроном, расположенный в самом ее конце, в здании исторического Пассажа**. Герой заходит

* Ни одного из этих названий сейчас нет, восстановленные образуют, конечно, иной семиозис.

** Первый гастроном был самый благополучный продовольственный магазин в Одессе, напоминавший по своей демонстративной функции «Елисеевский» гастроном на улице Горького в Москве.

туда купить банку болгарских огурцов – ради маринада, чтобы справиться с похмельем. Вот и все.

Между тем Пассаж – это тот край Дерибасовской, где она переходит в Соборную площадь*. Именно Соборка (без снесенного большевиками собора) оказывается в пространстве романа смысловым центром города. Ярмолинец пишет: «Странное дело – куда бы я ни шел, непременно оказывался на Соборной площади. Она была главным перекрестком города. И сейчас я снова оказался в сквере возле школы, которую когда-то окончил. Школы, которую построили из камней того самого взорванного собора, из-за чего, говорят, над зданием этим висело проклятье. Это было, конечно, натуральное суеверие, тем не менее здание постоянно давало трещины. Его камни как будто были недовольны нынешним местоположением и стремились порвать навязанные им связи, чтобы вернуться на свои старые места» [12].**

Мы видим, что автор не только чувствует неожиданно возросшую важность Соборной площади как нового центра города, он ищет священный источник ее значения. Смещение центра – следствие смещения его основной функции. При советской власти личное богатство таили, государственная власть репрезентировала себя на площади парадов с памятником Ленину (площадь Октябрьской революции), а Соборка с памятником графу Воронцову*** [2] стала символизировать преобладающие интересы частной жизни: скамейки, девушки, цветочницы, свидания, пони, катающие детей, бабушки, читающие внукам книжки («На детской площадке шумела детвора. На соседней скамейке перекуривали две подружки. Обе были в очень коротких кожаных юбках и туфельках на каблуках» [12] и т. д.). Одесситы захотели чувствовать себя общиной частных лиц – вне интересов государства, вне политики и пока еще вне бизнеса – и они нашли в Соборке место, символизировавшее эти ценности. На траурный митинг

* Одесситы так и не признали за ней официального названия – площадь Советской Армии.

** На месте разрушенного в 2000-х гг. был возведен новый Свято-Преображенский собор, повторявший, в основном, облик старого.

*** С 1823 г. новороссийский генерал-губернатор [http://www.odessitka.net/content/view/99/138/].

на смерть А.Д. Сахарова в декабре 1989 года одесситы сошлись на Соборке. Тогда это был в их понимании смысловой центр города.

Между тем в народном сознании Дерибасовская оставалась центральной улицей и символом Одессы. В романе приводится текст песни, которую поет местная рок-группа:

По Дерибасовской родной гуляю я степенно,
Смотрю я в лица и грущу, признаюсь, откровенно.
Зачем, скажите, нам нужны Ямайки и Гавайи,
Когда у нас в Одессе есть не хуже попуги!

Впрочем, фольклор всегда обращен к прошлому.

В последнее лето XX века автор этой статьи провел со своими студентами семинар на тему «Дерибасовская 2000-го года». Участники констатировали, что функция центральной улицы к ней частично возвратилась. Прилегающая к Дерибасовской Греческая площадь стала тогда транспортным узлом, куда сходились автобусные маршруты, связывающие центр со спальными районами города. Поездка «в город» поэтому почти всегда означала выход на Дерибасовскую. Городской сад стал по моде тех лет центром продажи изделий сувенирного ремесла. Улица покрылась сплошной линией кафе и стала полностью прогулочной. Пестро украшались витрины. Появились фотографы с мелкими животными, уличные художники и музыканты, и аттракционы для детей. Улице вернулась, пусть провинциальная, развлекательность. На Дерибасовской вновь стали вероятны случайные встречи, невозможные в других местах города. «Если вы ищете необычный интересный подарок, то вам стоит заглянуть в Горсад», – говорили студенты. К 2000 году Дерибасовская вновь стала «улицей радостных встреч и подарков» – констатировали участники семинара.

В последующие годы власти города предприняли ряд мер, которые отразились на положении главной улицы Одессы. Теперь и Греческая площадь стала пешеходной. Таким образом, центральная улица была исключена из «большого» транспортного обмена. Сувенирная торговля была перенесена из Городского сада на Соборную площадь. Преимущественное размещение на Дерибасовской вновь получили респектабельные магазины

и рестораны. Отчасти изменились способы демонстрации статуса и богатства: шикарную одежду заменил шикарный автомобиль у дорогого ресторана. Поэтому более важным, «центральным» стал перекресток Дерибасовской с Екатерининской улицей и прилегающими кварталами, где можно припарковать автомобиль. Все это частично изменило состав и плотность гуляющей на Дерибасовской публики.

И все же Дерибасовская традиционно остается своего рода витринно-демонстративной улицей города. Через сто лет после возведения одного из лучших торговых центров тогдашней России – «Пассажа Менделевича» – на Дерибасовской построили торговый центр «Европа» (2005), появление которого символизировало вновь возникшую на грани XX-XXI веков моду на торговые центры. Немного ранее на Дерибасовскую «вступил» один из первых в Одессе ресторанов «Макдональдс». По той же «фасадной» логике, на Дерибасовской в начале 1920-х был учрежден первый в городе советский ЗАГС*, в 1960-х появился первый магазин современного тогда быта «Синтетика», а десятилетием раньше (1956) – жилой дом работников знаменитой китобойной флотилии «Слава» (это о ней – оперетта И. Дунаевского «Белая акация», 1955)**. Праздники, фестивали, народные гуляния и посейчас, чтобы получить признание общегородских, должны явиться на Дерибасовскую. Например, первоапрельская Юморина включает шествие по Дерибасовской. На центральную улицу выносят все, что может считаться важным для города: от фестиваля клезмерских оркестров и ежегодной книжной ярмарки до массовых гуляний в День города, креативных флешмобов, торговых и политических рекламных акций.

Дерибасовская является центральной или «одной из центральных улиц» в Одессе по ряду причин. Прежде всего, топо-

* «Читателю все это может показаться невероятным, но таково было время. Паспортов не существовало, и браки легко заключались и расторгались в отделе актов гражданского состояния на Дерибасовской в бывшем табачном магазине Стамболи, где еще не выветрился запах турецкого табака. Браки заключались по взаимному согласию, а разводы в одностороннем порядке» (Катаев В. Алмазный мой венец. – М., 1979).

** Официальным гимном города является «Песня об Одессе» из оперетты И.О. Дунаевского «Белая акация».

графически. Она расположена в центре исторически «ядерной» части города. И сегодня старый центр остается территориально равноудаленным от обоих краев города, далеко растянувшегося вдоль берегов Одесской бухты.

Во-вторых, институционально. Историки Одессы отмечают, что первоначальный, так называемый деволановский план застройки Одессы [10] не предусматривал единого общественного центра города.*** Центральная улица, следовательно, исторически возникла в ответ на общественную потребность сосредоточить в одном месте учреждения, обслуживающие общепонятные нужды горожан. Тут был заложен первый городской сад (1803)**** [10], открыта первая городская коммерческая гимназия (Вольсея, 1804) и первое высшее учебное заведение в Одессе (Ришельевский лицей, 1817). В разное время на Дерибасовской размещали то, что считалось общественно ценным, например первую одесскую типографию, знаменитый кинотеатр (кино «Уточкино»), в советское время – крупнейший книжный и нотный магазин, одесское отделение Госбанка (1953), в досоветское и постсоветское время – торговлю с вывесками знаменитых иностранных фирм. К Дерибасовской улице примыкают

*** «Что до единого общественного центра города, он действительно не был предусмотрен. Однако при сопоставлении деволановского плана Одессы и его модификаций 1803, 1809 и 1811 гг. сразу же бросается в глаза не столько отсутствие такого центра, сколько несоразмерно большое число крупных площадей, рассредоточенных в пределах намеченных границ города. Всего их восемь, расположены они примерно на равных дистанциях друг от друга и за исключением будущей Соборной площади – прямоугольны. Невольно возникает предположение, что отсутствие общегородского центра связано с «региональными» функциями этих площадей» (Чарнецкий В. Загадка Деволана // Одесса, № 11-12, 1997. http://odessaglobe.com/russian/people/devolan.php).

**** Адмирал де Рибас, первый начальник и «собиратель» Одессы, сделавший столь огромный вклад в это оживление и обогащение причерноморских земель, кроме всего прочего оставил городу его самую знаменитую улицу – Дерибасовскую, и двухэтажный дом с садом на этой улице, идущей от Соборной площади на Ришельевскую. В 1801 году, когда де Рибас жил уже в Петербурге, в доме его помещалась канцелярия и квартира следующего градоначальника, герцога де Ришелье. Герцог, продолжая начатое де Рибасом, усердно занимался садом, развел там белую акацию и посадил собственноручно целые ряды диких каштанов. Это был первый сад на степной раскаленной одесской земле. Сегодня сад можно назвать зеленым музеем Одессы. В нем сохранилось немало столетних деревьев [http://live.od.ua/history/history/].

три площади, одна из которых Театральная, где в 1810 году (в 15-летней Одессе!) был открыт Городской театр, другая – Греческая, со старейшим, давно уже не существующим Греческим рынком, и Соборная.

В-третьих, символически. Концентрация общественно важных институций помещает главную улицу в центр общественного внимания, делает ее как бы основной сценой города. Появление на этой сцене значимо и определено условностями оформления и поведения (как известно, на Дерибасовской не спешат, «по Дерибасовской гуляют постепенно»). Повышенная семиотичность [9] на этой сцене означает, кроме того, что некоторые события, происшедшие на главной улице, приобретают общественную значимость только по этой причине. Газетный заголовок «Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан» намекает на то, что преследование нарушителя воспринимается как кинотрюк потому, что оно произошло на Дерибасовской [7].

Эволюция культуры, породившая на протяжении минувшего столетия массовое общество, породила и новые условия функционирования центра городского пространства. Для населения большого города масштаб улицы уже мал. Прогулка по Дерибасовской теперь лишь часть прогулки по центру города, образованного системой прогулочных улиц. Отнесение транспортных узлов за пределы центра освобождает его от случайных посетителей. Зато основным фактором привлечения прогуливающихся становятся кафе и магазины, а разглядывание витрин само по себе стало привлекательным занятием. Наконец, центр города должен теперь иметь площадку для массовых шоу и митингов (включая рок-концерты, которые можно понимать как особого рода омузыкаленные митинги). А Дерибасовская изначально для митингов не годится.

Центр города, однако, остается площадкой саморепрезентации городской общины. Обычные покупки, прогулки, развлечения теперь доступны в микрорайонах поблизости места жительства. За необычным – в театры, музеи, выставки – едут «в город», в центр его исторической части, которая остается основным носителем одесской идентичности.

Литература

1. Бабель И. Одесские рассказы // Избранное. – М: Художественная литература, 1966.

2. Граф Воронцов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odessitka.net/content/view/99/138/ (дата обращения 20.06.2012).

3. Дерибасовская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%F0%E8%E1%E0%F1%EE%E2%F1%EA%E0%FF (дата обращения 20.06.2012).

4. Жаботинский В. Пятеро. – М.: Независимая газета, 2002. – 333 с.

5. Катаев В. Алмазный мой венец. – М.: Советский писатель, 1979. – 224 с.

6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psylib.ukrweb.net/books/mampg02/txt07.htm (дата обращения 20.06.2012).

7. Милиция: Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odessa-daily.com.ua/lenta-od-novostey/45392-voditelya-porsche.html (дата обращения 20.06.2012).

8. Одесса. История. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://live.od.ua/history/history/ (дата обращения 20.06.2012).

9. Фрумкина Р. «Единственное место, где молодой мечтает стать старым» // Отечественные записки. 2003, № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/frumkina-pr.html.

10. Чарнецкий В. Загадка Деволана // Одесса. 1997. № 11-12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://odessaglobe.com/russian/people/devolan.php (дата обращения 20.06.2012).

11. Юшкевич С.С. Улица (из жизни одесских проституток). – Одесса: Optimum, 2002. – 180 с.

12. Ярмолинец В.А. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89». – М.: Олимп: Астрель, 2010. – 349, [2] с.

13. Ярошевский Е. Провинциальный роман-с. – Нью-Йорк: Lifebelt, 1998.

Михаил Пойзнер

«От героев былых времен не осталось порой имен...»?

О героической обороне Одессы 41-го написано немало. Наряду с известными исследованиями в свет выходят все новые и новые работы[1–4]. Настораживает, однако, следующее.

Несколько перефразируя видного английского историка XX века Александра Верта, автора уникальной монографии «Россия в войне 1941-1945», работы эти все же представляют собой в гораздо большей степени историю военных действий, чем человеческую историю.

Не затерялись ли за современным осмыслением и анализом тех или иных воинских операций, всеобъемлющей статистикой и количественными оценками реальные люди?! Люди, собственно, олицетворявшие собой саму оборону Одессы. Известные и безымянные, из часа в час, изо дня в день самоотверженно делавшие свое дело, в большом и малом приближая великую Победу.

Не заступило ли детальное описание тактик и стратегий, всей этой «героики и всеобщего подъема» конкретных личностей?!

Еще об одном, на первый взгляд, незаметном труженике войны хочется напомнить.

Начну издалека.

Несколько лет назад на Староконном базаре, перебирая ворох старых бумаг, я обнаружил два уникальных документа:

«Разрешение № 781 на право хранения и ношения личного оружия (пистолет системы «Наган»), выданное Асе Борисовне Фишман 16 августа 1941 г.»;

«Разрешение (временная квитанция № 919 от 1 октября 1941 г.) на право хранения и ношения пистолета № 261330, выдано Татьяне Борисовне Фишман».

Видимо, решение не таких уж рядовых задач поручалось сестрам Фишман в период обороны Одессы. В те годы личное оружие гражданским лицам выдавалось в случаях особых…

Мгновенно всплыли детские воспоминания.

В конце 40-50-х годов прошлого века мой отец Борис Григорьевич Пойзнер, член партии военного призыва, работал техником одного из ЖЭКов Ворошиловского (Центрального) района Одессы. Освобожденным секретарем партийной организации райжилуправления была некая Ася Борисовна Фишман.

С малых лет фамилия и имя этой женщины у меня на слуху. В те годы я встречал ее на детских утренниках, много раз видел на праздничных демонстрациях. Чуть сутулясь, она шла с другими руководителями во главе колонны Ворошиловского района – от ул. Толстого до Куликового поля. После парада – до Лейтенантского пер. (теперь пер. Вице-адмирала Азарова) на Французский бульвар. Здесь после демонстрации складывали на машины уже «отработавшие» транспаранты, флаги, портреты вождей…

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
УПРАВЛЕНИЕ РК МИЛИЦИИ
Одесская область
г. Одесса 16 августа 41 г.
РАЗРЕШЕНИЕ № 781
Фишману Асе Борисовне
гор. Одесса
ул. Чичерина, гор. Одесса
секретарю
револьвер
Наган калибра 7,62 № 3809
год выпуска 1934 завод изготовления тульск.
Действительно до 16 августа 42 г.
Нач. Управления РК Милиции
Отметки секретного отдела (части) управления об учете оружия

Одесса. Разрешение № 781 на право хранения и ношения личного оружия, выданное А.Б. Фишман 16 августа 1941 г. (на оригинале фотография отсутствует)

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
Одесская область
г. Одесса 1 октября 41 г.
ВРЕМЕННАЯ КВИТАНЦИЯ № 919
Фишману Абрашу Борисовичу
гор. Одесса
разрешено хр. и нош. л/о
Наганом № 384330
калибр 6,35
1 апреля 42 г.

Одесса. Разрешение (временная квитанция) № 919 от 1 октября 1941 г. на право хранения и ношения личного оружия, выданное Т.Б. Фишман

По отрывочным рассказам отца и его коллег, к Асе Борисовне относились уважительно, она никогда не выделялась среди других.

Это все, что я мог тогда запомнить.

Через много-много лет, когда я изучал архивные документы по военной истории и обороне Одессы в частности, мне где-то попадалась фамилия Фишман, правда, без указания инициалов. Мужчина это или женщина? К тому же, такая фамилия далеко не редкость, тем более в Одессе.

До сих пор не укладывается в голове, что та Ася Борисовна из моего детства и есть Ася Борисовна «из обороны Одессы».

…В середине сентября 41-го кольцо обороны города неумолимо сжималось. После того как Школьный аэродром, на котором базировалась наша авиация, оказался под артиллерийским огнем противника, вопрос выбора места для нового аэродрома стал как никогда актуальным. Командующий Одесским оборонительным районом (далее ООР. – **М. П.**), вице-адмирал Г.В. Жуков вспоминал[5]:

«…Огромную роль сыграла авиация как Черноморского флота, так и военно-воздушных сил Одесского оборонительного района. Летчики являли чудеса самоотверженности не только в воздухе, но и на земле… Они буквально не имели передышки. К тому же посадочные площадки находились беспрерывно под обстрелом авиации и артиллерии противника. До того дошло даже, что мы вынуждены были всерьез заняться изысканием площадки для посадки наших самолетов на одной из улиц Одессы, где противнику было бы труднее достать нашу авиацию».

Дальше речь пойдет о строительстве этого нового аэродрома. Вернее, об аэродромах, Асе Борисовне Фишман и других героических людях.

Удивительно, но в многочисленных публикациях 40-60-х годов[5-13] об этом аэродроме не сказано ни слова. При этом, например, в уникальном материале[6], изданном в 1943 г. (!), А.Ф. Хренову, одному из основных его создателей, посвящена отдельная глава.

Где же конкретно располагался новый аэродром? Кто и как его строил?!

Споры об этом в Одессе не умолкают до сих пор. Достаточно хотя бы посмотреть интернет-ресурс «Цусимские форумы» (обсуждение немецкой аэрофотосъемки района, дислокация аэродрома Чубаевка и др.).

Хренов А.Ф., генерал-майор, Герой Советского Союза, помощник командующего ООР[14]*:*

«…Около 6-й станции Большого Фонтана мы свернули с дороги вправо и остановили машину. Здесь раскинулся небольшой пустырь, окруженный обезлюдевшими дачными домиками, густым кустарником и узловатыми старыми деревьями. Место было неприметное. Правда, пустырь оказался в буграх и рытвинах, что потребовало бы дополнительных затрат труда при устройстве летного поля. Но рассчитывать на что-либо лучшее не приходилось. …Трудоемкость задания и очень сжатые сроки – вот что вызывало озабоченность. Я тут же приказал осмотреть заброшенные дачи и дома отдыха в районе будущего аэродрома – именно там следовало разместить строителей, чтобы избежать потерь драгоценного времени на их ежедневную доставку к месту работы. Там же надо было размесить и кухни, дабы обеспечить людей горячим питанием».

Понятно, что противник легко мог обнаружить с воздуха скопление большого количества людей и развернутое строительство. В этой связи, по предложению того же А.Ф. Хренова[14], практически одновременно с новым (основным) было решено приступить к строительству ложного аэродрома – в районе Стрельбищного поля (сегодня это, наверное, где-то в пределах улиц Гайдара – Комарова, Филатова – 25-й Чапаевской дивизии).

Новый аэродром (включая взлетную площадку длиной 1500 м и шириной до 40 м) построили за 7 дней (!), ложный – за 5 (!)[2, 15, 16]. Как утверждал А.Ф. Хренов[14]:

«…Мы добились главного – ложный аэродром не раз подвергался бомбежкам и артобстрелам, а на боевой не упало ни одной бомбы».

Череватенко А.Т., летчик 69-го истребительного авиаполка, Герой Советского Союза[17]*:*

«…В штабе оборонительного района был поставлен вопрос о дальнейшей работе истребительного полка. Передислоцироваться нам некуда, но и летать дальше в таких условиях нет возможности:

едва взлетаешь с аэродрома, как сразу же попадаешь под зенитный обстрел… Минуло еще два дня налетов и обстрелов. И тут поступил приказ: переселяться на другую «квартиру».

…Вот оно, наше новое жилье. Делаем один круг и сразу идем на снижение. Шасси коснулось твердого грунта, машину подбросило, и она побежала вдоль низких домиков, покосившихся деревянных строений… Для маскировки лучшего места, пожалуй, и не сыскать. Разумеется, если мы будем достаточно осторожны и не демаскируем себя. Самолеты удачно спрятаны между домиками в гуще садов. Они незаметны даже с малой высоты. Но взлетная полоса все же коротковата… (взлетать и садиться можно было только в одном направлении. – **М. П.**).

…Освоили мы новый аэродром быстро. Взлетали и садились, заботясь об одном: как бы не засек вражеский разведчик, весь день шнырявший в поисках так внезапно исчезнувшего авиаполка… Новое место дислокации оказалось недосягаемым и для вражеской артиллерии. Первое время, во всяком случае. Объяснялось это еще и тем, что на старых взлетных площадках были расставлены фанерные макеты наших машин. Туда и направили артиллеристы всю мощь своего огня. Прошло довольно много времени, прежде чем фашисты поняли, что палили, как в той пословице говорится, «из пушек по воробьям».

О новом аэродроме упомянул и Н.И. Крылов – начальник штаба Приморской армии в период обороны Одессы[18].

Непосредственное участие в решении вопроса о строительстве нового и ложного аэродромов приняли[15, 18, 19]:

Давиденко Б.П. – председатель горисполкома, Гуревич Н.П. – секретарь горкома, Жуков Г.В. – командующий ООР, Азаров И.И. – член военного совета ООР, Хренов А.Ф. – помощник командующего ООР по оборонительному строительству, Шишенин Г.Д. – начальник штаба ООР, Катров В.П. – зам. командующего ООР по военно-воздушным силам, Фришман – помощник Хренова А.Ф. по строительству, Кедринский Г.П. – начальник инженерных войск, Еремин, Немировский, Цигуров – инженеры, Кобельков Н.Я. – представитель 69-го истребительного авиаполка.

Для строительства нового и ложного аэродромов были мобилизованы порядка 20 тысяч женщин, в том числе около 18 тысяч –

строили новый аэродром[20]. Строили под непрерывными бомбежками, не считаясь с жертвами… Теперь мало кому известно, что горисполком тогда решил премировать отличившихся на строительстве. Каждому участнику работ было вручено удостоверение с текстом[19]:

«Одесский горком КП(б)У и исполком городского Совета депутатов трудящихся выносят Вам благодарность за участие в специальном строительстве по укреплению обороны города Одессы».

Увы, сейчас многие забыты, многое оттеснено жизнью на задний план. История, однако, сохранила несколько фамилий особо отличившихся из 20 тысяч[15]:

Валентина Радзиевская – бухгалтер, Полина Билахова – секретарь комсомольской организации табачной фабрики, Паша Аверьянова – секретарь комсомольской организации фабрики им. Крупской, Мария Кравчук – председатель женсовета завода «Фрегат», и многие, многие другие.

До обидного мало сегодня известно об этих других…

К сожалению, никаких дополнительных сведений о новом и ложном аэродромах, и, собственно, о людях, по сравнению с имеющимися в воспоминаниях А.Ф. Хренова[14], И.И. Азарова[15], А.Т. Череватенко[17] и Н.И. Крылова[18] в современных изданиях[1-4, 19] практически не приведено. Все, увы, без раздумий, сводится к пересказу известных фактов «своими словами». Так, стоило в одних воспоминаниях ошибочно указать, что ширина нового аэродрома составляла 400 м (вместо 40 м), как в книгах других авторов эта ошибка автоматически повторена...

При этом в работах[2-4, 14, 18, 19] не совсем точно указано местоположение нового аэродрома (в районе 4-й или 6-й? между 5-й и 7-й станциями Большого Фонтана?). Так, в воспоминаниях Н.И. Крылова[18] отмечается, что «…это был продолговатый пустырь среди обезлюдевших дач в Чубаевке – в районе 4-й станции Большого Фонтана».

Так или иначе, точное местоположение нового аэродрома указано хотя бы непосредственным участником боевых вылетов, летчиком А.Т. Череватенко[17]:

«…Мы жили в своем закутке между пятой станцией Большого Фонтана и первой станцией Черноморской дороги. Сейчас здесь

разросся город с широкими улицами, площадями, высокими домами, а в 41-м это была городская окраина».

Сегодня это Адмиральский проспект!

Также мало кому известно, что после войны Адмиральский проспект (прежнее название – проспект Патриса Лумумбы, еще раньше – Адмиральский) предполагалось использовать как запасной военный аэродром. Тогда «играли» по правилам эпохи «холодной войны». Очевидно, в этой связи район застраивался строго по обе стороны старой взлетно-посадочной полосы (предположительно, от нынешней ул. Судостроительной до 1-й станции Люстдорфской дороги) только двухэтажными домами (Поселок судоремонтников). В случае необходимости создать на этом месте полноценный аэродром не представляло особой сложности. Может, и поэтому долгие годы Адмиральский проспект не засаживали деревьями, тополя и платаны были высажены гораздо, гораздо позже…

Вот почему в литературе 40-60-х годов по обороне Одессы об этом аэродроме особо не распространялись. И не потому что забыли. Просто тогда время еще не пришло… Более того, в 1962 г., в первом издании воспоминаний вице-адмирала И.И. Азарова[21], о новом аэродроме лишь упомянуто вскользь в двух коротких строчках. И ничего конкретно. Акцент перенесен на строительство артезианских колодцев, уличных баррикад и противотанковых рвов. Даже в 1970 г. в основательной подборке документов и материалов по обороне, оккупации и освобождению Одесской области[22] о новом и ложном аэродромах не сказано ни слова.

Увы! Сегодня в Одессе уже нет никого из ветеранов 69-го истребительного авиаполка. Многие погибли, их именами названы наши улицы (Асташкина, Куницы, Маланова, Топольского, Шестакова, Шилова). Иных не пощадило время…

Все же при желании в Одессе еще есть с кем поговорить на эту тему[23]:

Бирюков А.А. (1929 г. р.) – генерал-лейтенант, бывший командующий 5-й Воздушной армией:

«…Аэродром находился на бывшем проспекте Патриса Лумумбы. Платаны росли по бокам, вдоль взлетной полосы. Те платаны, как мне рассказывали, сажали сами авиаторы…»

Совит Я.М. (1923 г. р.) – полковник, военный летчик:

«…В 41-м я еще доучивался в Одесской военно-авиационной школе. Летали на И-15. Наша база располагалась под Одессой, в Выгоде. Штаб – в Ульяновке, теперь это в черте города.

Не многие знали, что где-то в самой Одессе был аэродром. Оттуда к нам в Выгоду прилетали летные инструкторы. Но где именно этот аэродром, никто не знал.

Только после войны стало известно, что он был на месте огородов, посреди дачных строений. Теперь это Адмиральский проспект. Кстати, ребята Шестакова (командир 69-го истребительного авиаполка. – **М. П.**) уже летали на И-16…»

…Новый аэродром прослужил практически с середины сентября до 15 октября 1941 г., вплоть до последнего дня обороны города. Может показаться, что не такой уж продолжительный период. Но если задуматься, пока героические летчики 69-го истребительного авиаполка держали «воздушный щит» над Одессой[24], сколько и скольким удалось эвакуироваться морем (с 13 августа город оказался в окружении с суши, для сообщения с Одессой остались только пути по воздуху и морю[25])?! Сколько спасено обычных граждан, мобилизованных, раненых, военной техники, заводского оборудования и городских ценностей! А сколько зданий и сооружений города уберегли от варварских бомбежек вражеской авиации?!

Комиссаром и душой строительства нового и ложного аэродромов была Ася Борисовна Фишман – секретарь Одесского горисполкома[14, 15].

Что мы сегодня знаем об этой женщине? И мало, и много знаем…

Ася Борисовна (Хася Берковна) Фишман родилась в 1905 г. в Одессе.

Биография обычная для людей ее поколения.

В 1938 г. она писала[26]:

«…Я начала работать с 1920 года. Работала работницей на спичечной фабрике. С 1924 года – на Сахарном заводе им. Благоева. На Сахарном заводе вступила в 1924 году в комсомол, в 1927 году была принята в кандидаты партии и через шесть месяцев – в 1928 году – была переведена в действительные члены партии. Бюро

комсомольского коллектива и общее комсомольское собрание Сахарного завода выдвинули меня в райком комсомола. Я работала сначала зав. райдетбюро Ленинского комсомола, а затем экономотделом. Затем была послана комсомольской организацией на партийную работу. Я работала агитмассом, а затем секретарем партийного комитета на Канатном заводе. С 1932 по 1934 потом была переброшена на ГПК секретарем партийного комитета шапочной фабрики, затем Сталинским РПК. была переброшена секретарем партийного комитета на швейную фабрику. До Канатного завода я еще работала на игрушечной фабрике агитмассом и зав. хозяйством.

В 1935 году по постановлению ЦК ВКП(б) организовываются отделы партийных кадров при Р.П.К. Горком партии в 1935 году вызвал около 20 секретарей крупных предприятий, имеющих опыт партийной работы, и отобрал на работу в отдел партийных кадров. Нас утверждали всех на Бюро обкома партии. И таким образом я начала работать в Горпарткоме. Я была прикреплена к Ворошиловскому РПК. ...Затем я была переброшена для обслуживания как инструктор ГПК в Водно-транспортный РПК, проработала до 5 сентября 1937 года... С января 1938 года – зав. орготделом Горсовета...»

Не минула Асю Борисовну и так называемая «чистка партии», в том числе с выяснением социального происхождения родителей (а не имел ли ее отец Борис Исаакович собственной хлебной конторы?).

Для начала против Фишман А.Б. было возбуждено апелляционное дело № 556 и объявлен выговор «за притупление большевистской бдительности, выразившееся в не разоблачении врага народа Исакович»[26]. И т. п. Для того смутного времени обвинение более чем серьезное. С выводами – вплоть до исключения из партии. Часто с последующим арестом... Все же, к счастью, разобрались:

«Решением бюро горкома КП(б)У от 24.01.38 г. о вынесении тов. Фишман выговора отменить как неправильное».[26]

А дальше была война...

В период обороны Одессы Асе Борисовне поручалось решение важнейших задач.

Это она заявила, что мужчины должны воевать, а строить аэродром будут женщины.

Это она взяла на себя урегулирование отношений с местными жителями… без использования силы. Нельзя забывать, что на месте будущего аэродрома находились огороды, подлежащие сносу, и далеко не все понимали важность этого строительства.

ВРЕМЕННЫЙ ПРОПУСК № 6033

На право входа и выхода в Порт и из Порта

ПОРТ-ОДЕССА

Выдан гр. Фишман А. Е.

Остаток

Расход

Приход

Количество

Пропуск действит. по 15 авг. 1941 г.

Расх. требов.

Прих. докум.

№№

Дата

Это она заявила, что мужчины должны воевать, а строить аэродром будут женщины.

Это благодаря ее настойчивости и решительности на порученном участке успешно эвакуировались тысячи людей

Завод

Отчетный год

Склад №

Карточка №

ЯРЛЫК №

№ (номенклатуры)

Группа №

Наименование, тип и размер

Норма запаса

Единица измерения

Количество

Дата

Прих. докум.

Расх. требов.

Приход

Расход

Остаток

Временный пропуск № 6033, выданный Фишман А.Б., на право входа и выхода из Одесского порта (продлен до 20 сентября 1941 г.)

и десятки одесских предприятий, хотя в военных сводках обходились стандартными фразами: «Эвакуация произошла организованно. Сохранен личный состав и вывезена материальная часть».

Сама же Ася Борисовна покинула Одессу одной из последних.

Вот официальная характеристика на А.Б. Фишман. Скупые строки[27]:

«ФИШМАН Ася Борисовна, член ВКП(б), заместитель председателя Одесского Горисполкома.

Тов. ФИШМАН А.Б., выполняя разнообразнейшую оперативную работу в период военных действий, показала себя смелым и энергичным работником.

Тов. ФИШМАН А.Б. поручались важнейшие участки работы, как мобилизация женщин и организация их труда на строительстве аэродрома, питание на далеких участках строительства рубежей, проведение агитационно-массовой работы в домах, организация выезда эвакуируемого населения и др.

Умение довести порученную ей работу до конца и в указанные сроки – основная черта в работе т. ФИШМАН.

т. ФИШМАН самоотверженно работала на своем посту до конца осады и эвакуировалась с частями Красной Армии, после приказа Главного Командования.

Достойна представления к правительственной награде.

СЕКРЕТАРЬ ОДЕССКОГО ОБКОМА КПбУ /Колыбанов/»

Акцентирую внимание: *«…выполняя разнообразнейшую оперативную работу… показала себя смелым и энергичным работником»*.

Нашла ли награда героя?! Сомневаюсь…

И все же настолько были значительны заслуги А.Б. Фишман во время обороны Одессы, что в «Докладе о работе КП(б) Украины за период с 25.XIII по 1 октября 1941 г.» (гриф «Совершенно секретно»)[28] секретаря Одесского обкома КП(б) Украины А.Г. Колыбанова, адресованном Сталину, Молотову, Хрущеву, Бурмистенко, в разделе № 7 «Коммунисты и комсомольцы в борьбе за неприступную оборону» отдельно отмечено «*строительство*

новых запасных и ложных аэродромов силами населения», а в разделе «Организаторы обороны Одессы» среди особо отличившихся указано: *«секретарь исполкома горсовета Фишман».*

Смею заверить, что в таких «Докладах» (!), да еще на высочайшее имя, просто так никого не упоминали.

Как потом вспоминала А.Б. Фишман о строительстве нового и ложного аэродромов[15, 19, 29]:

«…Командир эскадрильи капитан Аггей Елохин[30] тогда сказал: «В ноги женщинам будем кланяться после войны, на руках носить…»

Увы! Никто никого после войны на руках не носил. Забыли…

Забыли и Асю Борисовну.

Во всех изданиях, кроме давних воспоминаний А.Ф. Хренова, И.И. Азарова и А.Т. Череватенко, уже фамилия Фишман не значится…

А что дальше?

После эвакуации из Одессы Ася Борисовна – на партийной и советской работе в Ташкенте. Возвратившись в Одессу, какое-то время была одним из заместителей председателя горисполкома, замужем за Наумом Павловичем Гуревичем – секретарем Одесского горкома партии в период обороны Одессы (после войны – первый секретарь Воднотранспортного райкома партии). С конца 40-х годов Ася Борисовна – секретарь парторганизации райжилуправления Ворошиловского (Центрального) райисполкома города. Тогда ее рабочий кабинет находился на ул. Толстого, 7. Затем предположительно – секретарь парторганизации аппарата Центрального райисполкома. По некоторым данным, А.Б. Фишман работала до начала семидесятых годов. Да как работала!

Ася Борисовна вступала в схватку с партийными чиновниками, прикрывая коммунистов и беспартийных в пору пресловутой борьбы с космополитами.

Выбивала квартиры для семей погибших, инвалидов войны, матерей-одиночек.

Буквально «с боем» вселяла в занятые квартиры тех, кто вернулся к себе домой после эвакуации. А таких было десятки тысяч…

Помогала в розыске пропавших без вести, добывала хлебные карточки для детей. Любой ценой…

Изучая документы по обороне Одессы, я много лет тщетно пытался найти фотографию Аси Борисовны. И вот, как-то просматривая наш семейный альбом, внезапно наткнулся на две фотографии 1954-55 годов. На одной из них Ася Борисовна среди работников ЖЭКа, на другой – с коллегами на маевке в Лузановке. И – о неожиданность! На фотографии я рядом с ней!

Вот такая ирония одесской жизни…

А что Татьяна Борисовна Фишман?

Где именно она была задействована период обороны Одессы, сейчас установить сложно.

«Отчет» о жизни Татьяны Борисовны уместился в нескольких строчках.

Родилась в 1902 г.[31] Член партии с 1928 г. (учетная карточка № 11213318). С декабря 1920 по август 1924 гг. – делопроизводитель окружного комитета партии, с августа 1924 по сентябрь 1941 гг. – на партийной работе. Принимала самое деятельное участие в становлении Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (ОАВУК).

Награждена медалью «За оборону Одессы».

С октября 1941 по май 1945 гг. – в Ташкенте, начальник курсов по подготовке медсестер для Красной Армии, зав. парткабинетом Фрунзенского райкома партии.

С мая 1945 по январь 1962 гг. – пропагандист Ленинского райкома партии г. Одессы, инспектор райсобеса Приморского района. На пенсии с января 1962 г.

Так что война для сестер Фишман была делом семейным… Как и для многих-многих других.

Замечу, что в мае 1967 г. Приморским райкомом партии г. Одессы Татьяна Борисовна Фишман была представлена к награждению орденом (очевидно, орденом «Знак почета»). Однако на наградном листе чьей-то чиновничьей рукой наложена резолюция: «Представлять к ордену оснований не усматриваю»[31]. Подпись – неразборчива. И тут же, чуть ниже, другой такой же безразличной рукой в графе «Представляется к на-

граждению» выведено: «Медалью «Трудовое отличие». Подпись – неразборчива.

Как, наверное, и жизни тех, кто подписывал…

Ну и на том спасибо. 1967 год, из-за стремительно разворачивающихся событий на Ближнем Востоке не самое лучшее время для награждения лиц с такими «сложными» фамилиями.

Никто не хотел вникать и ничего глубоко рассматривать…

Тут ни убавить, ни прибавить. Было…

А сегодня хоть кто-то помнит Асю Борисовну и Татьяну Борисовну Фишман?

Все же я отыскал такого человека.

Юрий Иванович Шендровский – полковник в отставке, участник боевых действий:

«…Я поселился на Канатной, 84, в квартире напротив, кажется, в 78-м году. Фишманы жили здесь большой дружной семьей – Ася Борисовна, ее сестра Татьяна Борисовна, Жанна – дочь Аси Борисовны, внучка с мужем Гришей и их сын Сашка.

Асю Борисовну я застал уже тяжело больной… Не уверен, но она умерла, наверное, в году 86-87-м. А Татьяна Борисовна еще долго прожила.

Вообще, Ася и Татьяна были старыми партийцами, настоящими коммунистами старой закалки. Вели довольно замкнутый образ жизни, с соседями не очень-то контактировали. Никогда о своих заслугах не говорили.

Помню, как-то Жанна, дочь Аси Борисовны, недоумевала. У них в квартире «полетел» «Титан». Заменить этот «Титан» никто не спешил. Жанна безрезультатно бегала по ЖЭКам… Потом попросила Татьяну Борисовну, чтобы та обратилась за помощью в горком партии. Может, учтут ее партийные заслуги и прочее? Татьяна Борисовна отрезала: «Я никогда ни у кого ничего не просила, никогда не жаловалась. Прикрываться партией и сейчас не буду…» Мол, разговор окончен.

Изредка, очень изредка, на праздники, например на 9 Мая, сестры надевали награды. Особенно Татьяна Борисовна. Не помню, были ли у них ордена. Ну и, понятно, медали «За оборону Одессы» были.

Одесса, 1954 г. Райжилуправление Центрального района (ул. Толстого, 7)
Слева направо: первый ряд, вторая – Фишман А.Б.; второй ряд, крайний справа – Пойзнер Б.Г.

Лет так 7-8 назад на Дерибасовской столкнулся с внуком Жанны – Сашкой. Сашка же вырос буквально у меня на руках! Он сильно возмужал. Я поинтересовался, что у них и как. Тогда всем жилось нелегко. Даже переспросил: «Может, поедете в Израиль или там в Америку?». Сашка усмехнулся: «Да нет, не поедем… У нас там никого нет. И к тому же мы одесситы».

От себя лишь добавлю. По старому одесскому адресу: ул. Канатная, 84, кв. 4 (подъезд, парадная справа, 3 этаж, на лестничной клетке слева), сегодняшние жильцы и соседи понятия не имеют о фамилии Фишман.

Никому ничего не известно.

Как будто ничего и не было. След простыл…

…Памятник летчикам 69-го истребительного авиаполка, установленный в Одессе на 5-й станции Большого Фонтана, напоминает о тревожных и мужественных днях осажденного города.

Одесса, Лузановка, май 1955 г. Слева направо: первый ряд, первый – Пойзнер М.Б.; шестая – Фишман А.Б.; второй ряд, третий – Пойзнер Б.Г.

Очень хочется верить, что все-таки «*помнит мир спасенный*» то грозное время, что не все и не всё забыто в Одессе.

Когда глядишь на сегодняшний Адмиральский проспект, сквозь годы все еще видятся героические летчики и самолеты, настороженные лица женщин-строителей нового аэродрома, фронтовые письма-треуголки, похоронки, хлебные карточки и талоны на воду.

Перед глазами эта дорога жизни и смерти, эта взлетная полоса в бессмертие. Заметные и незаметные рабочие той страшной войны – те, кому мы обязаны цветущей Одессой, счастьем обыденного, детским смехом, гордостью человеческой.

И среди тысяч других – обыкновенная и поразительная, самоотверженная и благородная Ася Борисовна Фишман.

Примечания

[1] Файтельберг-Бланк В.Р., Разумный Б.Н. Одесса во время Великой Отечественной войны. – Одесса: Печатный дом, 2009. – 384 с.

[2] Юновидов А.С. Оборона Одессы. 1941. Первая битва на Черном море. – М.: Вече, 2011. – 432 с.

[3] Савченко В.А., Филипенко А.А. Оборона Одессы. 73 дня героической обороны города. – М.: Центрполиграф, 2011. – 447 с.

[4] Горбатюк А.И. 1941. Хроники блокадной Одессы. «В списках погибших значится…» – Одесса: Optimum, 2014. – 340 с.

[5] Героическая Одесса. Литературно-публицистический альманах. – Одесса: Областное издательство, 1945. – 148 с.

[6] Вербицький А. Героїчні оборонці Одеси. – К.: Укрвидав, 1943. – 56 с.

[7] Борисов А.Д. Оборона Одессы. – М.: Народный комиссариат обороны. Воениздат, 1943. – 33 с.

[8] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. Том 1. – Одесса: Одесское областное издательство, 1947. – 288 с.

[9] Борисов А.Д. Одесса – город-герой. – М.: Воениздат, 1954. – 80 с.

[10] Фадеев А.В. Героическая оборона Одессы в 1941 г. – М.: Госполитиздат, 1955. – 80 с.

[11] Фадеев А.В. Подвиг Одессы. – М.: Госполитиздат, 1958. – 72 с.

[12] Фадеев А.В. Подвиг Одессы. – М.: Госполитиздат, 1963. – 96 с.

[13] Вольский С.А. Одеська партійна організація в дні героїчної оборони міста від німецько-фашистських загарбників (серпень-жовтень 1941 р.). – Київ: Держполітвидав УРСР, 1963. – 80 с.

[14] Хренов А.Ф. Мосты к победе. – М.: Воениздат, 1982. – 349 с.

[15] Азаров И.И. Осажденная Одесса. – Одесса: Маяк, 1975. – 260 с. (Издание третье, дополненное и переработанное.)

[16] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Гуревич Н.П. Одесская партийная организация в дни героической обороны города. Фонд № П-92, опись № 2, дело № 114.

[17] Череватенко А.Т. Небо Одесса. 1941-й. – Одесса: Маяк, 1978. – 176 с.

[18] Крылов Н.И. Не померкнет никогда. – М.: Воениздат, 1969. – 312 с.

[19] 73 героических дня. Хроника обороны Одессы в 1941 году. – Одесса: Маяк, 1988. – 320 с.

[20] В работах[15, 16, 18, 19] утверждается, что в строительстве аэродромов принимали участие от 3000 до 6000 женщин, а новый аэродром предполагалось построить за 10 дней.

[21] Азаров И.И. Осажденная Одесса. – М.: Воениздат, 1962. – 212 с.

[22] Одесская область в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Одесса: Маяк, 1970. – 388 с.

[23] Записи бесед с А.А. Бирюковым и Я.М. Совитом сделаны в феврале 2015 г.

[24] Летчики 69-го истребительного авиаполка уничтожили 94 самолета противника, десять летчиков стали Героями Советского Союза, в том числе пять – посмертно.

[25] Цымбал Е.И. Огненные рейсы. – Одесса: Маяк, 1979. – 183 с.

[26] ГАОО, ф. П-9, оп. 2, д. 1930, с. 11-17.

[27] ГАОО, ф. П-92, оп. 2, д. 81, с. 179.

[28] ГАОО, ф. П-92, оп. 2, д. 76.

[29] Череватенко А.Т. Мы вернемся, Одесса! – Одесса: Маяк, 1963. – 126 с.

[30] А.А. Елохин (1912-1942) – участник обороны Одессы, летчик 69-го истребительного авиаполка, Герой Советского Союза.

[31] ГАОО, ф. П-13, оп. 2, д. 104, с. 4.

Ольга Тангян

1941-1943: эвакуация из Одессы в Ташкент*

Из дневников Амшея Нюренберга и Нины Нелиной

Дневник Нины Нелиной

Война, Одесса, 1941

Война нас застала в Одессе.

Хорошо помню день объявления войны. Мы жили у наших старых гостеприимных друзей – инженера Мишкиблита и его супруги. Я чистила клубнику к завтраку. Прибегает взволнованный отец и сообщает: «Сейчас будет говорить Молотов». Все мы собрались в комнату, где находился приемник. 12 часов. «Граждане и гражданки! На Советский Союз напали!» Голос Молотова звучал твердо и уверенно, но мы все почувствовали – произошло что-то страшное. У отца побледнели губы, мама расплакалась. «На нас напали немцы, – продолжал Молотов. – Объявлена война». Я не понимала, что значит это слово – «война». Потом я поняла.

Мы спешно бросились на вокзал за билетами в Москву. Надо было ехать домой. Что творилось на вокзале! Он напоминал встревоженный муравейник. Люди с искаженными лицами бегали от кассы к кассе. Отдыхающие из домов отдыха и санаториев стремились вырваться скорее домой.

Вдруг все хлынули на улицу. Я с папой очутилась на бульварчике возле вокзала. Началась воздушная тревога. Откуда-то примчались пожарная команда и скорая помощь. Люди, не прячась, стояли, задрав головы кверху, и смотрели в небо. Пролетели самолеты. Трудно было понять – наши это или немецкие. Возвращались мы пешком, трамваи не ходили.

* Окончание. Начало в кн. 61.

А. Нюренберг. «Одесса. Полина на балконе». 1941

Вечером была вторая тревога. Мы по лестнице спустились к парадному входу с высоким куполом. Эхо усиливало громы от пушечных выстрелов. Я дрожала, но мне не было стыдно. «Как несправедлив мир, – думала я. – Что было нужно немцам? Где справедливость?» Но, как сказал ученый Вассерман: «У человечества нет органа для восприятия справедливости».

Припоминаю смешной случай. Мне дали свисток, чтобы оповещать наш дом о воздушной тревоге, так как сирен тогда еще не было. Я так постаралась, что у меня отобрали свисток, сказав, что я нервирую население.

Вспоминаю случай в Одессе с папой. Прощаясь с Одессой, папа взял этюдный ящик с красками и пошел на Ланжерон писать этюды. Как только он уселся и начал писать, к нему пристала группа мальчишек:

– Что ты тут делаешь, дядя? – обратились они к отцу. – Ты – шпион!

– Нет, – ответил отец. – Я – художник.

– Нет. Ты – шпион. Мы тебя арестуем.

И, собрав большую толпу людей, они потащили отца в НКВД. К счастью, там работал папин друг, бухгалтер Липсман. Увидев отца, он спросил удивленно: «Что случилось?». Отец ему рассказал историю ареста. Он рассмеялся и сказал: «Сейчас я их всех прогоню и тебя отпущу». Разогнав толпу и отпустив отца, он посоветовал ему во избежание неприятностей в такое время больше этюдов не писать.

Тогда народ заболел в острой форме «бдительностью». Я тоже отдала дань этому увлечению. Помню, как я три квартала бежала за одним человеком, который показался мне подозрительным.

* * *

Через несколько дней мы выехали в Москву.

В вагоне было тесно и душно. Люди с сонными усталыми лицами в обнимку сидели на своих чемоданах и мешках. В окнах вагона уже встречались первые мрачные картины войны. На одном вокзале я видела большое пламя – горели вокзальные склады, на другом – полыхали товарные вагоны. Поезд наш мимо этих картин проходил с большой скоростью, и мне казалось, что все это я вижу в кино.

По дороге мы питались самыми фантастическими слухами. То нам сообщали, что «Киева как такового больше нет. Одни развалины». То же самое говорили об Одессе. А когда мы говорили: «Позвольте, ведь мы же из Одессы. Там все в порядке», – люди извинялись за неправильные сведения. Появились люди, которые безгранично лгали, стараясь создать неправильное впечатление о ходе войны.

Москва. 1941

Вот и Москва! Бурлящая, служебная, деловая, но не военная. В Москве нет этого тревожного, волнующего состояния, которое я наблюдала в Одессе.

Мною овладело желание непременно сделать что-то патриотическое, совершить какой-нибудь подвиг.

Внешне Москва была все та же, только кое-где у домов стояли бочки с водой и ящики с песком. Подготовка на случай пожаров от бомб. Тревоги начались через месяц.

А. Нюренберг. «Эвакуация. В ожидании поезда». 1941

В Москве вскоре начались фашистские налеты и воздушные тревоги. Не стану умалчивать о том, что нас охватила паника. Без ложного стыда мать хватала противогаз, кричала «Амшей!» и, забыв о своем пороке сердца, вприпрыжку пускалась к метро*. Я и отец семенили за ней. Однажды она наскочила на косяк стены, и долгое время у нее красовалась опухоль синеватого цвета.

Люди неслись как оголтелые, с бою брали эскалатор, и только когда уже были внизу, несколько успокоившись, раскланивались со знакомыми, раскладывали постели, вытаскивали еду и начинали заводить с соседями беседу. Тема была одна – передача фронтовых новостей. Народ удивительно быстро ассимилировался. Здесь же молодежь флиртовала, заводила романы.

* Дом художников на Верхней Масловке, где жили Нюренберги, находится около метро «Динамо».

Запомнилась одна влюбленная пара. Она спала на газетах, положив свои живописные головы на рельс. Минуту я постояла около них, стараясь запомнить их беззаботные счастливые лица. Каким радостным покоем они дышали!

Из метро выходили обычно в 7 часов утра. Опять улыбчивое лицо розовощекого милиционера и опять его призыв: «Граждане, не толпитесь! Спокойнее. Все выйдете».

За дверью нас встречало чудесное утро московской осени. Золотистое солнце, свежее голубое небо и одетый в оранжевые и желтые наряды Петровский парк.

Как не похож этот тихий радостный пейзаж на вчерашнюю вечернюю природу в часы воздушной тревоги!

Мы медленно шли домой. Останавливались и вглядывались в красоту московской осени и глубоко вдыхали ее утренний свежий воздух. Опять вспоминала Пушкина – «и равнодушная природа. Красою вечною сиять». Что ей наши страдания, переживания! У ворот нашего дома мы услышали звуки скрипки. Уличное радио передавало музыку Чайковского и Грига. Играл Давид Ойстрах. Потом пела Нечецкая*. Хорошо пела! Звуки скрипки и песни певицы неслись по улице и парку, мягко окутывая праздничные деревья, казавшиеся красивой театральной декорацией.

Все это время было тяжелое. Днем работа, ночью тревоги. Все сказывалось на нервах. Постепенно многие стали отказываться от метро, предпочитая сидеть дома или спать в своих постелях.

Несколько раз я дежурила дома. Помню, как один раз после тревоги я и Люда Антонова бросились по направлению к Белорусскому вокзалу. Мы бежали, а впереди и сзади тоже бежали люди. Небо, воздух почернели от дыма. Трудно было дышать. Все бежали молча. Наконец вокзал, мост. Навстречу нам неслись люди с красными глазами и открытыми ртами. Страшные лица! Мною овладело чувство жадности впечатлений, какое-то болезненное любопытство. Взрывались цистерны с бензином, а мы все стояли и смотрели.

Обратно мы шли медленно, с достоинством. Курили по очереди папиросы, которые нам давали прохожие. Ну и влетело нам

* Дебора Пантофель-Нечецкая (1905-1998) – русская оперная певица (колоратурное сопрано), пианистка, музыкальный педагог.

дома! Наши мамаши бегали по улице и кричали: «Неля! Люда!». А когда нас наконец увидели, то бранили до хрипоты.

* * *

Все художники и скульпторы, жившие в нашем доме на Верхней Масловке, были мобилизованы на патриотическую работу: копание траншей, или, как их тогда называли, «щелей». Были организованы бригады, в каждой из которых было десять-двенадцать человек. Я также записалась в одну из бригад. Работала я, как все художники, с большим увлечением. Зная, что я певица и учусь в школе Гнесиных, моя бригада просила, чтобы я часто напевала, доказывая мне, что я своим пением поддерживаю рабочий энтузиазм. Охотно пела. Конечно, часто пела известную песню волжан «Эй, ухнем».

Вспоминаю одну интересную мелочь. Когда начальник работ какой-то военный предложил художникам для покрытия траншей принести ненужные старые работы, энтузиасты нанесли гору натюрмортов и пейзажей. По этому поводу некий юморист сказал: «Впервые наша живопись приносит стране настоящую пользу».

* * *

Так шли дни за днями. Дела наши на фронте были нерадостные. Радио приносило каждый день печальные новости. Помню морозное утро, в 6-7 часов в нашу квартиру входит дворник и говорит тихим отсыревшим голосом: «Фронт-то прорвали. Плохи дела. Беда!».

Я хотела к нему рвануться и ему в лицо бросить: «Неправда!». Как тоскливо сжалось сердце. Не может быть, твердила я себе. Ведь у нас такие смелые, самопожертвованные люди! Ведь русский народ способен на небывалые подвиги, геройства! Почему же мы не сумели задержать врага? Почему мы безвольно отступаем? Ведь если Москва падет, это ответственность перед потомками, перед историей… Это не может быть. Не должно быть!

Люди устремились к вокзалам, чтобы спастись, во что бы то ни стало! «Спастись! Животное чувство», – думала я.

Москвичи пешком, в грузовиках, на крышах трамваев, автобусов ехали к вокзалам. Кондуктора бросали составы трамваев. Было стыдно за людей, за нашу родину, за это священное слово «патриотизм»! Все было в грязи. На лицах был тупой страх. Желание жить и мелкие корыстные интересы.

Эвакуация

По приказу правления МОСХа все пожилые члены Союза должны были эвакуироваться. Отец был в числе пожилых.

16 октября мать, упаковав вещи и необходимые продукты и погрузив их на грузовик, поехала на Курский вокзал. Падал небольшой мокрый снежок. Отец и я на вокзал поехали в автобусе.

Площадь Курского вокзала представляла собой невеселое зрелище. Привезенные вещи сваливались в кучи. Рядом с ними с желтыми усталыми лицами стояли их владельцы. Тут были чиновники, служащие, люди от искусства, учащиеся и просто обыватели.

Как только мы на постланные газеты сложили наши вещи, началась воздушная тревога. Мы побросали вещи и бросились в ближайший двор, чтобы укрыться.

Уехать в этот день нам не удалось. Пришлось погрузить свои вещи на грузовик, поехать к жившей невдалеке от вокзала родственнице и у нее переночевать. На следующий день рано утром мы опять были на вокзальной площади. Все та же картина: те же горы вещей и те же усталые выцветшие люди.

За организацию посадки в поезд взялась неутомимая мать. Увидев поданный к вокзалу пустой состав, мать лихо бросилась к нему. Нашла подходящий вагон, потом побежала за нами. Через час вещи были погружены.

Наконец посадка закончилась, и мы, стоя в тамбуре вместе с работниками ВЦСПС, тронулись в путь. Целую ночь мы кружили по окружной дороге. Поезд наш обстреливался. Недалеко от нас сшибли немецкий самолет, и поезд двинулся. Мы были счастливы. Мы ехали, думала я, а сколько людей ушло из Москвы пешком с рюкзаками за спиной.

Путь мы держали на Ташкент. Холод, бессонница, усталость, невозможность встать и вздохнуть. Вот воспоминания о первых

днях езды. Потом начались путаные маневры поезда – то у него было одно направление, то другое. Пришлось пересаживаться.

Были страшные незабываемые минуты. Ночь, ледяной ветер и дождь со снегом. Мы на перроне какого-то вокзала. Вещи в грязи. Нас никуда не сажают.

Наконец сели и доплелись до Пензы. Там на вокзале несколько суетливых человек покупали вагон. Вагон был загажен, но никто об этом не думал. Посадка была тайной. Все мрачно молчали. Мы в числе счастливцев также попали в вагон.

И вдруг налетевшее горе – матери сделалось плохо. Сердечный припадок. Она просит горячей воды. Взять ее негде. Приходится слезать.

Батраки – волжский городок. Неприветливый и хмурый. Домики – точно инвалиды. Окошки маленькие, будто подслеповатые, обращены к Волге.

Сижу на чемодане, грустно гляжу на побледневшую мать и решаю, что делать. Надо срочно овладеть одной из изб, перенести туда все чемоданы и узлы. Напоить мать горячим крепким чаем и уложить ее спать… Поживем в избе денька два, а потом – поедем дальше. Только так.

Не теряя времени, бегу в городок. Нашла гостеприимную избу и стучу в дверь. Дверь открывают два голубоглазых мальчика. Узнаю: старшего – лет одиннадцати-двенадцати зовут Колей, младшего лет десяти – зовут Аликом. Я рассказала им, зачем к ним пришла.

– Мамы нет, – говорит мне Коля, – ушла еще утром за хлебом. Отец на фронте, но вы можете зайти к нам.

Я побежала за своими. Когда мы с узлами и чемоданами устроились на кухне около печки, усталость свалила нас с ног, и мы, упав на свои вещи, сейчас же уснули. И вдруг сквозь сон я услышала пение. Чудесный звонкий голосок. С трудом приоткрыла глаза и вижу поющего Алика. Алик все пел, окутывая каждую песню детской нежностью и свежестью. «Ты гуляй, мой конь, гуляй», «Есть на Волге утес» и другие песни…

– Алик, дорогой мальчик, – сказала я ему, – ты чудесно поешь. Какой тебе сделать за пение подарок?

– Дайте мне, тетя, кусок сахару, – ответил он.

Пришла мать. В ее руках корзина, в которой две буханки черного хлеба. Познакомилась с матерью и подружилась с ней.

Я угощала Алика сахаром, а он мне все пел. Через десять дней мы тепло попрощались с хозяйкой и ее голубоглазыми мальчиками. Грустно было прощание. Особенно когда я крепко пожала ручку удивительного Алика, хорошо сознавая, что больше я его никогда не увижу.

Десять дней мы прожили в этом городке. Мать отдышалась, и мы, оправившись, поехали дальше.

В поезде какой-то молодой человек с лицом провинциального артиста усердно за мной ухаживал. В дороге недостатка в симпатиях ко мне не было.

С нами в вагоне ехали студенты с профессорами. Они, совершенно потеряв чувство стыда и уважение к авторитетам, грызлись, как собаки. У всех, чувствовалось, был девиз французского короля Людовика XV: «После меня хоть потоп».

В теплушке было холодно. И на остановках наши пассажиры совершали набеги за дровами. Таскали заборы, шпалы и все, что могло гореть.

У простудившейся матери началась мучительная болезнь – катар горла. Я с папой, как более тепленькие, калорийные, начали почесываться.

Ташкент. 1942

Наконец началась долгожданная Азия. Ташкент, рисовала я себе, город красивый: теплые тона преобладают во всем. Дома, небо, халаты, зелень, солнце – все искрится и играет…

Сдаем вещи, едем в город. У нас было много приятелей в Ташкенте из ранее эвакуированных, но мы никому не были нужны. Грязные, жалкие и вшивые. Ведь мы месяц ехали в Ташкент. В Ташкенте, мы узнали, свирепствует сыпняк. Отец ушел куда-то, а мы с матерью сидим на вокзале и плачем. Как это все горько! Все боятся нас, опасаясь заразы. На улице гнилой дождь. Нудная ташкентская зима. Грязь, слякоть, пронизывающая сырость…

Я, когда уезжала, хотела привезти из Ташкента какие-нибудь реликвии на память и, подумав, решила, что кроме фотоснимков ташкентской зимы – везти нечего. Как странно, ведь город юж-

А. Нюренберг. «Праздничный день в Ташкенте». 1942

ный, много зелени, солнца. Летом он такой яркий, искрящийся. Преобладают во всем теплые тона. А яркое впечатление от Ташкента создается от зимы и поздней осени.

Устроились мы в общежитии. Через несколько дней я нашла удивительную комнату, правда, с первобытными хозяевами. Фамилия их Зайцевы. Но какие это были люди! Герои Достоевского – невинные младенцы по сравнению с ними. Воры и проститутки – таков социальный облик семьи. Состав ее – шесть человек. Все совершеннолетние. Работник один. Самое грустное и смешное, как постепенно деформировалась наша комната. Исчез телефон, потом рояль, ковры, мягкая мебель, стол и т. д. И все это делалось медленно, постепенно, с роковой неизбежностью. Чемоданы свои мы держали у приятелей, но даже такие

вещи, как шляпы, чулки и полотенца, необходимые в обиходе, и те бесследно исчезали. Однажды нас навестил кинорежиссер Разумный*, старый друг отца (он приехал из Сталинабада). Мама решила накормить его мясным бульоном, готовили мы на мангалке. Но стоило матери отойти от мангалки на полминуты, и мясо исчезло из кастрюли. Пришлось примириться с этим и есть пустой суп. Можно привести еще сотню примеров, характеризующих эту семейку.

Каждое утро для нас было мучительным. Мы вылезали из-под влажных от сырости простыней, и начинался день. Пасмурный, тяжелый, тоскливый. На базар мы выносили все: отрезы, ковры, туфли, белье, простыни… Наш реквизит становился все меньше и меньше. Наконец нам уже нечего было выносить. Тогда в ход пошли такие мелкие обиходные вещи, как посуда. Деньги тратились только на муку.

Самое счастливое время это завтрак. Папа приносит мокрый тяжелый хлеб, мама готовит кофе. Мы все садимся вокруг доморощенного стола и священнодействуем. Мы съедали, конечно, всю суточную норму, но в эти минуты мы ни о чем не думали. Мы были счастливы. Как мало человеку нужно, чтобы считать себя счастливым. Тогда я начала понимать, что это слово – растяжимое понятие. Иногда человеку достаточно хлеба, и он счастлив, а иногда ему мало вселенной.

Наши усилия, наши ожесточенные старания были борьбой за право жить. Редко, очень редко мы были сыты. В городе царили голод, сыпняк и прочие неизменные горести, которые всегда сопровождают войну.

Бедные, дорогие мои родители! Как сейчас помню их внешний вид, их облик в то время. Мама всегда с закопченными от мангалки руками, с красивым, но уставшим и серым лицом. В каком-то невероятном наряде из кофточек и юбок, надетых одна на другую. У нас всегда было холодно. Папа опустившийся, грязненький. Но это только внешне. Как он работал в эти годы! Как продуктив-

* Александр Разумный (1891-1972) – один из пионеров советского кинематографа, режиссер фильмов «Мать» (1919), «Тимур и его команда» (1940), «Миклухо-Маклай» (1947) и др. Друг детства Нюренберга, также родившийся в Елисаветграде и учившийся в Одесском художественном училище.

но творил! Он создал в Ташкенте серию несчастных, обездоленных людей. Как их называли узбеки – «выковыренных».

Наша комната, или, вернее, полкомнаты, была отгорожена двумя ширмами. Сыро, темно, неуютно. Не верится, что все это мы выдержали, что все это уже позади. Какое тупое отчаяние охватывало нас в этой камере! Когда мы голодные, холодные ложились спать, чтобы не думать, а из-за ширмы с половинки хозяев раздавались матерщина, ругань или, еще хуже, пение эстрадных песен. Казалось, что мы на дне, глубоко, глубоко. И подняться, сделаться вновь человеком нет ни возможности, ни сил.

Однажды у меня на базаре украли сумку с карточками на целый месяц. Я не плакала. Мне только как-то стало холодно, скучно и появилось чувство неизбежности, что это так и должно быть. «Это урок жизни», – думала я. Домой идти было страшно. В это время были еще магазины, где продавался коммерческий хлеб, но очередь надо было занимать ночью. Это были незабываемые, страшные, фантастические картины. Ночь, ливень и люди, прижавшиеся друг к другу, кто под зонтом, кто под тряпкой. Проходит час, другой. Люди молчат, изредка перекидываются словом, кто-нибудь закурит, осветив соседа, и снова темень, ночь. Ох, эти мрачные тени людей, до сих пор их не забуду!

Мать с отцом, жалея меня, приходили ко мне на выручку, для смены. Выручили нас из беды студенты, которые решили мне помочь. Они доставали хлеб благодаря знакомству с продавщицами, и рано утром я заходила за своей порцией. Спасибо им! Правда, в нашем мире ничего не делается просто так. По вечерам они заходили ко мне, и я должна была долго прогуливаться с ними по нашему знаменитому Пешпекскому переулку и развлекать их разговорами о Москве.

В это же невеселое время я поступила в Ленинградскую консерваторию, которая была эвакуирована в Ташкент. Я училась у профессора Бриан. Это была умная предприимчивая женщина, которой не чужды были никакие женские слабости, «ничто человеческое не было ей чуждо». Она могла и поинтриговать, и похитрить, но женщина она была умная, толковая. С ней было очень интересно говорить. В прошлом она была замечательной актрисой. Бриан блистала в Париже и в Лондоне, и у нас в России.

А. Нюренберг. «Женщина и верблюд». 1942

Прошлое у нее было богато воспоминаниями, которыми она щедро делилась с нами – учениками. Когда же она что-нибудь показывала, то меня охватывала дрожь, и я чувствовала, как ее темперамент захлестывал меня. Я убеждена, когда актер хотя бы на минуту находится во власти вдохновения, публика это почувствует. Электричество пройдет сквозь толпу, и каждый вздрогнет от этого.

Как вокалистка она мне дала немного, но она первая после Вергини* начала мне предсказывать большое будущее.

Я занималась и бегала на базар: по мере сил помогала матери и отцу. Отец работал в Союзе художников Узбекистана. Был членом президиума. Делал эскизы для агитационных плакатов. Мама набивала по трафарету плакаты.

Вставали мы рано утром. Отец уходил за пайковым черным хлебом, а мать с трогательной тщательностью пекла из розовой, крупного помола муки лепешки. Каждому по две лепешки. Мне они очень нравились, и я их быстро съедала. После весьма скромного завтрака меня начинали готовить к поездке в консерваторию.

Мать всю мою одежду тщательно и долго чистила керосиновым раствором, а отец мое пальто и берет осыпал нафталином (чтобы в трамвае ко мне не приставали тифозные насекомые). И я, благословляемая родителями, отправлялась на занятия в консерваторию.

Помню узбеков, которым мы преподносили наше искусство, очевидно, в таких больших дозах, что они отказывались его переваривать. Они могли спокойно разговаривать во время на-

* Вергини – друг Нюренберга. Певец и знаток итальянской оперы.

шего исполнения или с улыбкой оглядывать всех. Сколько недоверия и равнодушия было в их лицах! Они безумно боялись, как бы европейцы их не обманули, и поэтому старались опередить нас в этом. Они так шумели во время разговора, что делалось противно. Они все более и более наглели. У них появился какой-то нехороший тон, который нас возмущал, но против которого мы были бессильны бороться. Ибо мы были у чужих и, к тому же, у них в гостях.

Сейчас, когда говорят – Восток, экзотика, эти слова ассоциируются у меня с грязью, неуютностью и равнодушием соседей. Кроме того, много жестокости, которая свойственна народам Востока. Например, когда Ленинградскую консерваторию послали на сбор хлопка. Была осень, мы жили в плохих условиях. Ели два раза в день. Начинались холода, заморозки, а наши начальники, явные вредители, заставляли нас работать от зари до зари. Ведь мы все были профессионалы. Профессия каждого была необходима нашей родине.

Говорили о том, что надо сохранить кадры. Начальники с этим не считались. Им было приятно поиздеваться над беззащитными ребятами.

Были и случаи, когда наших учеников Ленинградской консерватории, мобилизованных для работ на хлопковых полях, заставляли выполнять непосильные и вредные работы. Дорого заплатили мы за это, несомненно, вредительское дело. Детей пианистов и скрипачей в морозные дни заставляли пальцами вытаскивать из коробочек приморожденный хлопок. Ночевали дети в плохих неопрятных сараях. Многие простудились.

Я была одной из старших. Мы работали босиком, без обуви, без перчаток, плохо одетые. Все мы кашляли, чихали. Были морозы, пальцы мерзли, и мы не могли потом играть на рояле, а главное, мы приносили очень мало пользы. Ведь мы не умели так ловко вытаскивать покрытый морозом хлопок из коробочек, как это делали узбечки.

Вспоминается поездка с комсомольской бригадой вокруг Ташкента. Я считалась в нашей бригаде самой интересной. За мной ухаживало много ребят, но для меня в их ухаживаниях было

А. Нюренберг «Ташкент. В чайхане». 1942

что-то оскорбительное. Они относились ко мне как к женщине, а не как к девочке – любопытной девчонке.

Во время студенческих каникул в консерватории был сооружен агитпункт, военная комната. Но когда дней через десять я явилась в консерваторию, меня не впустили туда, сказав, что вся консерватория была загрязнена, и заниматься в ней нельзя.

Я некоторое время в Ташкенте увлекалась медициной, то есть я ходила в больницу «Скорой помощи» и помогала принимать больных. Присутствовала при операциях. Сколько я насмотрелась человеческих страданий! Сколько погибло в Ташкенте людей от голода, сыпняка и бандитизма! Сыпняк косил без разбора. Трупы не клали даже в гробы, а просто сваливали на телеги, как дрова, и отвозили на кладбище. А сколько пухло с голоду. Сколько я видела страшных, душу раздирающих сцен! Помню мальчика, которому ампутировали руку. Его сбросил с подножки трамвая милиционер. Это умненький черноглазый

мальчик. Сердце разрывалось, глядя на него. Пришла его мать, она прижимала морщинистые руки к груди и тихо приговаривала в ответ на утешение мальчика: «Я не плачу, я не плачу…». Это была очень тяжелая картина!

Сколько унижений мы вынесли во время нашей эвакуации! И от соседей, и от хозяев. Человек, какое ты выносливое животное!

Отец много работал, но мало зарабатывал. Мы с ним предприняли несколько поездок за Ташкент, в ближайшие кишлаки, чтобы достать продукты. Отец брал альбом, пастель и грифельки и рисовал узбечек, наделяя их неземной красотой. Они ему платили мукой, рисом и подсолнечным маслом. В Узбекистане есть чудная крупа маис. Она похожа на чечевицу, только вкуснее ее.

Бывали курьезы, когда узбечки отказывались принимать работу, где отец изображал их в профиль – «с одним глазом и с одним ухом». Чтобы польстить узбечкам, отец на их ушах рисовал богатой формы серьги. Эта невинная лесть несколько увеличивала получаемые за работу продукты.

Было бы неверно и несправедливо говорить о ташкентцах как о людях малогостеприимных. Были среди них люди, которые, сочувствуя нам в нашей беде, старались помочь нам, но таких, надо признаться, было немного. Большинство ташкентцев нас встречало сдержанно, холодно. На базарах, в магазинах и в кишлаках нас откровенно принимали как чужаков. Горестно и тяжело было нам.

Помогал нам Союз ташкентских художников. Отец писал там плакаты, а мать в мастерской набивала их трафаретом.

На праздники правление Союза всегда доставало для нас и наших детей дефицитные продукты. Одно время Союз сумел даже для художников открыть столовую, где мать была кассиршей. Но аппетит голодных художников быстро погубил эту гуманистическую затею.

Возвращение из эвакуации в Москву

Однажды, приехав с отцом из нашей поездки за продуктами, мы застали маму дома больной. У нее открылось кровотечение. Пришлось отвезти ее в больницу. Что это за учреждение – больница в Ташкенте! Как-то я ужасно поругалась с врачом.

Поправившись, мать заболела не менее тяжелой болезнью. Называлась она «тоской по дому».

В это время в наших военных делах произошел коренной перелом. После бесконечного трагического отступления мы, наконец, остановились. Вскоре начались наши победы. Робкие и небольшие сначала и ставшие такими героическими и грандиозными впоследствии. Как радостно билось сердце каждого гражданина СССР! С каким упоением мы стали слушать сводки. И вот, наконец, некоторые ответственные товарищи, обладающие недюжинными связями, стали постепенно отчаливать «до дому», в Москву.

Что творилось с мамой, когда до нее доходили слухи эти. Домой! Домой! Умирать, так только в своей постели!

Мы стали запрашивать Москву. Ответы получали неудовлетворительные. Знакомого Ваню Диева мы оставили у нас в квартире, чтобы он ее охранял. Его мобилизовали. В Москве у нас были три комнаты, благоустроенный быт, а тут полкомнаты и Зайцевы. Ох, эти Зайцевы!

Однажды утром пришла долгожданная телеграмма из Москвы от дяди Левы*, с указанием обратиться в институт железнодорожников к Горюнову. И вот начались наши хлопоты об отъезде. Наши сборы продолжались около месяца. За это время мы припасли некоторые продукты. И, наконец, настал долгожданный лучезарный день. Мы сидели на вокзале, имея вызов из института, где папа делал проекты.

Друзья, провожавшие нас, не могли скрыть своих слез. Мы уезжали, а у них оставалось чувство горечи и одиночества. Не могу не вспомнить о замечательных друзьях, которые нас провожали. Фамилия их Мишкиблиты. Это очень старые друзья моих родителей. Еще из Одессы. Эти люди согревали, подкармливали нас в Ташкенте, и, может быть, благодаря им мы могли опять мужественно влачить свое жалкое существование.

Итак, мы наконец выбрались из этого города, в котором мы чувствовали себя такими несчастными.

В дороге мы были 15 дней. Во время путешествия мы с мамой развернули коммерческие способности. Мы покупали ведра-

* Лев Нюренберг – брат Амшея Нюренберга, начальник типографии во ВХУТЕМАСе.

Нина Нелина и мать Полина Мамичева. Москва, Верхняя Масловка. 1948

ми соль, а потом меняли ее на маис. Что это были за авантюры! Не могу сказать, чтобы мы что-нибудь подрабатывали на этом, но весь этот процесс обмена был очень интересным и увлекательным. Я бегала на остановках и с хозяйственным азартом меняла, продавала и покупала, не забывая флиртовать.

Через 15 дней мы подъехали к нашей дорогой Москве, которая не была истоптана немецкими сапогами. Наши доблестные войска отстояли Москву. И она осталась такой же чистой, родной и близкой, как была!

Встречал нас дядя Лева. Поезд стал на станции Перово. Отец с вещами остался в вагоне, а мы с мамой понеслись домой. Вот он, наш дом, вот двор (забор снесли на дрова), вот наш подъезд. Лесенки, третий этаж. Вот! Наконец, наша квартира. Хотелось плакать, целовать стены. Хотелось после всех унижений крикнуть так, чтобы услышали в Ташкенте: «У нас тоже есть своя квартира!

Свое гнездо. И все, что в ней есть, – это наше». Как это приятно. Все же все люди – собственники. Это очень древний инстинкт.

Правда, в одной из комнат жили художники-эстонцы. Но мама так энергично их атаковала, что они вынуждены были сдаться и освободить наше помещение. Наше счастье, что это были не наши ребята, те ни за что бы без суда не освободили нам комнату.

Первое время нашего жительства в Москве мы никуда не ходили. Спали, кушали и опять спали. Все время нас окружали тишина, чистота, покой, отдых. Нам не хотелось видеть людей. Мы наслаждались одиночеством и… покоем.

Как хорошо!

К 150-летию Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

Марина Подрезова

Сначала была библиотека…

Преображенская, 24. Здание университетской библиотеки, выходящее в Городской сад, в самом сердце Одессы, знакомо многим поколениям одесситов. На самом деле библиотека старше университета, отпраздновавшего свое 150-летие: через два года мы будем отмечать 200-летний юбилей библиотеки, история которой восходит к открытию Ришельевского лицея в 1817 году, и которая стала фундаментальной библиотекой Новороссийского университета после его образования в 1865 году. Даже тот, кто никогда не был читателем нашей библиотеки, наверняка наслышан о богатстве ее фондов. Около 4 миллионов книг и периодических изданий, более 100 тысяч редких и ценных изданий, уникальные личные коллекции, переданные в университетское книгохранилище, в том числе – библиотека Воронцовского дворца в Одессе, личное книжное собрание графа А.Г. Строганова… Об этом немало уже написано и, безусловно, будет еще написано. Но справедливо ли, что о книгах известно куда лучше, чем о тех, кто их хранит,

изучает, кто делает все возможное, чтобы в стремительно меняющемся мире при всех драматических сложностях нашей жизни библиотека оставалась важным центром культуры и просвещения? Именно поэтому, преодолев соблазн написать о книжных богатствах, я решила посвятить этот небольшой юбилейный очерк представителям одной из самых скромных и благородных профессий – университетским библиотекарям, нашим предшественникам и современникам, учителям и последователям.

Первым библиотекарем Новороссийского университета стал Виталий Матвеевич Шишковский (1822 – ?), служивший еще в лицейской библиотеке. Ему пришлось заниматься пополнением фондов, приобретением книжных коллекций, увеличением штата, публикацией печатного каталога университетской библиотеки. В.М. Шишковского, который прослужил в библиотеке более 40 лет, сменил Людвиг Филиппович Брун (1841-1905) – представитель хорошо известной в научных кругах династии профессоров Брун. Кстати, один из них, Ф.К. Брун, в самом начале своей жизни и карьеры в Одессе более 3-х лет заведовал библиотекой Ришельевского лицея. Его сын, Л.Ф. Брун, отдал университету и служению книге сорок лет жизни. В целом семья Брунов прослужила в библиотеке три четверти века. Именно при Л.Ф. Бруне университетская библиотека переехала в новое помещение по улице Преображенской (1902).

Преемником Л.Ф. Бруна стал Петр Степанович Шестериков (1859-1929) – один из основателей отечественного библиотековедения. Результатом серьезного исследования и изучения передового библиотечного опыта стала его монография «Постановка библиотечного дела в университетских и некоторых других библиотеках России» (Одесса, 1915), в которой не только проанализировано состояние библиотечного дела в стране, но и дано подробное описание организации библиотеки в самом Новороссийском университете. В то же время Петр Степанович, член Новороссийского общества естествоиспытателей, известен как специалист по флоре Южной Украины и автор работ по флористике, собравший ценный гербарий. Повышать престиж родной библиотеки П.С. Шестериков мог благодаря хорошо подобранной команде сотрудников (М.О. Григорович, И.И. Дусинский,

П.В. Левандовский, Н.В. Смирнов), среди которых были настоящие интеллектуалы с университетским образованием. Помощник библиотекаря И.И. Дусинский (1879-1919) в специальной публикации ставил вопрос о материальном и служебном положении личного состава университетских библиотек, который и сегодня не потерял своей актуальности. Разносторонне одаренный человек, антиковед по специальности и одновременно журналист, современному читателю И.И. Дусинский известен, прежде всего, как геополитик, публицист и панславист (в 1919 г. он стал одной из жертв «красного террора»). Наконец отметим, что полноценным членом небольшого коллектива университетской библиотеки была Лючия Карловна Брун – первая женщина, принятая на штатную должность в Новороссийский университет (непрерывно работала в библиотеке до 1957 г.!).

После расформирования Одесского университета в 1920 г. его библиотека неоднократно меняла свое название: Главная библиотека высшей школы (1920-1922), Центральная научно-учебная библиотека (1923), Центральная научная библиотека г. Одессы (1924).

Двадцатые годы XX в. – поистине «золотой век» в истории одесской библиотечного и книжного дела, когда обе крупнейшие библиотеки города – Центральная научная библиотека г. Одессы и Одесская публичная библиотека – имели блестящий состав сотрудников. Достаточно сказать, что в «публичке» одновременно работали А.М. Дерибас (1856-1937), М.П. Алексеев (1896-1971), А.Н. Тюнеева (1889-1984), а в ЦНБ – О.Л. Вайнштейн (1894-1980), Ф.Е. Петрунь (1894-1963), И.Я. Фаас (? – 1944), Г.Д. Штейнванд (1896-19??), Н.Н. Петринский (1890-1938), К.А. Копержинский (1894-1954) и др. Одним из первых руководителей Главной библиотеки Высшей школы (в течение 8 месяцев до административного выдворения его за границу в сентябре 1922 г.) был бывший профессор кафедры русской истории ИНУ Антоний Васильевич Флоровский (1884-1968), а 13 ноября 1922 же года директором библиотеки был назначен профессор Одесского института народного образования, психолог и педагог, впоследствии – член-корреспондент АН СССР Сергей Леонидович Рубинштейн (1889-1960). Блестящий организатор науки,

С.Л. Рубинштейн был инициатором работы библиографического семинара, содействовал созданию национального репертуара украинской книги. Во многом именно благодаря настойчивости и принципиальности Сергея Леонидовича в Одессе осталась библиотека Воронцовых.

С первых лет советской власти Научная библиотека получила статус научно-исследовательского учреждения и вошла в число ведущих научно-образовательных организаций СССР. С 1926 г. в ЦНБ г. Одессы началась профессиональная подготовка библиотечных работников, была открыта аспирантура, первым выпускником которой стал Саул Яковлевич Боровой (1903-1989) – выдающийся историк русского и украинского еврейства, специалист по социально-экономической истории XVI-XIX вв. Защитив в 1930 г. свою «промоционную» работу (аспирантскую диссертацию), С.Я. Боровой стал первым и единственным в Украине довоенных лет специалистом, который получил ученую степень по книговедению. В аспирантуру при ЦНБ были приняты также А.Б. Варнеке (1904-1938(?)), сын известного одесского искусствоведа и исследователя античной культуры Б.В. Варнеке, и А.Н. Горецкий.

Среди сотрудников, составлявших «интеллектуальный цвет» библиотеки, выделим Осипа Львовича Вайнштейна (1894-1980), который начал в Одессе свой творческий путь ученого, эрудита, прекрасного знатока источников, автора работ по медиевистике, историографии и методологическим проблемам исторической науки. Именно Осип Львович явился инициатором организации на базе библиотеке Музея книги (открыт в 1927 г.). Среди других плодотворных начинаний тех лет – создание картографического кабинета, Украинского отдела библиотеки (Ucrainica) по инициативе и при самом активном участии самобытного исследователя-географа, историка, краеведа и библиофила Федора Евстафьевича Петруня. В конце жизни он систематизировал свое книжное собрание, упаковал книги и карты в большие картонные коробки, составил завещание об их передаче в университетскую библиотеку, где эта коллекция хранится в как именной фонд Ф.Е. Петруня.

Итак, в 1920-е гг. бывшая университетская библиотека стала одним из ведущих научных учреждений на юге Украины.

Уже тогда был начат сложный путь превращения библиотеки из пассивного книгохранилища в полноценное научно-исследовательское учреждение. В 1938 г. был заново организован библиографический отдел – своего рода «мозг» библиотеки. Его сотрудники активно включились в информационно-справочную, издательскую и краеведческую работу. В организации отдела принимала участие известный украинский библиограф М.В. Рапопорт (1893-1959). Под руководством Марии Владимировны в библиотеке создавались систематический каталог и систематическая картотека статей.

С началом репрессий в стране в конце 1920-х гг. были уволены, арестованы, отправлены в лагеря и работники библиотек города. Среди сотрудников бывшей университетской библиотеки, работавших в ней в разное время, были репрессированы А.Б. Варнеке, В.Я. Герасименко, А.Н. Горецкий, К.А. Копержинский, Н.Н. Петринский, Ф.Е. Петрунь, Г.Д. Штейнванд (на рубеже 1980-90-х гг. все они были реабилитированы). Одновременно проводились «чистки» книг, образовывались спецфонды, спецхраны. На долю библиотеки Одесского университета в XX веке выпало немало тяжелых испытаний. Самым страшным была война.

Университетскую библиотеку на ул. Преображенский (во время войны она называлась ул. Короля Михая) подчинили городской публичной библиотеке, сделав ее абонементом, управление которым поручили одному из старейших работников – Тамаре Захаровне Ходжаш (1888-1965). С 1 февраля 1942 г. директором университетской библиотеки была выдающийся библиотековед Александра Николаевна Тюнеева (1888-1984), которая одновременно возглавляла Научную библиотеку имени Горького. Вместе с небольшой группой сотрудников она вкладывала все силы в то, чтобы библиотека выстояла. По воспоминаниям А.Н. Тюнеевой, чтобы воспрепятствовать массовому вывозу книг, библиотекари прибегли к хитрости: книжный каталог был рассыпан сотрудниками и сложен в ящики в хаотичном порядке; «по строжайшему приказу о ценнейших фондах Воронцовской и Строгановской библиотек не упоминалось, каталоги на них спрятаны, сами фонды засекречены и, таким образом, спасены…»*.

* Александра Николаевна Тюнеева: сб. материалов. – Одесса, 2012, с. 183.

Благодаря самоотверженному труду и мужеству библиотечных работников, оставшихся в Одессе во время оккупации, удалось сохранить и помещение, и фонды университетской библиотеки. Послевоенная библиотека заняла свое место в университете, который успешно действовал во время эвакуации, а теперь сумел в кратчайшие сроки наладить работу после освобождения Одессы. В сложные 1945-1946 гг. библиотеку возглавлял В.И. Литовченко – преподаватель психологии и истории педагогики педагогического института и университета. В годы войны он был подпольщиком, поддерживал связь с партизанами. Василий Иванович хорошо разбирался в людях: должность заместителя директора библиотеки по научной работе он предложил Т.З. Ходжаш, одному из наиболее компетентных специалистов, автору первого путеводителя по библиотеке (1959). В.И. Литовченко пригласил на работу в библиотеку тогда еще совсем молодого Виктора Семеновича Фельдмана (1915-2008), ставшего впоследствии легендарным библиографом, гордостью университета. 14 февраля 1945 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров (№ 198) библиотеке Одесского государственного университета был присвоен статус научно-исследовательского учреждения. Так были оценены заслуги коллектива библиотеки в формировании фондов, их значимость для культурной и научной жизни города и всего региона.

С начала 1950-х годов библиотеку возглавил опытный славист, талантливый лингвист, доцент филологического факультета Николай Васильевич Павлюк (1920-1978), который много сделал для повышения престижа библиотеки. По мнению современников, десять лет (1951-1960), в течение которых Н.В. Павлюк руководил библиотекой, стали подарком для интеллигенции города[**]. В послевоенное время здесь работали такие высокопрофессиональные специалисты, как Т.З. Ходжаш, Т.М. Гольд, Р.М. Рапопорт, Н.С. Юсим, А.А. Мишаков, Е.С. Жакулина, А.К. Папаспираки, Н.В. Аргиропуло, М.И. Кириченко, М.А. Чуйкина, Е.Ф. Чижевская, Е.Ф. Письмен, М.К. Руденко, Е.П. Ганчицкая, С.В. Бондарь, В.А. Бозина, Н.Г. Лифшиц, Н.М. Третьяк, Э.В. Пилипчук, В.С. Фельдман, О.Ю. Ноткина, Е.М. Зенькова, А.В. Захарова, В.Н. Терлецкая и др. Ученица академика В.И. Липского, кандидат

[**] Ноткина О.Ю., Фельдман В.С. Вместе с ними. – Одесса, 2006, с. 24-25.

Зал каталогов в 1947-1950 гг.

биологических наук Тамара Моисеевна Гольд была прекрасным консультантом по естественным наукам, тесно сотрудничала с профессором И.И. Пузановым. Блистательный филолог Нэтти Самойловна Юсим имела заслуженную репутацию мастера выставочного дела в библиотеке.

Более пятидесяти лет проработал в университете участник Великой Отечественной войны, отмеченный государственными наградами, Петр Михайлович Бондаренко (1922-2001), более двадцати лет возглавлявший библиотеку, а последние годы работавший сотрудником отдела редких книг и рукописей. Под его руководством в библиотеке произошли существенные изменения в материальном положении и информационно-библиографическом обслуживании читателей. Именно Петр Михайлович поддержал идею восстановления Музея книги университетской библиотеки, который был вновь открыт 7 февраля 1979 г. Предварительно самыми компетентными и опытными библиографами А.К. Папаспираки, Т.З. Ходжаш, В.С. Фельдманом, Н.В. Аргиропуло из общего книгохранилища было отобрано пять тысяч книжных

Учитель и ученик: А.К. Папаспираки и В.С. Фельдман в книгохранилище

раритетов, которые расположили в Воронцовских шкафах, а наиболее редкие и ценные – на 14 витринах.

Особого упоминания заслуживает главный библиограф библиотеки, выпускник юридического факультета Новороссийского университета А.К. Папаспираки (1890-1972), который на протяжении нескольких десятилетий вел кропотливую работу с книжными раритетами. Вспоминая своего учителя, В.С. Фельдман писал: «Андрей Константинович был единственным консультантом по описанию редких изданий и участвовал в отборе ценных книг <…> из основного фонда библиотеки <…> я был поражен необычайной широтой и глубиной его знаний <…>. Впервые я увидел научный подход к изучению истории книги и книжных собраний»*. И сейчас, спустя полвека, мы с благодарностью вспоминаем Андрея Константиновича, истинного интеллигента, сохранившего достоинство «старой гвардии» и передавшего эстафету своим достойным преемникам.

* Ноткина О.Ю., Фельдман В.С. Вместе с ними. – Одесса, 2006, с. 29-30.

Сотрудники библиографического отдела (1954 г.): О.Ю. Ноткина, В.Н. Терлецкая, А.В. Захарова, М.Н. Бушева, М.А. Трофименко, Е.М. Зенькова, А.А. Липа, Т.Я. Логвинова, Т.М. Гольд

В течение нескольких десятилетий настоящей «хозяйкой» Музея книги была кадровый сотрудник библиотеки Е.В. Савельева, у которой молодым коллегам стоило поучиться и верности профессии (пятьдесят пять лет она поднималась по лестнице здания, ставшего родным домом), и неизменной доброжелательности, такту, терпению. Долгие годы лекции и экскурсии Елизаветы Владимировны пользовались успехом у благодарных слушателей – от первокурсников до академиков и дипломатов. Большим энтузиастом книги был ее коллега Н.В. Аргиропуло (1919-2008). Николай Всеволодович был настоящим фанатом библиофильских миниатюрных изданий, в 1970-1980-е гг. он приложил немало усилий для пополнения коллекций библиотеки книжными миниатюрами.

И сегодня просветительская деятельность Музея книги Научной библиотеки ОНУ имени И.И. Мечникова (экскурсии для студентов, школьников, ученых, гостей университета и города, научная практика бакалавров и магистров по гуманитарным специальностям, разнообразные выставки и т. п.) способствует

Коллектив библиотеки после торжественного заседания в честь 100-летнего юбилея ОГУ. Среди участников на первом плане Л.Д. Орлова, Э.В. Пилипчук, Т.З. Ходжаш, П.М. Бондаренко, Н.В. Аргиропуло, Н.М. Третьяк

созданию целостной системы обучения и воспитания творческой личности современного специалиста. Это – продолжение традиций талантливого библиографа и краеведа Виктора Семеновича Фельдмана, 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать этой осенью. Более полувека В.С. Фельдман посвятил любимой библиотеке, помогая всем – и студентам, и преподавателям, оставив после себя интересный архив и ценное книжное собрание, которые хранятся сейчас в библиотеке в составе его именной коллекции. Благодаря Виктору Семеновичу не канули в лету книги «идеологически вредного содержания», от которых пытались избавиться в небезызвестные времена. Экскурсии по фондам, которые проводил В.С. Фельдман, остались в памяти нескольких поколений студентов и сотрудников университета, как и его сердитая «фирменная» фраза, обращенная к читателям в каталоге: «Не держите ящик на весу! По законам физики ящики падают вниз!». В ходе экскурсии по книгохранилищу, дойдя

до «изюминки» – шкафа с редкими книгами, – Виктор Семенович вынимал одно за другим хранившиеся там издания, невероятно интересно рассказывая о каждом. Общественность города высоко оценила заслуги блестящего знатока книги, представив его в 2001 г. к званию первого лауреата международной премии И. Дерибаса.

В 1960-1980-е гг. в штат университетской библиотеки вошла целая плеяда квалифицированных специалистов, в основном – воспитанников родного университета: М.А. Подрезова, Т.М. Добринова, Т.Н. Ямченко, Н.С. Тахтарова, С.М. Кириченко, В.В. Самодурова, Л.Н. Крапивка, Е.И. Головко, Т.А. Фурман, Н.В. Мусиенко, Н.В. Кабанова, Э.В. Мартыновская, В.В. Яровая, А.В. Зайченко, В.П. Пружина и др. Мне было 19, когда я пришла в библиотеку. И осталась здесь на долгие годы. Мне по-настоящему повезло: меня учила профессии библиограф от Бога – незабвенная Ольга Юдовна Ноткина (1923-2007). Это были незабываемые уроки исключительной профессиональной честности, скрупулезности, ответственного отношения к жизни, к людям, к себе. Безграничная доброжелательность сочеталась в Ольге Юдовне с принципиальностью и требовательностью, она не терпела малейшей небрежности, неточности… Этой школы мне хватило на всю мою – уже долгую – жизнь в профессии.

С 1989 по 1998 годы Научную библиотеку возглавляла С.М. Старицкая – кадровый сотрудник, высококвалифицированный специалист библиотечного дела. Светлана Михайловна приложила много усилий к комплектованию библиотеки в этот сложный период, когда пополнение библиотечных фондов в стране значительно уменьшилось вследствие объективных причин: сокращения финансирования библиотек, инфляции, разрыва информационного пространства, роста цен на все виды печатной продукции. В этот период библиотека сама разыскивала источники пополнения фондов: это были сохраненные связи по книгообмену, спонсорские и благотворительные взносы, подарки организаций, отдельных лиц, в частности профессоров университета (Б.А. Шайкевича, В.В. Сердюка, С.П. Ильева, И.П. Зелинского).

Резкие изменения условий библиографической и вообще библиотечной работы в конце XX – начале XXI в. потребовали

М.В. Рапопорт, доц. А.М. Дроздов, А.К. Папаспираки

значительной коррекции ее традиционных направлений, а также постановки работы в совершенно новых формах. И дело не только в том, что с 1999 года удалось ускорить внедрение информационных технологий в учебную и научную работу студентов и преподавателей университета. Всесторонний анализ качественно новой ситуации, в которой оказались библиотеки в информационном обществе, помог определить стратегию и выработать новую модель деятельности университетской библиотеки. Срез научных и практических результатов, достигнутых библиотекой за последние годы в различных сферах, помогает раскрыть основные тенденции и приоритетные направления ее научно-исследовательской деятельности: комплексное изучение фонда, краеведческие студии, биографические исследования, связанные с историей университета, и их библиографическое обеспечение, информационное раскрытие коллекций редких изданий. Успешно внедрена в жизнь новая модель научно-издательской деятельности, когда главные специалисты

Е.В. Савельева, Н.В. Аргиропуло, Н.М. Третьяк

библиотеки являются не только авторами, но и редакторами, корректорами и дизайнерами изданий. Своеобразным показателем интеллектуального потенциала и научной состоятельности коллектива библиотеки на современном этапе является создание собственного издательского продукта – «Вестника Одесского национального университета. Серия: Библиотековедение, библиографоведение, книговедение» (выходит с 2007 г.; с 2011 г. – дважды в год). С материалами «Вестника» можно ознакомиться на собственном сайте издания, а также в репозитарии сайта Научной библиотеки ОНУ.

Сегодня в коллективе работают высококвалифицированные специалисты М.В. Алексеенко, А.П. Бахчиванжи, Е.В. Бережок, А.В. Зайченко, А.С. Мурашко, Е.В. Полевщикова, В.П. Пружина, В.В. Самодурова, Е.В. Суровцева и др. Особенно отрадно, что успешно преодолена смена поколений: коллектив значительно омолодился, средний возраст сотрудников библиотеки сегодня едва достигает тридцати лет!

В систематическом каталоге Научной библиотеки (1960-е гг.): А.Е. Данилко, М.И. Ильяш, Т.М. Гольд, С.Я. Боровой

Последнее десятилетие занимает особое место в историческом пути нашей библиотеки: на время радикальной перестройки работы, связанной с освоением и развертыванием инновационных технологических процессов, пришлись и драматические сложности, обусловленные комплексом проблем материально-технической базы библиотеки. В то же время отметим, что сейчас у нас есть новые возможности, еще сравнительно недавно труднодоступные или совсем недоступные для библиотеки не столичного вуза. Опираясь на богатый опыт библиотеки классического университета, за эти годы мы прошли практический путь становления и функционирования библиотеки как научно-исследовательского подразделения. Даже перечень фундаментальных публикаций последнего десятилетия занял бы не одну страницу! К 150-летию Одесского национального университета библиотека подошла с десятью крупными научными проектами, подготовленными как самостоятельно, так и в сотрудничестве с университетскими кафедрами.

За последние несколько лет библиотека инициировала совершенно новые направления деятельности, в том числе в области формирования принципиально новой информационно-технологической инфраструктуры науки. В частности, это переход научно-издательской деятельности университета в сферу собственной ответственности библиотеки; распространение

Издания к юбилею университета

результатов научно-исследовательской деятельности ученых университета, организация сайтов периодических изданий ОНУ и интеграция их в наукометрические базы.

Университетская библиотека сегодня динамично развивается и расширяется. В этом первостепенную роль сыграли инициативность, компетентность, энтузиазм и, прежде всего, высокий интеллектуальный и профессиональный уровень сотрудников библиотеки, поддержка профессорско-преподавательского состава университета и его администрации, осознающих значимость библиотеки для достижения и поддержания достойного академического уровня университета и сохранения его роли как солидного научного центра.

Александр Дорошенко

Металлобаза «Чаша Грааля»

Заметь, мой верный и преданный оруженосец, как беспросветна ночь, как необычно безмолвие, как глухо и невнятно лепечут листья, как жутко шумит поток… Все эти явления… способны заронить боязнь, страх и ужас в сердце самого Марса… Однако все эти описанные мною ужасы только пробуждают и воспламеняют мою отвагу, и мое сердце готово выпрыгнуть из груди – до того жажду я броситься в это приключение, каким бы трудным оно не представлялось. Поэтому подтяни немного подпруги у Росинанта, и да хранит тебя Бог!

Мигель де Сервантес и Сааведра. Дон Кихот

Город был древнее, лучше и чище всего, что в нем происходило. К нему не приставала никакая грязь.

Осип Мандельштам

На Пересыпи, на траверсе сахарного завода, влево за переезд, в районе Лиманчика, напротив станции очистки (туда свозят отловленных бездомных животных и там совершается братоубийство, если мы всерьез верим, что у нас есть «меньшие братья»), среди островков камышей, густо покрытых пылью разбитых дорог, среди озерных непросыхающих луж, в которых машинное масло разбавлено дождевой водой, расположены всякие базы и склады металлоизделий. К ним, ковыляя по выбоинам дорог и густо разбрызгивая лужи, опасно наклоняясь в сложных местах рельефа, под небом голубым идут грузовые машины за черным металлом – листом, прокатом и бухтами проволоки. (Этот металл не черный –

он ржавого цвета, он на самом деле цветной.) Наша цель была обозначена громадными буквами вывески, и размещены эти буквы были на заборе с каждой стороны от ворот, жирной кистью и густой масляной краской, на которую не поскупились, чтобы водитель мог издалека определиться в направлении пути:

«Оптовая база металлоизделий и стройматериалов «Чаша Грааля»*, – всегда широкий выбор!»

* Святой Грааль это чаша, служившая во время Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Иисуса, нанесенной копьем центуриона Лонгина. По легенде эта чаша попала впоследствии в Британию, и так установилась связь между кельтской традицией

Нам нужен был листовой металл. Справа от ворот, во дворе базы, среди растительности, обозначенной чахлыми ржавого цвета кустиками, в одноэтажном строении с колонками тосканского, как принято в Городе, ордера по бокам входа, находилась контора. Собаки здесь, как и на всех таких базах и складах, многочисленны, связаны родством и умеренно сыты. Их масть определить никак невозможно, от гипсовой пыли, от ржавеющих гор металла, от разговорной бытующей здесь речи они переняли цвет, и он похож на ржавчину, припорошенную пылью. Только щенки еще сохраняют белые и черные пятна… Им, щенкам, весело бегающим вокруг, вселенная представляется только такой – горами металла, бухтами проволоки и арматуры, мешками с цементом и гипсом, натужно ревущими моторами буксующих в лужах масла машин. Языку они учатся у грузчиков. Командует базой и отпускает товар дама средних лет с плотным усестом и с давнишними следами былой красоты. Дама курит, голос имеет зычный и умеет им пользоваться. Такова профессия – вокруг царит простота нравов – среди грузчиков, водителей и экспедиторов. Все они ждут на улице перед домиком и входят по очереди, дисциплинированно. На входе гасят окурок и вытирают ноги.

За спиной дамы висела на ржавой стене великолепная размерами и цветом фотография – «Монплезир в Петергофе», густая зелень деревьев ласкает стены дворца и все полно влажной питерской прохладой – видно, что весь день шел приятный питерский и потому затяжной осенний дождь, и пропиталась земля и листва, и стены, и скамьи в парке влагой, и чувствуется запах прелых листьев. Где-то там, в глубине, брошенное впопыхах на кровать, белеет сквозь венецианские зеркальные окна вечернее платье Екатерины, бежавшей за властью и в бессмертие. Мы с дамой быстро роднимся на основе этой фотографии – Питер ей родина, а мне юность. Относительно названия конторы, как возникла такая красивая и удачная мысль, выясняется, что владельцам базы эта «Чаша» представляется вариантом рога изобилия, чтобы

и христианством. «Круглый стол», сооруженный королем Артуром по замыслу Мерлина, предназначался именно для Грааля (Прим. автора).

клиент сразу мог проникнуться уверенностью, что на такой базе есть всё и всегда, и так всегда будет!

(Это основа торговли. Помните незабвенного Швейка, посланного фельдкуратом Отто Кацем за освященным елеем и бесплодно обошедшего множество аптек и лакокрасочных магазинов, пока в фирме Полак на Длоугой улице хозяин на просьбу Швейка не сказал приказчику: «Пан Таухен, налейте ему сто граммов конопляного масла номер три», – и Швейк ушел довольный.)

О, великие тени рыцарей, неужели вы незримо присутствуете здесь, собранные этим магическим именем «Чаши»?.. О, Ланселот и неистовый Роланд, как мне различить ваши тени среди разбитых унитазов и проволочных гор! И ты, старый рыцарь печального образа, – неужто где-то здесь стоит, прислоненный к проволочным бухтам (индекс ДК-СС-735-94Б), твой надежный боевой щит?

Нам надо было перевезти металл, 200 килограмм железного листа, на неподалеку расположенный производственный участок. Машины здесь ходят большегрузные, и поймать свободную машину невозможно. Мы долго пытались остановить и договориться. Отчаявшись и глядя на проходящую мимо собачью будку с длинной плоской клеткой вместо кузова, я пожаловался в раздражении своему технику Михаилу – хоть на крыше этой клетки перевози! И ушел горевать в контору. К Монплезиру и Прекрасной Даме увядших лет.

А через несколько минут что-то во дворе металлобазы случилось. Взметнулись к небу и переплелись звуки собачьей и человеческой речи… И наступила мертвая небывалая здесь тишина – на глазах потрясенных грузчиков, на глазах чашеграальских псов утративший сначала голос, но затем, обретя его, отгавкавшихся на несколько лет вперед… въехала собачья будка в ворота и на территорию металлобазы «Чаша Грааля». Вначале псы даже не онемели, они не верили своим глазам… я видел, как один старый заслуженный хрипун, сев на хвост, выбросил к небесам передние лапы, как бы к ним взывая, как бы пытаясь закрыть глаза и уши, чтобы не быть причастным к такому позору… В этой позе, в ее правдивости и экспрессии, он напоминал одного из малых пророков Библии, мечущего громы на головы непокорных колен

Израиля. (У колен этих были так устроены и форму имели такую головы, что горохом отскакивали от них укоризны как больших, так и малых пророков.)

> «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! – Тиру и Сидону отраднее будет в день Суда, нежели вам».
>
> Мтф. 11, 20-24

Я виновен, я много плохого сделал в жизни, но за эту оплеванную «Чашу Грааля» мне отвечать. Перед опозоренной этой металлобазой, перед грузчиками, еще не оправившимися от выпитого намедни и так и не пришедшими никогда в себя после этого позора и унижения, перед всеми поколениями средневековых рыцарей (вот стоят они, съехавшись к воротам металлобазы, позванные в далекий путь ее чудным именем, все в надежных и от времени потемневших латах, с зарубками боевых топоров на поверхности этих лат, так что не различить родовые гербы, держат под уздцы своих боевых коней и смотрят на меня молча, с немой укоризной, только покачиваются перья на шлемах под невесть откуда взявшемся здесь ледяным ветром, и читаю я в их серых глазах, потемневших от въевшейся пыли бесконечных дорог, слова укоризны – за насмешку над главным, за убогость оценок, за глупое непонимание – потому что в месте, где впервые в прошедших столетиях было написано это святое имя «Чаша Грааля», необходима помощь, а не насмешка над людьми, обиженными судьбой и лишенными всего и навсегда!). И перед тобой, однорукий Мигель де Сервантес и Сааведра, перед хитроумным идальго дон Кихотом из Ламанчи, но, главное, перед этими безвинными и лишенными всего изначально чашеграальскими псами… Родину их, пусть неумыто-неухоженную, пропахшую мочой и матом, и ржавой плесенью индустрии, но единственную дарованную судьбой, я эту родину опозорил, унизил и навек отобрал!

На все, нами здесь на земле сотворенное, есть срок вины – но эта вина бессрочна!

Старый Рыцарь решил бы дело иначе, эта база стала бы в его глазах заколдованным замком, захваченным злыми волшебниками, все здесь перевравшими наизнанку, так что псы утратили

первоначальную форму, а были они силой звери, мощные боевые псы рыцарей, полные ярости и отваги, и дама эта из Монплезира – Господи, слеп я недопустимо, ведь тосканский ордер колонн и сам Монплезир этот были прямым мне указанием на реальности сцены! – Прекрасной Дамой, над которой не смеяться, которую спасать было надо, выручать из рук этих грязных волшебников, все превращающих в пепел и плесень…

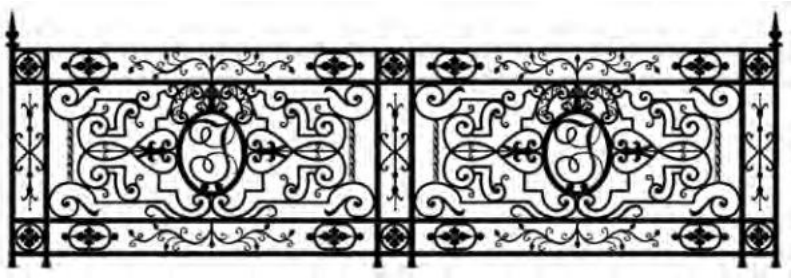
Старый Рыцарь, придя к этим воротам, ждать бы не стал и не стал бы раздумывать – укрепившись в седле бессмертного своего Росинанта, он угрожающе нацелил бы прямо в открытую дыру этих ворот острие боевого копья и тронул бы шпорами бока коня…

Потому что он прав был в своих безумствах – не должен видеть подобное человек, сохранясь безучастным!

Но это старый Рыцарь, а это неверующий Фома, и вместе им не сойтись!

Я знаю – вышла ошибка, где-то там, наверху просчитались, и Рыцарь попал к нам недосмотром, из иного мира, где он вышел в свой путь. Там все иначе: все цветное и яркое, там летают, изрыгая огонь, драконы и, устав от полета, присаживаются полежать на зеленой лужайке и выпить чистой родниковой воды, там высятся замки с подъемными мостами, а в башнях заключены принцессы, и каждая красива и печальна, там злые волшебники творят заклинания, но каждому противостоит Рыцарь – готовый к бою, и ждать он не станет, – он никогда не проедет мимо беды и не примирится с неправдой, – это там –

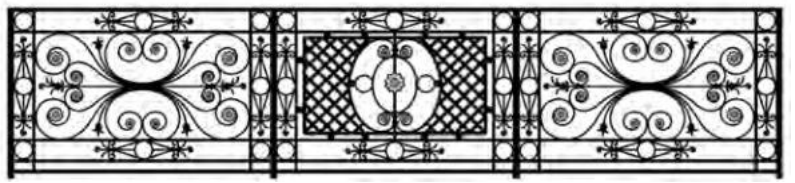
– а здесь, у нас, – куда недосмотром попал Рыцарь, здесь все настоящее, наше, взаправдишное – расчет и навар, законы, работающие на своих служителей, мир неправды и мир бесправных, заплеванные панели, обшарпанные стены домов, дворцы для немногих, избиваемые сутенерами проститутки, маленькие девочки, стоящие с протянутой рукой у роскошных сверхдорогих магазинов, никогда не державшие в руках эту чудную красавицу куклу, голодные бездомные псы, бомж, замерзающий в надвигающейся ночи, бездомнее бездомного пса, мочащиеся у стены Театра молодцы, на этот самый Театр и на все его художества…

Канатная, № 79а

Коблевская, № 1 и 40, архитектор Ф.В. Гонсиоровский, 1886 год; Новосельского, № 53, Нежинская, № 45

Ланжероновская, № 14

Гаванная, № 10, архитектор Д.Е. Мазиров, 1880-е годы*

* Прориси решеток приведены по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год.

Он смешной, этот Рыцарь на своей худосочной коняке со своим длинным, никому не страшным копьем, – оглянись – вон он едет вдоль наших улиц и стоит на перекрестках наших дорог, в пыльных латах, на уставшем коне, и все покатываются с хохоту, и тычут в него пальцами, и кричат оскорбления, –

«Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона»*

– хорошо и то, что он нашего языка не знает!

Но если тебе повезет его встретить, на улице или на перекрестке, подойди, поклонись и предложи свои услуги, – проводить его через лабиринт наших глаз и улиц и, взяв коня под уздцы, пойди чуть впереди и рядом, иногда оглядываясь, чтобы правильно выполнить его пожеланья.

Я знаю – ты справишься…

И никому не расскажешь, как это было, это – наше с тобой, – остальные пусть дорастут!

* Осип Мандельштам. «Возможна ли женщине мертвой хвала…». 1935.

Георгий Голубенко

Последние рассказы

Моя спортивная жизнь

У тренера нашей консерваторской команды по футболу была кличка Бетховен. Дело в том, что он был абсолютно глухой. И обладал примерно такого же масштаба склерозом.

– Как фамилия этого Голубеньки, который играет у нас на правом краю? – спрашивал он у нашего капитана Додика Эстермана.

– Голубенко! – орал в ответ Додик, находясь примерно в метре от Бетховена.

– Так как его фамилия?!

– Го-лу-бен-ко!!!

– Как-как?!

– Ничего не понимаю, – чуть не плакал Додик. – Я извиняюсь, Наум Зиновьевич, это вы не слышите или это вы не помните?

– Ну хорошо, – успокаивал его тренер, – не знаешь, как его фамилия, – ну и не надо. Я потом в журнале посмотрю. Так кто он такой, этот Голубеньки?

– Скрипач!

– Ой, точно, я же видел, как он играет на скрипке.

– Вы хотели сказать «слышал»?

– Ну зачем же я буду обманывать? Ничего я не слышал. Я видел. Но мне этого было достаточно. Так вот в футбол он играет примерно так же. Ты ему передай: пусть он, перед тем как ударить по мячу, попробует закрывать глаза.

– Зачем?

– Потому что с открытыми глазами он всю дорогу бьет мимо.

Ах, знал бы наш тренер старик Бетховен, как это его замечание изменит всю историю нашей футбольной сборной! Но об этом после. А пока что он был совершенно прав. Правда, таким мазилой в нашей команде был не только я один. Вообще, спортивная мощь консерваторской сборной по футболу сильно оставляла желать лучшего. Единственное, чем мы могли похвастаться, – это стабильностью результатов. Всем своим соперникам по первенству города по футболу среди вузов мы проигрывали примерно с одинаковым счетом, а именно 8, 9, 10 или 11:0. Наша экипировка тоже оставляла желать лучшего. И тоже сильно. Мы выходили на поле в длинных сатиновых, как тогда говорили, семейных, трусах кто черного, кто синего цвета, в общем, у кого какие имелись. На ногах у нас были разного цвета длинные носки, которые заменяли нам гетры, а также сандалии вместо бутс. Наш полузащитник, который в свободное от учебы время пел в хоре местной оперетты, вообще обувал на игру средневековые лакированные туфли, украшенные огромными блестящими пряжками с фальшивыми бриллиантами, взятыми им напрокат из театрального реквизита. Одинаковым у нас был только верх, и это было самое отвратительное. Помните, в советские времена продавались такие кальсоны со штрипками? Которые моментально растягивались во всех местах, а потом сползали внутрь штанов в самый неподходящий момент? Ну голубенькая такая байковая дрянь с серым оттенком. Так вот, к этим подштанникам придавались еще и тельнички. Такого же безнадежно больничного вида. Вот они нам и служили футболками. На каждом тельничке химическим карандашом вкривь и вкось был намалеван номер. В общем, когда мы в этом клоунском прикиде появлялись на футбольном поле, нас всегда встречали смехом и аплодисментами. А когда мы покидали его, получив свои заслуженные 9 или 11 штук, смех уже сменялся хохотом, а аплодисменты – свистом. Конечно, постоянно испытывать такие удары по самолюбию было довольно сложно. Но любовь к футболу была для нас выше какого-то там самолюбия. Хотя на отдельные игры, особенно результативные для наших соперников, некоторые из нас старались вообще не приходить. Кстати, Бетховена наша недисциплинированность тоже устраивала.

– Да, мы опять проиграли, – объяснял он своим коллегам на кафедре физического воспитания, – ну так и что вы можете до нас иметь? Мы же играли в меньшинстве! А это ж даже ребенок знает: стоит судье удалить хотя бы одного футболиста, и вся команда имеет квадратную голову. А тут четыре!

– Что, судья удалил сразу четверых наших футболистов? – с возмущением спрашивали коллеги.

– Нет, – отвечал Бетховен, – просто четыре наших футболиста – это вообще все, кто из нашей команды явился на стадион.

Конечно, игру отменили, и нам засчитали техническое поражение со счетом 3:0.

– Минуточку! – говорил самый умный на этой кафедре руководитель секции шахмат. – Я вас правильно понял, Наум Зиновьевич? То есть если бы мы явились на эту игру в полном составе, то мы бы, как всегда, сгорели этому сельхозинституту со счетом 7:0 или даже 8? А тут вообще не явились – и всего 3? Хм-м-м… Так это же меняет картину. 3:0 – это уже не разгром, это нормальный счет в игре практически равных соперников. Видно, что наша команда боролась. Слушайте, так, может, это и есть наш путь в футболе?!

Но кафедра сочла такой путь непедагогичным и обязала нас являться на все без исключения игры под угрозой неполучения зачета. Конечно же, мы подчинились…

Впрочем, была одна игра в сезоне, являться на которую нас не нужно было обязывать. Мы и так являлись на нее всем составом вместе с запасными и даже травмированными. Это была игра со сборной «водного» института. Ну, им-то мы никогда не проигрывали со счетом 10 или 11:0. Им мы проигрывали со счетом 21:0 или 23. А как могло быть иначе? Все знали, что сборная «водного» института – это не что иное, как дубль самого «Черноморца». Они потому и учились в «водном» институте, что в жизни ни на какие лекции не ходили, а играли за этот самый дубль, круглые сутки находясь на его спортивной базе и совершенствуя свое спортивное мастерство. Ну а мы-то чего, спрашивается, бежали на игру с ними? Чтобы в очередной раз нам наколотили, как говорили одесские болельщики, «полную торбу»? Это что же, у нас был такой еще не описанный в психиатрии вид спортивного мазохизма, что ли? А вы подождите с выводами! Был тут один секрет, был!

Просто главное для нас в игре с водниками наступало после финального свистка. Как только он звучал, команда моряков бежала к центру поля, чтобы поприветствовать и поблагодарить своих болельщиков. Вот тут-то мы всем составом и набрасывались на них, обнимали, поздравляли с победой и в знак вечной спортивной дружбы предлагали, как это принято в большом спорте, обменяться футболками. Ах, какие у них были футболки! Сказка! Яркие, из настоящего шелка. А как же? Их водоплавающее руководство привозило водникам спортивную форму прямо из-за границы. В таких футболках можно было пойти не только на стадион, но даже в филармонию. Так вот эту их спортивную одежду мы и предлагали обменять на наше отечественное исподнее. В первый раз, помню, они несколько растерялись, и, не зная, как поступить в такой ситуации, начали с нами обмениваться. Представляю, как им потом досталось от их спортивного начальства! Так что к следующей игре наши соперники уже подготовились. Но и мы подготовились тоже. Самые быстроногие из нас попросили Бетховена не ставить их в начале матча, а выпустить за пятьдесять минут до его окончания, чтобы сохранить силы на последний рывок. И вот, когда водники после финального свистка, уже не прощаясь с публикой, бросились бежать в свою раздевалку, мы кинулись за ними и некоторым, кому удалось-таки сохранить силы для рывка, нескольких из них все-таки догнали. Обступили, примерно в соотношении пятеро на одного, и так стали радостно обнимать, что повалили на поле и, не выпуская из дружеских объятий, опять предложили в знак нашей вечной спортивной дружбы обменяться майками, а заодно и вообще всей футбольной формой. То есть их гетрами вместо наших носков, их бутсами вместо наших сандалий, а если получится… Короче, даже трусами.

Не помню, чем это все закончилось, но хорошо запомнил, что к последней игре, ради которой я и пишу этот рассказ, нашим соперникам наконец удалось выработать стопроцентный способ борьбы с нашим вероломством. А именно: заколотив нам положенные 25 или 26 голов, они, не дожидаясь окончания матча, буквально за минуту до финального свистка вдруг все как по команде неожиданно повернулись и помчались в свою раздевалку. Конечно, мы бросились за ними. Но где там… Через мгновение

я огляделся по сторонам и увидел, что на поле, кроме меня, из игроков вообще никого нет. Ну, кроме судьи, конечно. А у меня в ногах мяч, и передо мной, метрах в пятидесяти, совершенно пустые ворота команды «водного» института. Но добежать до них я явно не успеваю! Потому что этот судья сейчас как раз свистнет. И матч будет закончен. И тогда я решился. Я сделал все, как учил тренер Бетховен. То есть закрыл глаза и ударил.

И, представьте, попал!

Ну что сказать? Прошло более полувека. Но фотографии, сделанные на этом матче, до сих пор украшают комнату футбольной славы одесской консерватории. Да, мы проиграли тогда со счетом 25:1. Но не кому-нибудь, а дублю «Черноморца»! И этот единственный гол мы забили практически с центра поля, да еще и с закрытыми глазами. В общем, тот, кто может повторить этот спортивный подвиг, пускай попробует!

А я, рассказывая внукам о своей молодости, с чистой совестью говорю им, что в те далекие годы их дедушка не только плохо играл на скрипке, но и совсем не хуже играл в футбол.

Кепка с характером

Вот так бывает в жизни: мается человек, мечется по малоухоженному пространству судьбы в поисках своей голубой мечты. А ее все нету и нету. Как сырокопченой колбасы на полках в советские времена.

А тут приезжает он как-то в город Ригу и сразу же видит: так вот она где, его мечта! То есть не колбаса, конечно, и не длинноногая латвийская блондинка, как наверняка думает мой проницательный читатель – и ошибается. Потому что голубой мечтой моей жизни в то время была никакая не латвийская блондинка, а, наоборот, финская кепка. Ее-то я и увидел в витрине первого же попавшегося мне на глаза рижского универмага.

И она была прекрасна.

Вельветовая кепка-берет с небольшим козырьком и пумпочкой на макушке была водружена на манекен. Кроме нее на манекене имелся блузон свободного покроя, выполненный из такого

же вельвета, а также клетчатый шарфик, артистически вывязанный вокруг шеи. То есть все то, что в идеале мне и требовалось. Зачем? Объясняю: человечество со временем, конечно, начинает кое-что соображать. Например, ум и талант, говорят, стали цениться сегодня дороже. Но главные, фундаментальные ценности остаются прежними. Например, куда бы вы ни пришли, встречают вас по-прежнему по одежке. А значит, человек в таком прикиде, который я описал выше, будет сразу же всеми воспринят как личность незаурядная, творческая – может быть, выдающийся художник, а может, как в случае со мной, без пяти минут всемирно известный писатель. То есть будучи одетым в такие шмотки и имея у себя под мышкой, скажем, картину собственного изготовления, вы можете спокойно прийти на какой-нибудь престижный аукцион, где ваша картина будет сразу же продана за очень большие деньги.

Ну а если у вас при таком фасонистом гарнитуре имеется рукопись собственного романа, то вы можете сразу же направляться в комитет по выдаче Нобелевских премий. Причем непосредственно в кассу. На что мы с женой, честно говоря, очень рассчитывали. Так как, подсчитав все свои возможности, пришли к неутешительному выводу, что от полного финансового краха в данный момент спасти нас может только непредвзятое, а главное – гуманное решение Нобелевского комитета. И тут уже, согласитесь, без писательской кепки мне было никак не обойтись. Конечно, ее, как и блузон, и даже шарфик, можно было давно купить в Одессе, где-нибудь на «Седьмом километре», но все это было бы подделкой. А я всегда говорил и продолжаю настаивать на том, что эксперты Шведской академии за версту отличают писателя, у которого на голове фирменная писательская кепка, от такого, у которого на голове кепка, сшитая на Малой Арнаутской. Потому что должен же быть у этих экспертов хоть какой-нибудь объективный критерий, по которому они определяют, кому в этом году выдавать Нобелевскую премию по литературе, а кому, наоборот, не выдавать. В общем, явись я в этот комитет в кепке, сшитой, скажем, на Малой Арнаутской, мой роман сразу же был бы признан бездарным и графоманским. Хотя, честно говоря, у меня и такого не было. Но нужно же было с чего-нибудь начинать. Я решил начать с кепки.

– Нет… Это не есть возможно, – замахал руками продавец рижского универмага, – кепка продается только с блузоном и шарфиком. Это ансамбль, произведение искусства, как Домский собор.

– Но у меня сейчас нет денег на весь Домский собор, я могу купить только его шпиль, то есть кепку. Вот двадцать долларов.

– Поймите, – упирался продавец, – эта кепка и блузон, и шарфик у нас имеются в единственном экземпляре. А вдруг кто-нибудь зайдет и захочет купить весь ансамбль, то есть весь Домский собор. С кепкой! Что я буду ему говорить?

В конце концов жене надоело слушать всю эту белиберду, она достала еще десять долларов, и судьба шпиля Домского собора была решена.

Я ехал в гостиницу, прижимая к груди вожделенную кепку, и душа моя ликовала. Перспектива получения Нобелевской премии становилась практически реальной. Правда, был один момент, на который мне стоило обратить более пристальное внимание: уже в момент вручения, я имею в виду пока только кепки, она неожиданно выскользнула из рук продавца, закатилась куда-то под прилавок, и мы ее довольно долго искали. Теперь-то я понимаю, что это было не случайно. Но тогда… Кто бы обратил внимание на такую мелочь?

В гостинице я торжественно уложил кепку на самый центр дивана, и мы с женой стали собираться на вечеринку, которую рижские друзья устраивали в нашу честь. Приняли душ, переоделись. Я подошел к дивану, чтобы надеть свою новую кепку, и обомлел. Кепки не было.

– Не понял, – растерялся я. – Точно помню, что положил ее на диван.

– Ой, что ты можешь помнить с твоим склерозом? Наверное, сунул куда-нибудь и забыл. Иди и ищи.

– Да нет у меня никакого склероза, – буркнул я.

– Но чудес же не бывает. В ванной смотрел?

– А зачем? Я ее туда точно не заносил. И вообще я в ванной не был.

– Да? А душ ты где принимал?

«Точно, – пронеслось у меня в голове. – Ну конечно, склероз… Но, господи, неужели он у меня уже в такой стадии, что я теперь даже принимаю душ, не снимая с головы кепку?!»

Я побежал в ванную. Нет, слава богу, ее там не было.

– Ищи, ищи, – поторапливала меня жена, – мы опаздываем.

Я опять обыскал весь номер. Даже зачем-то вышел на лестничную клетку. Я даже балкон чуть не открыл, хотя вообще-то в нашем номере балкона не было. Это еще счастье, что массивная стеклянная стена современной рижской гостиницы спасла меня от попыток сделать из нее балконную дверь и выйти на улицу непосредственно с двенадцатого этажа. Но кепки не было нигде.

– Да возьми ты, наконец, глаза в руки, – разозлилась жена, – вот она! Видишь?! В коридоре лежит, под радиатором парового отопления. Сам небось ее туда положил, и сам же найти не можешь!

И правда! Кепка лежала в самом незаметном углу нашего номера, затаившись под радиатором. Но я же ее туда точно не клал. Зачем? Я что, вообще идиот какой-то? Впрочем, вопрос этот я жене на всякий случай не задал, рискуя нарваться на утвердительный ответ.

И мы поехали в гости.

Должен сказать, что еще в 80-е годы, когда я впервые побывал в Риге, она поразила меня тем, сколько необыкновенно талантливых и при этом совершенно внутренне свободных режиссеров, композиторов и философов помещалось в этом сравнительно небольшом городе. Думаю, что еще где-нибудь в конце сороковых советская власть вполне могла бы обеспечить всем этим гениям существование на значительно более обширных просторах. Например, на Колыме. Но сегодня, когда Латвия стала свободной страной, моим друзьям бояться было совершенно нечего. Какими блестящими творческими планами делились они со мной в этот вечер, какие изумительные идеи высказывали! Казалось бы, слушай, записывай и пользуйся! Но где там! После выслушивания очередного гениального замысла мы все еще долго и с воодушевлением пили за его осуществление. А водка, чтоб вы знали, на всей территории бывшего СССР всегда была и остается главной, хотя и единственной защитницей наших интеллектуальных прав. То есть вы можете даже в самом отпетом кругу самых исписавшихся членов Союза писателей изложить сюжет стопроцентного мирового бестселлера и идти домой спать, будучи

абсолютно уверенным, что у вас его никто не украдет, потому что на следующее утро все равно никто ничего не вспомнит.

Постепенно этот прекрасный вечер подошел к концу. Мы дружной компанией высыпали в переднюю, стали прощаться с хозяевами, одеваться. Я подошел к одиноко стоящей в углу старинной вешалке, на которую, придя, повесил свою кепку, и где, это я уже точно помнил, кроме нее, вообще ничего не было. И… Ну, в общем, теперь кепки на ней не было тоже. Правда, в этот раз я уже был умнее: не стал сразу поднимать панику, а скромно подошел к хозяину и спросил:

– Простите, где у вас в квартире находится радиатор парового отопления?

– Да вон, в углу, – ответил хозяин. – А зачем вам?

– Да так, знаете ли, испытываю некий писательский интерес, – туманно объяснил я.

Ну не мог же я ему прямо сказать, что уже заметил некоторые странные черты в поведении моей новой кепки.

– А вообще-то, у нас не один радиатор имеется, – между тем продолжил хозяин, видимо, стараясь сделать мне что-нибудь приятное. – Их у нас в квартире штук четырнадцать или шестнадцать…

– Боюсь, мне придется заглянуть под каждый, – предупредил я хозяина. – Это вас не затруднит?

– Да пожалуйста, – с истинно латвийским хладнокровием и гостеприимством ответил тот.

– Заглядывайте куда хотите и сколько хотите, мы, вообще-то, поздно ложимся…

Примерно через час, излазав всю квартиру, я вернулся в гостиную и объявил хозяевам о пропаже кепки.

– Но такого не может быть, – растерялся хозяин. – Вы же видели, у нас в гостях были профессора университета, режиссеры с мировым именем, они не воруют кепок!

– Да-да, – согласился я, – конечно, профессора… режиссеры с мировым именем не воруют кепок. Хотя, должен сказать, что в нашей стране был даже один президент, который в молодости… Ну, к вашим гостям это, конечно, не относится.

– И вообще, – продолжал хозяин, – мы в этом районе Риги даже спим с незапертой дверью. И еще не было случая, чтобы сюда кто-нибудь вошел без разрешения.

– Угу, угу, – покивал я. – Скажите, а вот не было случая, чтобы отсюда, наоборот, кто-нибудь вышел без разрешения?

– Что именно вы имеете в виду? – насторожился хозяин.

– Все, – одернула меня жена, – быстро поехали домой. А то тебя здесь, по-моему, уже и так принимают за ненормального.

Мы быстренько попрощались и вышли. Конечно же, пока мы спускались по лестнице, я постоянно оглядывался по сторонам. Кепки не было. И на улице ее не было, и на троллейбусной остановке. И только в последний момент, когда мы уже садились в троллейбус, я увидал ее. Она катилась по ночной вымытой мыльной пеной рижской мостовой и уже намеревалась повернуть в темный переулок. Я схватил ее за козырек буквально в последний момент. «Ну все, – думал я, держа кепку обеими руками, пока мы добирались в гостиницу. – Больше никаких экспериментов. Теперь ты от меня никуда не денешься».

На следующий день мы улетали в Одессу. Но я начал готовиться к отлету еще с вечера. Кепку я уложил на самое дно чемодана, сверху положил свои вещи, потом вещи жены, потом придавил все это рижскими подарками, потом закрыл плотно набитый чемодан, перетянул его кожаным ремнем, а ключик положил себе под подушку. «Так будет надежнее», – думал я, засыпая под перезвон колоколов Домского собора.

Утром приехал знакомый, чтобы везти нас в аэропорт.

– Вы вещи уложили?! – с порога закричал он. – Давайте, давайте, а то мы уже опаздываем.

– Все уложили. Можем выходить. Я вот только сейчас эти вещи на минутку обратно выложу, потом опять уложу – и вперед.

– Зачем их выкладывать? – со страхом глядя на меня, спросила жена.

– Ну так, знаешь, на всякий случай… Чтобы лишний раз не волноваться, – жалко пролепетал я.

Быстренько снял с чемодана ремень, открыл замок, достал подарки, потом наши с женой вещи, потом из чемодана, по идее, должна была появиться кепка. И она, конечно же, появилась бы… Если бы она там была. Но кепки не было.

– Вот теперь действительно все, – разозлилась жена. – Хватит! Ты посмотри на себя! Покраснел весь. Видимо, давление поднялось.

Да забудь ты про эту чертову кепку! Жили же мы без нее тридцать лет, и дальше проживем.

И мы поехали в аэропорт. По дороге я ни разу не обернулся по сторонам, чтобы жена, не дай бог, не подумала, что я чего-то тут высматриваю. И только на самой последней улице, после которой начиналась дорога в аэропорт, я машинально повернул голову и взглянул на витрину универмага, где начиналась вся эта история. Так вот, кепка была на месте. На голове у того самого писательского манекена, с которого я ее, как видно, вопреки кепкиным желаниям, и снял буквально накануне.

– Мы можем остановиться, – сказала жена, – у нас остался чек, уверена, что нам ее вернут. В конце концов, мы в цивилизованном европейском государстве. Если каждый дурацкий колпак начнет устанавливать тут свои законы…

– Не нужно, – твердо ответил я, – поехали! Видеть ее больше не хочу! Ну, допустим, даже и вернут. Я привезу ее в Одессу, и ты представляешь, какая жизнь у меня начнется? Она будет исчезать каждый день, а я стану местной достопримечательностью. «А теперь посмотрите направо: это наш бывший писатель. Когда-то подавал надежды. Но последние годы известен только тем, что день и ночь ищет по всему городу какую-то кепку».

И потом, знаешь, я понял, в чем тут дело. Просто бывают вещи домашние, которые привыкают к дому, а бывают дикие, вот как эта кепка.

Для нее самое главное – свобода. И не мне, человеку, всю жизнь отстаивающему идеалы свободы, бороться с кепкиными принципами. А может, она вообще влюблена в этот писательский манекен с его тупой пластмассовой головой, у которого шансов получить Нобелевскую премию по литературе еще даже меньше, чем у меня. Но тогда тут вообще ничего не поделаешь. И, по-моему, уж ты-то, – обнимая жену, закончил я, – как никто другой должна ее понять…

Роман Бродавко

Портрет

Марина Михайловна уезжала в Германию. На ПМЖ. Веская причина была одна – здоровье мужа: на лечение его хронического заболевания здесь, в родной стране, денег не хватало.

Детей и близких родственников у них не было, а возраст уже давал о себе знать. На работу уже не устроиться, а на скромную пенсию бюджетников прожить трудно.

Вопрос о продаже квартиры был уже решен. Старенькая мебель ушла быстро. За гроши. Как ни трудно было расставаться с пианино (Марина Михайловна была учительницей музыки) – вскоре и оно обрело новых хозяев. Остались мелочи. Марине Михайловне порекомендовали даму, которая занималась скупкой таких мелочей.

В назначенный час дама пришла с двумя большими сумками. Вскоре в них были аккуратно уложены чайный и кофейный сервизы, три вазы, несколько безделушек, вышитые салфетки…

Дама достала кошелек, чтобы расплатиться, – и тут ее взгляд остановился на старой фотографии в простой деревянной рамке, которая висела на стене. На фотографии был изображен человек лет тридцати пяти с тонкими чертами лица, в пенсне.

– Продайте! – произнесла дама, указав на фотографию.

– Помилуйте! Это портрет моего деда. Он не продается. Да и зачем он вам?

– Я дам вам приличные деньги, – произнесла дама, пропустив ее слова мимо ушей. – Сколько вы хотите?

– Да ничего я не хочу! Это память, семейная реликвия…

– Каждая реликвия имеет свою цену, – возразила дама. – А у меня на такое есть покупатель.

– И что он будет делать с этой фотографией? – поинтересовалась Марина Михайловна. – Ведь он даже не знает, кто на ней изображен.

– Это неважно. Сегодня есть люди, которым нужны предки, понимаете?

– Не понимаю. Чужие предки?

– Это не имеет значения. Представьте себе двухэтажный особняк, гостиная, мебель под старину, а на стенах портреты людей из прошлого времени. Это придает вес…

– Кому?

– Хозяевам особняка. Вот, мол, какими солидными были их предки… Рамочку, конечно, поменяют. А портретик повесят на видное место.

– А если спросят, кто это? Что они скажут? – насмешливо спросила Марина Михайловна.

– Придумают что-нибудь. Теперь модно иметь предков дворян, богатых купцов или белогвардейцев… И в присутствии гостей посетовать, что, мол, раньше говорить об этом было нельзя, а теперь: вот они – благородные корни семьи… Я уже не один десяток таких портретов реализовала. Покупатели не скупятся, и я не скуплюсь. Так что говорите, сколько?..

– Нисколько. Разговор закончен.

– Ну, как знаете, – дама пожала плечами, попрощалась и ушла.

Марина Михайловна подошла к портрету, сняла со стены, прижала к груди. Дед со стороны отца умер еще до ее рождения. Она знала, что он происходил из бедной многодетной семьи. Был на редкость способным мальчиком. С помощью родственников, оплативших его обучение, сумел окончить реальное училище. О получении высшего образования в России мечтать не приходилось. Ему было не преодолеть трехпроцентную норму, установленную для евреев при поступлении в университет. И, кроме того, где было взять средства, если отец к тому времени уже был инвалидом?

Год он работал, как каторжник, в какой-то посреднической конторе. А потом, скопив деньги, купил заграничный паспорт и отправился в Бельгию. Поступил в институт, который готовил инженеров. По-французски сначала изъяснялся плохо, но через

год «взял язык» и говорил почти без акцента. Учился на совесть, а после занятий разгружал вагоны на железнодорожной станции и подрабатывал истопником в госпитале.

Институт окончил с отличием. Предлагали остаться в Бельгии. Но он вернулся в Одессу. Его отца уже не было в живых. Младшие братья выросли. Один стал официантом, другой, как отец, – сапожником, третий работал слесарем на заводе. Обе сестрички мечтали стать модистками… Мама, как всегда хлопотала по дому. Никто никогда не слышал от нее жалоб, хотя самая тяжелая ноша выпала ей…

Он устроился на механический завод. Стал прилично зарабатывать. Все деньги приносил в семью. С его возвращением жить стало немного легче.

А тут первая мировая… Хотели мобилизовать, но хозяину завода, который выполнял оборонные заказы, удалось его отстоять.

В 1917-м дед женился на девушке по имени Клара. Потом родился сын, который стал отцом Марины Михайловны.

После гражданской войны деда назначили главным инженером национализированного завода – такие дипломированные специалисты, как он, в то время были редкостью. Дед пропадал там с утра до вечера. Жили по-прежнему бедно, но никогда не жаловались.

В 20-е в семье было немало горя. Убили брата, который работал официантом. Как это произошло, никто так и не узнал. Просто нашли его с разбитой головой на куче строительного мусора недалеко от их дома.

Вскоре после этого умерла мама. Сестрички стали взрослыми, вышли замуж, уехали из Одессы. Одна оказалась в Николаеве, а другая – в Херсоне. Во время войны обе они погибли в гетто…

Брата, который стал сапожником, как кустаря-одиночку обложили таким налогом, что он бросил ремесло и устроился грузчиком на джутовую фабрику, где уже давно работал младший брат. Младший был членом партии, активничал на собраниях и митингах. Но это продолжалось недолго: в конце двадцатых его объявили троцкистом и выслали куда-то на Север.

А в 37-м взяли деда… Когда Марина Михайловна была маленькой, ей говорили, что дед погиб на фронте. О том, что он был

репрессирован и расстрелян по приговору «тройки», Марина узнала, будучи старшеклассницей…

В 1956-м деда реабилитировали. Отец принес справку, сел за стол и заплакал. Таким Марина видела его впервые. Папа прошел всю войну, дважды был ранен, контужен. Он был сильным, мужественным человеком, но контузия сказалась на нем: он постоянно был «на нервах».

Годами отец носил в сердце боль и обиду за деда, который был для него идеалом. Как сыну «врага народа» ему не давали роста в научно-исследовательском институте, где он руководил отделом. В конце сороковых, в период борьбы с безродным космополитизмом, отцу сорвали защиту кандидатской диссертации, хотя все отзывались о ней очень высоко. Это было для него тяжелым ударом…

Через год после реабилитации деда отец скоропостижно скончался: немало людей, переживших войну и послевоенное лихолетье, уходили из жизни молодыми. Отцу тогда было всего тридцать восемь. А вскоре написанную им диссертацию благополучно «защитил» товарищ по работе. Сейчас он уже академик…

Больших фотографий отца в доме не было. Только маленькие, нечеткие. Они хранились в старом портфеле вместе с документами и редко извлекались на свет. А портрет деда был олицетворением их семьи, их рода. Он был сделан в 1916 году в ателье Бернарди на Дерибасовской. Сделан на совесть – не выцвел, не потрескался. Он висел в их доме до войны, был увезен в эвакуацию в Караганду, а потом возвратился на свое место.

Когда Марина училась в музучилище, в какой-то книжке увидела фото Имре Кальмана и обратила внимание на удивительное сходство импозантного композитора с ее дедом. Бывает же такое!..

После смерти отца мама ежедневно вытирала мягкой тряпочкой портрет деда и что-то шептала. По-видимому, это фото напоминало ей горячо любимого мужа, который был похож на деда, как две капли воды.

Да и сама Марина Михайловна не раз мысленно обращалась к деду. Просила совета. Иногда ей казалось, что лучшие решения и поступки были подсказаны им.

Судьба не баловала Марину. После окончания училища с большим трудом устроилась на работу. Личная жизнь долго не складывалась. Вышла замуж почти в сорок. Муж был старше на двенадцать лет. Она решила во что бы то ни стало родить ребенка. Роды были тяжелыми. Девочка прожила всего несколько дней…

…После ухода дамы Марина долго всматривалась в дорогое лицо, потом отнесла портрет в спальню, где уже стояли наполовину уложенные чемоданы, и положила на дно одного из них.

Что происходит со старыми фотографиями, когда уходят из жизни их последние владельцы? Конечно, если на фото изображены известные люди, их можно предложить какому-нибудь музею, пусть даже общественному. Там их, возможно, сохранят. А что для истории обыкновенный человек, один из сотен тысяч? Песчинка…

Однажды – это было года два назад – Марина Михайловна увидела брошенный у контейнерной урны старый фотоальбом. Его страницы были разорваны, и осенний ветер, как опавшие листья, равнодушно разносил по улице незнакомые лица.

С ее дедом этого не произойдет…

Он будет с ней…

Пока жива…

Евгений Голубенко

Живое письмо

Бухгалтерия. Две женщины и их начальник. Он в черных нарукавниках и дымит папиросой, постоянно. Маленький мальчик пристает к матери с вопросами, мешает считать на арифмометре, сбивает со счета. Она сует ему пачку испорченных бланков. Обратная сторона желтоватой тонкой бумаги чистая – на ней можно рисовать. Всем детям трудно соразмерить силу нажима на карандаш с плотностью бумаги. Чаще всего первые опыты приводят к порче бумаги, к рваным отверстиям в ней. Почему снова и снова ребенок одной линией, не отрывая руки, рисует звезду? Радуется, что освоил этот навык, и хочет его запомнить-закрепить? А потом приходит черед свастики, и он, как заводной, выводит одну за другой, пока его не припугнули милиционером. Семен Маркович, главный бухгалтер Горводоканала, подарил мне крохотный, размером с мизинец, перочинный ножик. Много лет я хранил его как дорогое сокровище. А утратил уже подростком: не устоял перед уговорами старшего брата сменять ножик на кусок толстой алюминиевой трубки. Из нее мы вытачивали напильниками замысловатые перстни.

Если человек не инвалид, а среднеарифметическое здоровое существо, то в начале жизни он имеет множество возможностей для замечательных развлечений. Он любит рисовать, играть в карты со сверстниками на лужайке у реки, периодически прыгая в теплую грязную воду. В блаженстве лежать на солнце после купания. По многу часов гонять мяч на школьной баскетбольной площадке. И неважно, что площадка неровная с уклоном градусов двадцать и посыпана мелким гравием. Иногда выезжать за город

в лес собирать грибы. Повзрослев, начинаются поездки. Радость путешествий в новые, незнакомые места. Я пишу о таких банальностях потому, что наступает время, когда обнаруживаешь, что большинство этих радостей покинули тебя безвозвратно. Вдруг вспоминаешь, что двадцать лет не становился на лыжи и уже тридцать не надевал коньки. Когда последний раз ходил за грибами? И играть в футбол вряд ли уже придется. Даже путешествия надоели. А что же осталось? Осталась живопись. Из всего этого дежурного набора простых человеческих радостей до сих пор доставляет удовольствие рисование и побочные с ним занятия. Не надоедают.

С младенчества человека окружает множество изображений: фотографий, книжных иллюстраций, картинок, вырванных из журналов и приколотых на стенку, любительской живописи (дядя приятеля скопировал маслом «Трех богатырей» и «Итальянский полдень»), добра этого много вокруг, и его наличие кажется само собой разумеющимся.

Детский сад. Воспитатель раздает маленьким мальчикам и девочкам темно-серый картон и гуашь. Показывает, как элементарно изобразить зиму белой краской. Дети послушно повторяют ее действия: три кружочка один над другим, мал мала меньше – снеговик. Мелкие точки по всему полю – снегопад. Они и друг у друга «слизывают». Деревья рисуют одинаково коническими и всегда коричневой краской.

В детском саду на обед часто давали красный борщ. Это на первое. На второе запомнилась колбаса с гарниром. Вареная колбаса, еще раз сваренная для безопасности детей. Сало легко удалялось кончиком вилки. А селедку повариха тетя Люба мелко крошила и смешивала с картофельным пюре, чтобы легче было эту полезную смесь протолкнуть мне в желудок. Ей это ни разу так и не удалось. А мой впоследствии одноклассник Толик ненавидел гречку и говорил о себе в третьем лице: «Толюсю нэ любыть чорнои каши». Это была эпоха повального увлечения рыбьим жиром.

Мальчик лет восьми кладет альбом для рисования на табуретку. Сам мостится на маленьком стульчике. Брат шести лет пристраивается рядом, стоя на коленях. Непонятно, кто больше волнуется: автор в предвкушении творческого процесса или зритель, получивший право наблюдать за обещание не лезть с вопросами и советами. Рисунок получился типично детский: городской пейзаж с разноцветными домиками, но потом, как будто кто на ухо нашептал, мальчикам захотелось взрывов, дыма и самолетов с танками. Мирная картинка была уничтожена динамикой военной экспрессии.

Помню гипсовую вазу – пособие по рисованию в средней школе. Помню задание нарисовать тарелку с орнаментом и слова «декоративный фриз». Помню дорогие наборы цветных карандашей и помню недорогие – попроще. Помню, что трение сухого карандаша о бумагу мне неприятно. И помню свое разочарование тем, что окрас самого стержня, тела карандаша, всегда ярче, чем его след на белой бумаге. Деревянная оболочка, выкрашенная масляной краской, всего привлекательнее. Некоторые дети проблему яркости решали при помощи слюны – лизали карандаш языком. Всем знаком звук рассыпавшихся по полу карандашей. И как следствие – расколотый на мелкие кусочки твердый стержень пигмента внутри древесины. Нет ничего отвратительнее, чем крошащийся при заточке карандаш. У отечественных, к тому же, деревянная оболочка встречалась с сучками и из твердых пород. Если затачивать карандаш кухонным ножом и не вытирать его тряпкой, следы графита переходят на сливочное масло.

В школе каждый месяц со всех учащихся собирали по рублю на кипяченое молоко. Оно стояло в столовой на подносе (для каждого класса отдельно), и хочешь – пей, хочешь – вылей, никто не проверял. Я пенку молочную употреблял, а вот некоторые ее ненавидели. На булочку к стакану молока дома выделяли десять копеек ежедневно. Я принадлежу к поколению, не знавшему голода и войны. Засохшей булочкой или коркой хлеба мои сверстники иногда играли в футбол, повергая в священный ужас своих роди-

телей и учителей. За девять лет учебы я ни разу не попробовал обед в школьной столовке.

Я хотел заниматься археологией. Каменец-Подольский такой город, в котором всегда копали. Каждое лето приезжали экспедиции. И у меня как у аборигена были свои угодья по добыче артефактов. На отмелях реки, на каменистых перекатах, когда уровень воды слегка опускался, за час-другой, вооружившись ковырялкой, можно было насобирать пару нательных медальонов и десяток монет. Австро-венгерских, польских, турецких и русских. Обычно мелкого достоинства, медных, но и серебро попадалось время от времени. Такая ерунда как пуговицы, старые пломбы, пряжки и полуистлевшие кованые гвозди не ценились совсем.

Потом в моду вошла геология. Социалистический романтизм. Таежные тропы. Рюкзак за спиной, медведи и ни души на тысячи километров вокруг. Тогда я думал, что геологи заняты поисками золота и драгоценных камней. Лет через десять я случайно познакомился с геологами. Они приехали на «материк» с «поля». В Якутии (ударение на последнем слоге) геологи искали банальные стройматериалы: песок, щебень, мергель для производства цемента. Долгой сибирской зимой геологи месяцами сидят в помещении, изучают собранное летом и литрами глушат водку, чтобы не сойти с ума от тоски.

В моей средней школе № 13 рисование преподавали учителя физкультуры. Мужчина и женщина по очереди. Он знал, что акварель любит много воды, а ей угодить было проще простого – достаточно было не забыть дома альбом с карандашами.

Летом, на каникулах, нас с братом кто-то надоумил пойти в изостудию Дворца пионеров. В большой комнате на большущих листах бумаги матерые студийцы писали акварелью натюрморт: подсолнух, разрезанную тыкву и не помню, что еще. Может, яблоки и груши. По сравнению с привычным детским сюсюканьем в маленьком школьном альбоме маленькими же беличьими кистями за тридцать копеек – у студийцев широкое смелое письмо. Нам с братом отдельно, в уголке, поставили на столик глиняный горшок и кружку. И мы карандашами принялись за дело. Через минут

десять наблюдения за нашей возней молодой человек, помощник пожилого педагога, сел сначала ко мне и энергичными жирными штрихами нарисовал натюрморт от начала и до конца, а потом проделал ту же процедуру в альбоме брата. Брат спросил, что нам делать дальше, и узнал, что на завтра намечен групповой выход на этюды. Мы опоздали из-за транспорта минут на пятнадцать, дверь была заперта, и вокруг ни души. На двери студии не было и намека на расписание работы. Больше мы туда не совались.

В художественную школу я идти не хотел. Когда появились слухи о ее открытии, я сначала обрадовался, подумал, что это избавит от занятий в общеобразовательной. Перепутал с училищем. Потом прояснилось, что ходить туда нужно после уроков, как ходят в музыкальную, – это разочаровало. Учащиеся музыкальной школы вызывали жалость – они ее ненавидели. Большинство пали жертвами тщеславия своих родителей. Не знаю про знаменитого нынче земляка-ровесника Мишу Альперина, может, ему и нравилось заниматься. Перед Новым годом мой одноклассник показал свою работу, сделанную в художке, (я даже не знал, что он посещает), и акварель мне очень понравилась. Задела за живое. Я понял, что мне так не нарисовать. В нашем классе художником считали меня, а тихоня Саша никогда не «светился». Дома что-то рисовал, но никому не показывал. Он легко уговорил пойти с ним на занятия в художественную, и там без всяких церемоний меня приняли в средине учебного года. Учитель полистал мой альбом для рисования и спросил, смогут ли родители заплатить десять рублей за полугодие. По странной случайности именно эти несколько рисунков сохранились до сих пор.

В семидесятые годы среди интеллигенции появился культ детского рисунка. Мода на детское непосредственное восприятие жизни. Отдельно от научного отношения к детскому творчеству и без понимания, что дети, как и взрослые, бывают бесталанными. Но это увлечение избавило многих малолеток от приставаний, которые преследовали десятилетием раньше меня и моих сверстников: слабо ли зрысувать с картинки лицо Ленина? Именно это зрысувать запомнилось, а не змалюваты. В народе было поверье, слух, что портретировать вождя позволяют только из-

бранным, только самым-самым. Профиль Ленина мой старший брат копировал одной левой.

Школьники рисуют стенгазету. Большого формата. Такой лист бумаги не так-то просто раздобыть. Проще всего купить какой-нибудь дешевый плакат по технике безопасности и использовать обратную, чистую сторону. Стилистика исполнения сегодня называлась бы гламурной. С новогодней открытки копировали удалую тройку лошадей. Грифель цветного карандаша мелко, в пудру, крошили по фону и растирали ватой – получалась мягкая растяжка. Потом в нужных местах мазали клеем и посыпали толченым стеклом битых елочных игрушек.

Геологический термин «тектонический разлом» очень точно подходит для описания быта в глубокой провинции и столицах. Когда я смотрю документальное кино о жизни в столицах в пятидесятые, послевоенные годы, поражаюсь тому, что все до мелочей мне знакомо, хотя я родился на десять лет позже. Сдвиг, смещение на целое десятилетие проявилось в том, что мои шестидесятые ничем не отличались от столичных пятидесятых, а так называемая оттепель шестидесятых знакома мне только по художественной литературе. Когда в 71 году я приехал в Одессу, это был не переезд в другой, новый для меня большой город, а прыжок в другую эпоху, скачок во времени, который впоследствии я испытал, попав в 90 году в Западный Берлин. Там я почувствовал себя эскимосом, нечаянно оказавшимся среди совершенно другой, незнакомой и высокоразвитой цивилизации.

Сколько людей имеют способности к рисованию? В школьном классе я ощущал себя единственным умельцем и думал, что дар к рисованию большая редкость. Но в каждом классе есть один-два таких способных, и если не лениться и подсчитать, то получается, самое малое – пару человек на сотню. А это, в свою очередь, два десятка на тысячу и, соответственно, несколько сотен на небольшой городок – целая армия. Когда первый раз приходишь в художественную школу, ты, единственный в своем роде у себя на хуторе, и видишь эту толпу единственных и неповторимых, – это коробит.

Есть и объективное ощущение чужого превосходства. Я увидел много людей, более меня продвинутых в своем умении, и внутри что-то щелкнуло, захотелось как минимум догнать, научиться рисовать не хуже их. Через несколько занятий я присмотрелся к публике и увидел явных, беспрекословных лидеров. У них за плечами была изостудия при Дворце пионеров, уверенность в себе и высокомерное отношение к остальным. Потом я заметил, что у наших педагогов была какая-то своя, отличная он нашей, детской, табель о рангах, и долго не мог уловить, в чем причина. У нас, учащихся, главным критерием одаренности было умение достигать почти фотографической иллюзорности, а учителя не придавали этому большого значения.

Над кроватью родителей много лет, пока совсем не истрепался, висел коврик, писанный по клеенке. Девушка с русой косой в окружении цветов. Подарок безымянного заключенного советских лагерей. Память об отцовской армейской службе. Отец охранял лагерь в Башкирии. По руке девушки ползла грязно-коричневая гусеница размером от ее локтя до запястья. Это насекомое, вернее, его размер и цвет, казалось ошибкой автора или чужим неумелым вторжением в готовое изделие. Сейчас я думаю, что эта гусеница символизировала подневольный статус автора.

В школьном коридоре в дешевых рамках дешевые репродукции хитов русской живописи. От передвижников до Дейнеки. «Утро стрелецкой казни», «Московский дворик», «Грачи прилетели», что-нибудь Венецианова. Преимущество примитивистского надкроватного коврика было в том, что на нем были отлично видны следы кисти. И даже легкий запах масляных красок не выветривался годами. Родители моего сверстника-соседа выписывали журнал «Огонек», и он собрал отличную коллекцию репродукций – вырывал из журнала сокровища Эрмитажа. Двойной разворот в каждом номере. В местном универмаге продавали «Купание красного коня». Непонятно для кого. Этот шедевр Петрова-Водкина был объектом множества насмешек. О впечатлении, которое производит живопись в музее, первый раз я услышал от шофера Горводоканала, сотрудника моей матери. Вася побывал в Ленинграде и был поражен тем, что когда подойдешь к картине близко –

мазня мазней, а издали «как живое». А однажды в город привезли выставку из столичных запасников. Настоящих голландцев. И вот тут я получил серьезное «ранение в голову». Впервые проняло.

В городском парке был штатный художник-оформитель. Он рисовал стенды с карикатурами (увеличивал то, что ему приглянулось в журнале «Крокодил») и раз в год обновлял-освежал карту СССР – она стояла на открытом воздухе посреди аллеи. Для каждой республики мастер подбирал свой особенный цвет, а если оттенков ему не хватало, то одинаковые колера старался хотя бы не рисовать близко друг к другу. Запах масляной краски проник в мой мозг и превратился в механизм условного рефлекса, в запах-обещание удовольствия.

Недавно я увидел африканские рукописные киноафиши. Трансформеры, киборги и спайдермены – смешно нарисованные с фотографий примитивы, и вспомнил, что в моем детстве возле кинотеатра тоже висели самодельные картины-афиши. Художник-любитель не всегда справлялся с анатомией персонажей, и мушкетеры, Фантомас, американские индейцы гэдээровского разлива часто выглядели инвалидами. Африканский примитив с американским привкусом резко вошел в моду, и сейчас его скупают ловкие дельцы. К сожалению, отечественные образцы этого жанра не сохранились. Даже и завалялись если в каком-нибудь чулане – давно разрушились от воздействия сырости. Афиши не грунтовали как следует, и один сюжет рисовали поверх другого, когда в прокат выходила новая картина.

Весной и летом художники наезжали к нам в город писать этюды. В старый город и возле крепости. На палитру они выдавливали много краски, а после работы грязные остатки шпателем снимали на газету. Дети подбирали эти слипшиеся комки бумаги и пальцем рисовали на штукатурке забора серо-буро-малиновой смесью. Один такой «пейзаж» продержался лет десять, от лета к лету становясь все менее разборчивым. Когда я, став взрослым художником, выдавливал слишком много краски, мой друг физик удивлялся такой расточительности и спрашивал, нельзя ли как-нибудь рационализировать этот процесс. Художники воскресного дня, примитивисты, в большинстве обходятся без палитры. Они

выдавливают по чуть-чуть краски прямо на кончик кисти, очень экономно ее расходуя. Что удивляло в работах заезжих мастеров – малое сходство с натурой. Я и сейчас не понимаю, зачем писать на натуре свои фантазии, ведь с большим комфортом это можно делать в студии.

Запомнился случай творческой неудачи. После двух часов мучений над пейзажем автор безжалостно соскоблил на газету всю краску.

В живописи маслом тема вытирания кистей отдельная и важная, как тема изобретения подтирки у Франсуа Рабле. Обычно кисточки вытирали газетой. И не только кисточки, но и нежные места своего тела, по причине отсутствия в стране салфеток и туалетной бумаги. Ничего более противного, чем ощущение пальцами щетины сквозь газетную бумагу, я не припоминаю. Это было единственно неприятным в письме масляными красками. Лучше всего мыть кисти скипидаром и вытирать тряпками из советского трикотажного дамского белья, над которым так зло посмеялся Ив Монтан. И мы, дети, тоже смеялись над товарищем, который принес из дому прохудившиеся старые трусы матери, чтобы вытирать ими кисти. Начинающие «писатели» маслом сначала пачкаются в краске по локоть. Потом по запястья. По мере взросления и обучения можно дойти до живописи в смокинге и белых перчатках.

Другая картинка. Берег реки Смотрич. Осока, утки плавают, гуси. Вода илистая, мутная, цвета кофе с молоком. Двое солдат пишут этюды. Один маслом – другой акварелью. Маслом пишет сержант на негрунтованном куске гофрированного внутри упаковочного картона. Мимика утрированная, движения комичные: наклоны головы, взгляд с прищуром. Мазнет разок-другой – отбежит, посмотрит. Между ними бутылка вина. Отхлебывают из горлышка по очереди. Сержант допил остаток, размял затекшую спину:

– Нет, не идет сегодня, настроение не могу схватить. Давай поменяемся, что-то мне акварелью пописать захотелось.

Поменялись. Товарищ принялся за масло, а сержант мусолит акварель сослуживца. Ничего не разобрать. Какие-то бурые потеки. Бумага совсем размокла, и краска стекает, не задерживаясь на ней.

Сержант:

– Все, надо завязывать, не получается сегодня, бросай это грязное дело, хочу до ужина в часть успеть, скоро стемнеет, и в магазин еще забежать – ребятам бухло взять.

Солдат снял этюд с треноги и бросил его в речку, сержант последовал его примеру. Неудачные изделия медленно поплыли вниз по течению. Вдогонку полетела пустая бутылка из-под вина.

Почему в голове поселились эти парни? С одним из них я год спустя встретился в коридоре одесского художественного училища. Он, как и я, приехал поступать. В штатском, с подросшими волосами, демобилизованный Валентин стал совсем другим существом. Меня он узнал с трудом, хотя свои рисовальные принадлежности, чтобы не таскать в часть после похода на этюды, он с товарищем периодически оставлял в моем сарае. Военная форма и живопись дико сочеталась в моем детском романтическом представлении о занятии искусством. Вместо берета и блузы художника – армейское выцветшее ХБ и запах начищенной кирзы.

Очень долго я не мог привыкнуть к выражению «писать» применительно к работе красками. Много лет я отвыкал от школьной привычки письмо связывать только с написанием букв авторучкой на бумаге.

После уроков я забегал домой пообедать и переодеться. Был такой старинный предрассудок, что обязательно хотя бы раз в день надо поесть жидкого и горячего. Но именно в это время дня я меньше всего хотел есть суп. Насиловал себя, страдал над тарелкой, меряя глубину жидкости ложкой, опущенной в юшку вертикально. Иногда, если торопился, половину «первого» выливал в миску кошки возле сарая. Доедала не кошка, а залетные собаки.

Художественная школа. Гипсовая голова Давида работы Микеланджело, Зевс, Аполлон, кондотьер Гетамелатта. Слепки недавно прислали из Ленинграда. Они белоснежные, новые.

Шуршат карандаши (профессионал с закрытыми глазами может отличить по звуку, мягким или твердым карандашом выполняется рисунок). Задание – анатомическая фигура работы Гудона. Боковой, очень рельефный свет. Для учебного рисунка важно

присутствие всех градаций: свет, полутень, тень, обязательный рефлекс, блик. За спинами учеников прохаживается преподаватель Владимир Сергеевич:

– Я останний раз пытаю, хто розмалював Антыною губы?

Тишина, шуршание еще более интенсивное. Пострадавший бюст с кокетливо алыми губами не выдает шутника.

– Якщо вы мэни нэ прызнаетэсь, хто цэ зробыв, я змушеный буду покараты усих. Нихто нэ выйдэ на пэрэрву протягом мисяця. Нэвжэ вы, йолопы, нэ розумиетэ, що фарба всмоктуеться в гипс, и я тэпэр вважаю Антыноя нэвыправно зипсованым, варвары. Наша прыбыральныця захворила и з сьогоднишнього дня мыты пидлогу будэтэ по чэрзи.

Меня всю жизнь тянуло к людям, более одаренным, чем я. Хотелось научиться новому. Я заметил, что хорошо сделанная работа – это работа, которая вызывает зависть. Я не принимаю формулировок «белая» или «черная». Если чье-то изделие нравится всем, а у меня не вызывает зависти, – значит, она плохая, для меня по крайней мере.

Мои друзья Сережа и Саша – ярко выраженные лидеры. Они чувствуют себя опытными мастерами. Пишут маслом, у них есть фабричной работы этюдники. В воскресенье собрались на натуру и пригласили меня. Обещались показать, как обращаться с масляными красками. Поздняя осень. Заморозки. Забрались в овраг лесопарка. Друзья наделили меня всем понемногу: дали картон, пару кисточек, а вместо палитры краску я смешивал на булыжнике. Разожгли костер – чтобы не околеть. Я пытался написать панораму старого города, а Сергей с Сашей по странной прихоти уселись напротив сухого пня и увлеклись его замысловатой корневой системой. Пень был действительно очень красивый, но почти не отличался от пня, который валялся в Сережином дворе возле сарая, и это обстоятельство как-то беспокоило меня: «Зачем эта дурацкая вылазка на «пленэр»?».

Я так и не полюбил работу на натуре. Раздражает быстро меняющееся состояние природы и человек за моей спиной, зритель, который сопит и ждет случая рассказать свою историю о том, почему он бросил рисовать. Я знаю наизусть все дежурные от

кровения о тяжелом детстве несостоявшихся художников, о родительском запрете на получение легкомысленной профессии. Но из похода на этюды некоторые товарищи извлекали очень конкретную пользу. Когда на первом курсе училища ссылка в село на сельхозработы совпала с хоккейными баталиями между СССР и Канадой, некоторые друзья догадались писать этюды с домов, украшенных телеантеннами, и хозяева телевизоров в обмен на «портрет» своего жилья пускали к себе посмотреть волнующие поединки. Тут же уместно сказать, что рисовать такие «украшения» было не очень в моде. Коммуникации в виде антенн, путаницы проводов, канализационных люков и крепежной электроарматуры на фасадах старых зданий обычно опускались как ненужные подробности. И с годами глаз художника настолько привыкает не замечать такие детали, что если ему вздумалось заняться фотографией – неизбежно возникают проблемы. Он с удивлением рассматривает на своих снимках неожиданно вылезшие сюрпризы, проигнорированные его тренированным субъективным зрением.

Все деньги, что мне выделялись родителями на школьный «перекус» (я не чувствовал в нем особой нужды), теперь уходили на масляные краски. Большинство красителей стоили совсем недорого. Тюбик белил был чуть дороже пачки мороженого.

Урок рисунка в художественной школе. Владимир Сергеевич говорил с двуязычными школьниками на языке каждого, а истории рассказывал только на украинском:

– Я, колы складав испыты до училыща, вважав себе дуже розумным. За дви годыны намалював экзамэнацийнэ завдання. А потим, щоб нэ нудьгувати, переписав наново, як импрэссионисты, крапочками. Хотив показати, який я майстэрный. На мое щастя, выкладачу я сподобався, и вин мэни тыхэнько, бо пидказувати нэ мае права кажэ:

– Хлопче, ты мыслыш, алэ нэ в той бик.

И я швыдэнько знову пэрэписав по-учнивськи, як спочатку було.

Преподаватель остановился возле меня. Внимательно рассматривает рисунок:

– Тоби скилькы рокив зараз, ты, мабуть, восьмый клас закинчуеш?

– Да, уже немного осталось.

– И шо ты соби думаеш про будущее свое, какое имеешь представление?

– В индустриальный собираюсь техникум.

– Мне кажется, ты парень серьезный, знаешь, чего хочешь, может, тебе попробовать продолжить обучение в художественном училище?

К вечеру, после занятий в художественной школе, просыпался аппетит. И не в последнюю очередь от активной беготни на перерывах.

Дети обычно рисуют на столе, и рисунок находится в перпендикулярной плоскости к их глазам. Работа, стоящая на мольберте, расположена параллельно – все части рисунка равноудалены от глаз. Когда в художественной школе еще не было мольбертов, использовали стулья – на одном сидели, на другой ставили рисунок вертикально, опирая на спинку. Удобство сомнительное, потому что сидели на той же высоте, скрючившись. Маленькую работу можно и на коленях делать, роли не играет. Годы спустя я видел снимки выдающихся графиков за работой. В совершенно неудобных теоретически условиях. И на полу, на четвереньках в том числе.

Один настоящий художник, по внешним повадкам, у нас в школе был. Леня Жарун. Он рвал свои работы. Швырял кисточки. Бился в истерике, если ничего не получалось. Подолгу не являлся на занятия, когда хандрил. Не терпел насмешек. Замыслы его были грандиозные. Через пару лет в художественном училище я встретил уже немало людей этого психотипа. Мой приятель набрасывался с кулаками на позирующего, если тот не мог усидеть неподвижно. Но в нашей школе Леня был самородок. Учебу он так и не закончил.

Фамилии учеников я помню почти все: братья Шрееры, братья Дзензеля, Дима Мельник, Любимский, Крывый, Ткачук, Игна-

тьев, Карвацкий, Зарицкий, Миронюк, Малецкая, Лалак, Тымчук, Огольцов, Огрузинский, Чорпита, полукитаец Лю Гун Шун, Шабунина, Моторный, Иванов, Костовский, Поджинский, Мацюра.

Дима Мельник, парень из пригородного района Подзамче, принес композицию на тему «Спорт». И все над ним смеялись, тыкали пальцами и подтрунивали. Работа Димы, застыло-кукольные спортсмены в полосатых костюмчиках, очень смахивала на известную работу Анри Руссо, французского примитивиста. И Дима страдал от издевательств, а Владимир Сергеевич утешал, втолковывал расстроенному парню, что нельзя стесняться собственного естества, нельзя ему противиться. Никуда не денешься от своей крестьянской широкой кости и круглой головы с оттопыренными ушами. Усилия учителя были напрасны – если ребенок пришел учиться рисовать, ему не может в принципе нравиться «детскость» примитивистов. Он хочет избавиться от собственной «детскости», хочет походить на великих академиков. Если худо-бедно человек научился правильно анатомически рисовать, он уже никогда не сможет вернуться к себе неученому, простодушно наивному. Такие попытки у хорошо обученных коллег я наблюдал неоднократно, и могу всегда отличить наивного художника от его имитации с первого взгляда. Такое изображение называется стилизацией. И разница между великолепной работой в примитивистском стиле и собственно примитивом – небо и земля. Чтобы сохранить в Диме Мельнике талант наивного художника, нужно было бы прекратить его обучение по стандартной схеме-программе. Но для этого необходимо как минимум, чтобы он сам этого захотел. Встречается еще одно занятное явление, похожее на наивное искусство, у хорошо обученных рисовать художников. Мастер запросто пишет портрет с натуры в гиперреалистической манере, а по памяти, без ошибок, человека нарисовать не способен, абсолютная беспомощность в работе по представлению. Зрительная память равна нулю.

Пока человек еще не голодал, ему наскучивает еда, приготовленная дома. Как бы хорошо не готовила мать, как бы она не изощрялась в кулинарном разнообразии, пища, случайно съеденная в гостях, кажется вкуснее своей домашней.

По городу едет подъемный кран. Снаружи проволокой к нему прикручен большой холст. За рулем художник Слава Донец. Раньше он преподавал живопись в художественной школе, а потом уволился – не поладил с директором. Слава работает на стройке и в нерабочее время ездит на этюды. Это уже и не этюд никакой. Готовая картина. Грабовый лес, очень точно схваченное состояние сумрака, змеи серых гладких стволов, подстилка опавших листьев. Живопись его скромная и искренняя. Не расцвеченная понарошку.

Слава Донец был фанатом Каменца-Подольского – знал в старой исторической части города не только сохранившиеся дома, но и расположение всех разрушенных. Мечтал сделать подробный макет-реконструкцию старого города. Бывшим ученикам запрещал обращаться к себе на «вы». Так я и «тыкал» ему всю жизнь, стесняясь этой привилегии.

– Володя меня не уважает, может быть, любит, – говорил Слава про Владимира Сергеевича, – но не уважает совсем. Он уважает нашего общего товарища, который живет и преподает в Вижнице, прямо в рот ему смотрит и ловит каждое слово. Толя авторитет непререкаемый для него. Но, что смешно, для Толи авторитетом являюсь я, и все мною сказанное он принимает всерьез, без иронии и насмешек. Налей мне еще чуть-чуть. Нет, нет, только не в маленькую тару. Налей немного совсем, но стакан нужен большой. Я из маленькой посуды пить не могу… Когда работал в школе, учил вас живописи – думал, что ты дальтоник. Странные голубые оттенки в твоих акварелях преобладали.

Аудитория художественной школы. Накануне какой-то годовщины дирекция обязала преподавателя изготовить наглядную агитацию. Владимир Сергеевич с картинки по клеточкам переносит на холст стилизованный профиль Ленина. Учащиеся из-за спины наблюдают с интересом. Учитель черной краской обводит контур, публика его раздражает:

– Хлопци, чого вы тут не бачилы, йдить займиться своимы справамы, нэ трэба тут стовбычыты.

Сережа:

– Нам интересно, мы учимся.

Преподаватель:

– Цього навчатыся нэ трэба. Колы припэчэ – жизнь научит.

На перерыв юные художники бегут в сквер через дорогу. В сквере остатки сталинской парковой красоты. Почти пустое цементное ложе водоема и беседка с аистом на крыше. Аист когда-то подсвечивался неоном, но сейчас парк в полном запустении. В небольшой луже квакают лягушки. Инстинкт охотников побуждает обучающихся прекрасному браться за камни и швырять в беззащитных земноводных. Воды так мало, что спрятаться лягушкам практически некуда. Может быть, в наказание за детскую бесчувственность один камень попадает в затылок впереди стоящего стрелка. Аптека рядом, выстригают раненому тонзуру, и фонтанчик крови профессионально закрывают ватой.

Во дворе Сергея друзья пишут этюды. Частный дом, собака на цепи охраняет уборную-скворешник, куры бродят, клюют падалицу. Отец Сергея слегка навеселе, пристает к нам с Сашей:

– Ну шо, хлопци, вжэ решили, куда будете поступать?

Саша:

– Мабуть в учылыще спробувать нада. Так мэни здаеться. Для початку.

Я:

– Наверное, Саша прав, я еще не решил.

Отец:

– А Сэргий у нас в академию будет поступать, да, Серьожа, он правда не очень старается. Не очень к отцу прислушивается. К сожалению. Отец для него не авторитет.

Сергей:

– Видчэпысь, нэ заважай нам, иды соби куды йшов.

Отец:

– Ты, Сашко, своему отцу тоже так грубишь? И кто його так воспитывал, нэ знаю, не знаю, что з тебя вырастет, Сэргий. Я, хлопци, в академию художеств поступил сразу после войны. Год проучился, промучился кое-как, и пришлось бросить. Сам один, без родителей, все время кушать хочется, а денег нет. И помочи ждать не от кого. В сорок седьмом голод по стране был страшенный. И я пошел работать на стройку, теперь прораб. Но я хочу, чтобы Сэргий,

сын мой, вместо меня закончил академию художеств. А он меня ни в грош не ставит…

Отец ушел, и Сергей жалуется друзьям:

– Чуть не каждый день поддатый. Работа такая, все ему наливают. У отца под руками, в полном его распоряжении, цемент, кирпич, а в магазине ничего нет. А насчет академии – после войны конкурса никакого не было. Сейчас даже соваться страшно.

У Сергея абсолютный «глаз». Сейчас, в век сканеров и принтеров, просчитали бы, сколько пикселей на миллиметр анализируют его мозги, сколько мгновенных сравнений в секунду делают автоматически непроизвольно его глаза, потому что рисование – это и есть сканирование изображения. Ну, и координация этих чудо-глаз с руками необходима. У Сергея все было в порядке. Я заметил в глазах учителя неподдельный восторг, когда он смотрел на голову Давида, нарисованную Сергеем, – без единой ошибки рисунок, выполненный безупречным штрихом.

Кабинет директора художественной школы. Директор обращается ко мне:

– У нас на носу годовщина окончания войны, и надо несколько работ на тему героизма советского народа. Мы тут с педагогами посоветовались и распределили среди лучших учеников темы. Тебе достался подвиг Александра Матросова.

– Не буду, я на заказ не работаю, – фыркнул высокомерно я.

Когда вышел из кабинета, услышал, как за дверью директор с преподавателем расхохотались.

Нам читали историю искусства. Раз в неделю час или два преподаватель Фесенко рассказывал про систему античных ордеров. Стилобат, фриз, карниз, архитрав, антаблемент – как «Отче наш» заучивали мы. Когда ему надоедало или казалось, что мы заскучали, он отвлекался на постороннее и советовал не выбирать себе в жены женщин маленького роста.

– Они злые, – уверял Фесенко. – Ну посудите сами, как не быть злой, если тебе приходится всю жизнь становиться на цыпочки, заглядывать через чужое плечо, даже подпрыгивать, чтобы рассмотреть что-нибудь интересное из-за чужой спины.

Много лет спустя до меня дошло, зачем нужна жесткая система ордеров. Она придумана не для гениев – те всегда все нарушали, она держала в рамках людей среднего дарования, гарантируя хоть какой-то уровень качества. Если просто, без затей соблюдать классические пропорции, следовать апробированному – никогда не построишь заведомо плохого. Система ордеров – инструкция для посредственностей.

На перерыве подростки едят бутерброды и листают интересную книгу «Сюрреализм в искусстве». Маленький формат. Черно-белые мутные репродукции. Ругательно-обличительный текст. Но между строк проступает скрытая симпатия автора к этому буржуазному извращению, это видно по подбору картинок, по их количеству в тексте. Членистоногие слоны, «Мальчики, пугаемые соловьем» запомнились на всю жизнь. А главное – аромат какой-то чужой, неведомой нам жизни. Бутерброд тоже слово чужое, иностранное, и в практике нашей повседневности брод действительно всегда присутствует, чего не скажешь о масле – его может заменять что угодно: смалец, сметана, кусочки мяса или колбасы.

Учебная комната. Драка. Саша ударил Федю, жителя пригорода, за его беспрерывные подначки. Тот упал, сел в ведро с грязной водой. Намочил брюки и половину расплескал.

Ученики школы держатся группами по месту жительства. Так и сейчас, поселковые заступились за своего. Растащили бойцов. Саша фольварецкий, а с русских фольварок кроме него в школе только девочки. Зашел учитель – разбежались по своим местам. Он сделал вид, что ничего не видел. На мольберте Саши начатая работа: Александр Матросов стоит на коленях перед амбразурой. Герой, пробитый пулями насквозь, в белом маскхалате на лимонно-желтом снегу. На всю спину расползлось бордовое месиво крови. Похоже на варенье. Владимир Сергеевич присел к моей работе. Что-то по Гоголю. Черти, спящий казак. Стал исправлять анатомию лошади: где-то убрал – где-то добавил. На мгновение задумался и одним росчерком добавил ей причинное место, пробормотав:

– Хай будэ жэрэбэць.

Он всем помогал с заданиями по композиции, часто увлекался и переписывал работу ученика до неузнаваемости. А иногда и у него не получалось задуманное, и он огорчался.

Летняя практика. По краю вспаханного поля идет Владимир Сергеевич и трое четверо учеников. Они смотрят себе под ноги. Иногда шарудят концом ботинка в рыхлой земле. Время от времени что-то поднимают, разглядывают. Чаще выбрасывают. Учитель:

– На цьому пагорби колысь було поселення первисных людей. Тому так багато уламкив кремнию. Особливо якщо ходити писля дощу, можна знайти знаряддя праци, и наконэчники трапляются вид стрил. Алэ в мэнэ е мрия колись знайти тут нэолитычну фигурку людыни, жиночу.

Сергей:

– А я мечтаю в старом городе под скалой найти целый керамический сосуд. Уже лет пять я там нахожу осколки, иногда по полтарелки, а целую никогда.

Учитель:

– И нэ знайдэш там николи. Бо то ж смитнык. Помойка, или, как ее называют по-научному, культурный слой. Из домов на скале вниз уже лет четыреста сбрасывают мусор. Что там можно найти целого? Алэ порпатись там досыть цикаво. Я знайшов там створки речных ракушек, перловиц с отверстиями круглыми. Значит, фабрика рядом была, пуговицы, гудзыки пэрлови делали.

Саша:

– И я такие находил, и кучу полуистлевших остатков кожи.

Они дошли до заброшенного сада на крутом склоне холма и устроились писать старые покрученные яблони. Учитель работает вместе с ними.

Вчера, через сорок лет, я узнал от профессора археологии, что найти в мусорных отвалах целую посуду иногда все-таки можно. В турецком городе Измаил времен его расцвета сильно испачканную пригоревшей кашей фаянсовую тарелку выбрасывали на свалку, чтобы не возиться с мытьем. И в таком виде с окаменевшими остатками еды их находили спустя двести лет.

Я пришел в художественную школу в год ее основания. И как все новое, неустроенное, школа не имела устоявшихся строгих правил. Границы дозволенного были туманными и зависели от личности педагога, а не от инструкции. Поэтому я до сих пор удивляюсь Славику Донцу, который на этюдах играл с нами в футбол и пускал купаться в речку. Я на его месте никогда бы не решился взять на себя ответственность за жизнь десятка подростков. А Владимир Сергеевич ходил с нами на кладбище, где мы обещались указать место с валявшимися бесхозно человеческими черепами. Так пополнялся бедный натюрмортный фонд школы. Поначалу не было глины для лепки, а разноцветный детский пластилин, купленный в универмаге, смешивали, разминали руками до однородной массы мы сами. Руки еще помнят ощущение от этого нудного трудоемкого занятия. В воскресенье он же, Владимир Сергеевич, приглашал желающих приходить в школу и показывал, как формовать скульптуру в гипсе. Это было его личное время. Он занимался собой, своими делами: снимал с одноглазого товарища маску, лепил голубя с натуры (голубь ни минуты не сидел спокойно – прыгал по клетке). Владимиру Сергеевичу нравился скульптор Брынкуш, или Бранкузи, как его называли французы, простотой и лаконичностью формы. И нам он хотел привить свое понимание пластики. У него была теория, согласно которой желание отломать что-нибудь от парковой скульптуры провоцируют хрупкие далеко выступающие от монолита детали. Впоследствии я встречал много великолепных и хрупких на вид скульптур, но теория Владимира Сергеевича о хулигане, пробующем отломать оттопыренный палец изваяния, живет во мне параллельно с новыми взглядами на искусство скульптуры. Я знаю, что причинные места античных богов отломали не хулиганы, а первые христиане. А его теорию простой, компактной, текучекрасивой пластики мастера соцреализма довели до предела «совершенства»: памятник вождю в глухом селе мог состоять из двух отливочных частей, лицевой и затылочной, и назывался этот продукт «обмылком».

Мы торчали в школе с утра дотемна, но я ни разу не почувствовал, что мы ему можем помешать. И работу над композицией он никогда не ограничивал по времени. Хотя, сто процентов, у него

на руках был какой-то учебный план по валу. Такой особенный период жизни был, когда каждый день приносит что-то новое. Дремлешь в общеобразовательной школе, ждешь конца уроков, чтобы поскорее бежать в художественную, или, как мы ее называли, в «семинарию». Единственным пробелом в нашем художественном воспитании я считаю внушенное презрение к успеху. Наш любимый учитель предпочитал рассказывать о художниках, умерших в бедности и забвении, а случаи процветания и богатства игнорировал. Нет чтобы рассказать о щеголе и дипломате Рубенсе или придворном любимце Ван Дейке – Владимиру Сергеевичу больше по душе была история с отрезанным ухом Ван Гога, старость в бедности и забвении Рембрандта, мытарства Гогена в Полинезии. Наверное, таким образом он хотел нас обезопасить от разочарований в будущем. Тогда же в журнале «Работница» мне впервые попалась на глаза «Терраса ночного кафе» Ван Гога. Даже от паршивенькой репродукции веяло волшебным очарованием Прованса.

В какое училище мне ехать поступать, вопрос решался автоматически: и Владимир Сергеевич, и Сергей Казимирович – учитель рисунка, заканчивали Грековское в Одессе.

Первый государственный шницель я съел на перерыве в воскресное посещение художественной школы.

Владимир Тайх

Табльдот в Фернее

Евгению Голубовскому, в память о нашей романтической юности, проводнику неофитов в иной, параллельный мир, мир искусства и высокой словесности.

Неделю на удивление теплой швейцарской осени 2005 года мы с женой провели в Фернее, последнем пристанище, вотчине великого Вольтера. Дорога во французский Ферней лежит через Женеву. Наши друзья Недда и Фазиль встретили нас в Базеле ранним утром, а ранним вечером их несколько несовременный по форме, но вместительный синий «Опель» въезжал в паркинг отеля «Citadines», не очень дорогого, но достаточно комфортабельного для не завсегдатая отелей.

Дальше все развивалось стремительно. Через пять минут мы внесли чемодан в номер, через полчаса переоделись после душа и тут же услышали оригинальную мелодию колокола, приглашающего на ужин. Еще через пять минут входим в зал ресторана.

– Это не ресторан, – шепнула Недда, – нет-нет, и тем более не столовая, то, что французы называют salle à manger. К сему более подходит имя трапезная, réfectoire по-французски. Высокий штиль.

Большой вытянутый зал, деревянные стены и резной потолок темного бука, высокие канделябры стилизованы под свечи. Очень длинный, довольно широкий стол цвета стен, резные массивные стулья с подлокотниками. Места нумерованы, как в партере театра. Против каждого места на столе тканая цветная салфетка, на ней тарелки, вилки, ножи, чашки и бокалы. Островками стоят группы бутылок с вином. Но самое поразительное –

по осевой линии стола ряд удивительных ноу-хау в виде вращающихся деревянных двухъярусных то ли ваз, то ли круглых подносов, на которых располагались блюда с яствами, если продолжить высокий штиль, ну а проще – блюда с блюдами ужина.

– Здесь официантов нет, – объяснила Недда, – поверни вазу, выбери блюдо, это удобно. Никого не проси, не вставай, никуда не иди. Все рядом. Налей мне кьянти.

– Господи! – осенило меня чуть громче, чем это было прилично. – Так это же изобретение нашего дорогого Ильи Ефимовича. У него еще до революции в родных пенатах были такие же приспособления. Зря смеетесь!

– Не фантазируй. Налей себе и жене вина и жди сигнала.

Ровно в семь короткий удар рынды, и в зал вошел плотный старичок, бодро занял кресло в торце стола, встал. Все встали.

– Хозяин, месье Верду… иногда бывает его брат Анри, совладелец.

– Ха, женоубийца!

– Ты что несешь, Илья?

– Так ведь мы любим и чтим сэра Чарльза Спенсера Чаплина.

– При чем здесь… ладно, потом…

Хозяин всего сего скороговоркой проговорил десяток фраз с прикрытыми очами и сел.

– Молитва, не обращай внимания…

Все сели. С противоположной стороны стола кто-то почти невидимый из-за весьма неяркого освещения произнес нечто.

– Тост…

Все дружно подняли бокалы и сделали почти синхронно «сик!», или «салют», то есть подняли их еще на вершок. Не чокались, это неприлично.

Вино замечательное, местное, из подвалов владельцев. Таким же потчевал более двух веков назад своих гостей владелец мест сих знаменитый Франсуа Аруэ, Аруэ-младший. Именно из этого своего прозвания, переставив буквы, и соорудил он себе известный сегодня каждому школьнику псевдоним Вольтер.

Еда не уступала винам. Салаты, рулеты, соусы, очень мягкая говядина, баранина, мясное и овощное рагу. Всего не перечислишь. Хрустящие багеты, масло и паштеты.

– Ты видишь, все сыры, их разных на столе десятка три, на втором ярусе. Едят их после… в завершение трапезы, хотя каждый волен поступать, как хочет. Никто не сделает замечания – это здесь верх неприличия. Разные блюда, разные сыры по правилам требуют соответствующее вино. Фазиль изучал вопрос две недели, после чего мы на это плюнули и пьем то, что больше нравится. Вот, как ты, то присосался к шардоне, то разбавляешь его сотерном. Неплохо, да? Департамент Же и эта вся провинция не лучшие для винограда. Здесь все лозы привиты от лучших из Бордо, Бургундии, долины Сонны. Поэтому, если вслушаешься, они не называют это вино сотерн, говорят а-ля сотерн. Так же а-ля барзак, а-ля шардоне. Понял?

– Понял, Недда, а-ля Мария Козарес…

– Не дразни, многие считают, я очень похожа.

– Ты хороша, но эта рыба… просто объедение… еще немного – и лопну.

– Не выпрыгивай, эта еда очень хорошо усваивается желудком, как бы сильно ни объелся, через час никакой тяжести в животе.

Я давно переглядывался с импозантным французом, сидевшим прямо против меня и несколько раз поворачивавшим того самого механического официанта так, что рекомендуемое им блюдо оказывалось передо мной. Его рука показывала – вот это попробуйте. И это было совсем не плохо.

Сам же он являл в моем понимании идеального иностранца – в идеально на нем сидящем костюме, с идеальной прической «волосок к волоску». В его черных волосах равномерно разбросаны искры, блестки седины, а впереди такая знакомая, но давно забытая райкинская седая прядь.

Мирный, теплый, возможно, от вина, рокот общих разговоров прерывался нечастыми тостами по предложению сидящего во главе стола. Мой визави внезапно встал и, держа бокал за тонкую ножку, произнес тост прекрасно поставленным голосом и отчаянно грассируя на манер Мирей Матье.

– Скажешь тоже, картавит! На французском это такой же шик, как nasal pronunciation (носовой говор) у англоязычных. Ни в какой школе его не получишь. Это настоящий француз, аристократ в сотом поколении.

Для еды не осталось места в чреве. Вино заедали сырами, дегустировали. И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Недду позвали к хозяину, она вернулась и, прямо глядя мне в глаза, изрекла:

– Хозяин просит тебя выступить. Он подаст сигнал через 3-4 минуты. Это идея нашего лощеного француза, это из арсенала их остроумия, пикантная шуточка.

– Шуточка хороша, но что, что я им смогу сказать? На каком языке?

– На русском. И говори что хочешь, все подряд. Они все равно ни слова не поймут. Главное – уверенно. Нет, дорогой, отказаться – самое плохое решение.

Наш красавец француз продолжал стоять у кресла хозяина, положив руку на одну из искусно вырезанных из красного дерева сов, стоящих на спинке кресла.

Взмах кружевного платочка. Это и есть сигнал. Я встал и поднял бокал.

– Уважаемый месье Верду, дамы, господа. От имени своей жены и от себя я сделаю попытку выразить то восхищение, которое мы испытываем от нежданного нами ужина в вашем великолепном салоне. Изысканные тонкие блюда на столе, изысканное общество в зале. Этот вечер – воплощенная идея Франции. Ужин этот сотворила неподражаемая французская кухня, французское гостеприимство, как и французское хлебосольство. Мы узнали, что такое настоящий вкус, умение вести себя, благожелательность, аристократизм. А в этих поворотных устройствах суть и французского остроумия. Мы сидим в этом неярко освещенном старинном зале, наслаждаемся едой и тихой беседой, а за резными барельефами стен в полумраке будто оживают тени предков, не исключено, что и самого великого Вольтера.

Тепло вашего общества мы увезем с собой, в нашу холодную, но прекрасную Москву. Хочу закончить по-французски.

Vive la France, vive la douce Ferney, vit vides en nous la mémoire de la grand fils de la France – Voltaire.

Последовали довольно бурные аплодисменты. Вот так французы! Ни слова будто бы не понимающие по-русски.

Умница Недда объяснила технологию произошедшего:

– Чертов француз переводил речь хозяину, тот жидко трижды похлопал, толпа сигнал поняла правильно.

Я тоже не лыком шит. Задумал речь из одной фразы, написал на салфетке:

– Да здравствует Франция, да здравствует милый Ферней, пусть живет в нас память о великом сыне Франции – Вольтере.

Положил записку перед Неддой:

– Выручай, быстро переведи на французский…

– Потрепись немного, уже пишу.

– Ну что, пройдемся, подышим?

– Ясно, милому Фазилю очень захотелось пива.

– Лично в меня пиво не вольешь, заполнены все закоулки несчастной утробы. Думаю, у Фазиля тоже.

– Думай что хочешь, но для парочки кружек холодного мартовского я всегда оставляю резерв.

– Господи, какая дивная прохлада, какой изумительный аромат у здешнего, не воздуха, а коктейля ароматов.

– Тебе не зябко, Люсенька?

– Что ты, Недда! После слегка накуренного зала и количества съеденного эта прохлада так приятна и, как говорит мой муж, желанна.

– Ваш муж говорит прекрасно, – послышалось со скамейки из зарослей кустов.

Вот так красавец француз! Наш рафинированный француз.

– Извините, я еще не представился. Алексей Алексеевич Бобринский.

– Ого!

– Эта ваша вторая реплика, по которой я нахожу в вас родственную душу, то редкое, особенно в наше время, явление. Не сомневаюсь, что вы угадаете и первую.

– Начинаю догадываться. О женоубийце, Анри Верду.

– Прекрасно. А вот мой ответ на ваш пока не прозвучавший вопрос, дорогой Илья Максимович. Я специалист по фундаментальной

фонетике и франко-русским культурным отношениям XVIII столетия, еще и пилот-любитель.

– Теперь понимаю, почему вас питает воздух Фернея, хотя ваша великая пра-пра-пра символ, дух истинного Санкт-Петербурга. Наверное, теперь для историков настала просто счастливая пора изучения ее переписки с умницей Вольтером?

– Для людей с желанием докопаться любое время счастливое. Письма Аруэ у вас частично утеряны, ответные же, представляющие меньший интерес, в полном порядке в архивах Франции. А вот в чем нам действительно повезло, все основные мысли Вольтера великая бабуля излагала в письмах ко второму своему адресату.

– Даламберу?!

– Да, Жану Лерону д'Аламберу, энциклопедисту, философу и математику. Он, как известно, отказался от предложения государыни работать в России.

– Зря. Сейчас бы считался, как Эйлер, великим русским физиком, математиком и автором русской энциклопедии.

– И вы, Илья, меня крайне заинтересовали.

– Рассчитываете получить от меня секреты космической техники?

– Вопрос действительно космический. Я видел ваш паспорт, он и сейчас в регистратуре. И был поражен.

– Я похож на Жерара Филипа? Может, на Алена Делона?

– Вы лучше их, вы родились в один день со мною, в тот же месяц и тот же год.

– Значит, у нас общий гороскоп. За это надо бы выпить.

– Непременно. Лучшего коньяка. И я веду всю вашу компанию к Жерару. Но не Филипу. Мы родились почти в одной стране. Вы в Одессе, я в Ревеле. В то время уже Таллине. Воссоединение с великой Россией (СССР) застало нашу семью в городе Лондоне, затем мы переехали к родственникам в Париж. Видели и немцев, и войска союзников, бомбежки и нехватку продуктов. Уверен, вам приходилось претерпевать бо̀льшие неудобства.

Ну вот, дамы переоделись, и вам вынесли куртку. Вперед, господа! Погребок Жерара в двух шагах.

– После такого ужина каждый шаг подвиг. Через неделю мы не поместимся в легковом автомобиле.

– Боже, Людочка, вам никто не сказал, что табльдот Верду дают лишь один раз в неделю? В воскресенье? В остальные дни довольно пуританский ужин в столовой отеля.

Наши добрые отношения с Алексеем развивались лавинообразно. Утром он познакомил нас с очень привлекательной дамой.

– Моя жена Галина Юрьевна Ланская. Но называйте ее просто Галà, так я ее назвал, она мой праздник.

Гала вся преобразилась, у нее была изумительная мимика, выражения лица рождали в ней новые неузнаваемые лица. Она становилась очень красивой и очень аристократичной. К этому не сразу привыкнешь.

– А вы знаете, откуда это имя, кто была та, первая Гала?

– Они знают.

– Вы знаете, Алеша был знаком с Еленой Дмитриевной, зимой 1974-го работал у нее в Пуболе, редактировал и приводил ее многочисленные отрывочные записи в божеский вид. Ей было восемьдесят, но она этого не понимала и почти требовала, чтобы Алексей плюнул на рукописи и занялся вплотную их автором, раз она ему платит. Однажды его спас сам Сальвадор Дали, явившийся в замок к жене без ее на то разрешения. Гала была в крайнем раздражении, глаза пылали гневом. Алексей не нашел ничего лучшего, чем манерно поклониться мэтру, стоящему перед ним в пышном камзоле, обшитом золотым галуном, с сотней витых шнуров, отливающих фиолетовым и изумрудным блеском. Ниже камзола только шорты небесного цвета и голые не идеальной формы ноги. Это в декабре-то.

– Поверьте, господин Дали, я занимаюсь только литературной работой.

– И напрасно, Гала изумительна, и имеет право делать все, что ей захочется.

Великий художник выглядел покладистым, даже ласковым. И вдруг глаза его полезли из орбит, искривился рот, казалось, что и усы его встали торчком! У Алеши от такой метаморфозы волосы зашевелились, он испугался и побледнел. Прошла не вечность, минута, Дали резко сменил маску, улыбнулся.

– Вот вы и увидели, каким я позировал для своего известного автопортрета.

Это вся их беседа. Маловато для мемуаров. Алексей ушел в свою комнату, он еще много раз видел Дали, но издалѝ. Свежий каламбур! Выстреливаю его лишь в четвертый раз.

В этот же вечер в ресторане отеля «Монтре-Палас», окна которого выходят на пылающее желто-синими огнями от неестественно низко висящего над синевой не нашего солнца Женевское озеро, мы с Алексеем выпили на брудершафт. Арманьяк напомнил мне добрый армянский коньяк в добрые времена.

– Ах, друг дорогой, Илья! Видишь того прекрасного мужчину, сидящего в кресле посреди газона?

– Да это статуя! – воскликнула моя жена.

– Это не статуя. Это изумительный старик Владимир Владимирович Набоков, он долгие годы жил в этом отеле, здесь и умер.

Солнце вело себя странно. Оно то вонзало отдельные заостренные лучи в воды, начинающие темнеть, то выстреливало нам в глаза, ослепляя, будто за наши неосознанные прегрешения. Ну все, наконец, успокоилось, ушло!

И вдруг, как трассирующие пылающие снаряды ударили по нашим глазам. И это был последний прорыв, прорыв через амбразуры притаившегося у воды того самого знаменитого Шильонского замка, воспетого Байроном. Мы упали на стулья с ладонями, прижатыми к глазам. Когда желтые пятна на роговице растаяли, встали и помянули несчастного узника Франсуа Бонивара, хотя он вышел отсюда живым и в 40 лет стал пенсионером. Но его обстоятельства ни в коем случае не отменяли достоинств нашего арманьяка, коего литр мы вылакали. Втроем. Гала употребила лишь символическую дозу, ее очередь была вести машину.

– Господи, да какие же вы хорошенькие, просто писаные красавцы! – кричали Недда с Фазилем, увидя нашу упоенную братию. Повезло нам с Алексеем, а то ведь пришлось бы бросить очень выгодную работу для Лионского театра, утром пришла.

– Работа не крак… крак... радил, в Альпы не уйдет. А вот арманьяк… много вы потеряли… зайчики.

– Это мы наверстаем.

Через день:

– Илья, тебе понравилась Лозанна? Все-таки центр туризма, тут Олимпийский музей, сад с редкими растениями… скульптуры.

– Ну конечно, в общем. Город, так сказать… оригинальный, ассоциируется с вертикалью власти… и с другими вертикалями. Хайфа такая же. Хотя Лозанна будет похайфистей. А если начистоту, несмотря на такую необычность, город не кажет лица, тем более души… ну, как тебе сказать, он не раскрыл мне своих объятий. Это не Берн, не Цюрих, не Люцерн, это точно. Интерлакен, поднятый на дыбы.

Для меня это мертвый город. Как я ни старался, не получил от него ни одного живого сигнала. Любви между нами не суждено было вспыхнуть.

Главная для туристов достопримечательность – старинный кафедральный собор. Нужно спуститься в часть города в глубоком ущелье, потом карабкаться на противоположную гору. Пришли, посидели, и здесь оказалось пусто. Храм, который давно покинул Господь Бог. Бесконечно реставрируемая захламленная развалина.

Гала зааплодировала:

– Илья, вы подслушали Алешины мысли.

– Да, друг! Но я бы не смог их сформулировать так четко и столь яростно.

Наш новый друг возил нас по Швейцарии две недели. И говорил о том, что показывал. Женева, Веве, Берн, Цюрих, Люцерн. Его рассказы являли кладезь его энциклопедических знаний. От городов он переходил к известным личностям, от них к их философии, литературе, мыслям. В его голове вмещались тысячи судеб и сотни фактов, достижения десятков наук.

И он не просто говорил, он являл великую русскую речь. Он говорил прозой, как мольеровский Журден, но это была настоящая

проза, проза больших писателей. В рассказе этом я намеревался пересказать почти все его лекции и умопостроения. Но не сразу, хотя и вовремя понял, что это невозможно. Это было бы профанацией, искажением не только сути, но и формы.

Мы снова промчались мимо бронзового Чаплина рядом с огромной вилкой, с силой воткнутой в воду Женевского озера. Порадовались – это не наш идиотизм, и в просвещенной Европе его достаточно. И памятник этот не памятник прожившему здесь 25 лет и умершему здесь же великому Чарльзу Спенсеру Чаплину. На уровне земли, не на постаменте маленькая черненькая скульптура смешного бродяги, не гениального актера, а его героя. Подобных памятников Чарли не один десяток.

Яркому уникальному человеку однообразные тусклые памятники.

Попрощались в Базеле. После этого Алексей с Галиной, иногда без Галины подолгу жили у нас в Москве, мы у них в Париже на бульваре Эдгар Кине, рядом с метро Распай. Наконец, мы вместе отметили наш 70-й год рождения, в Москве, в нашей тушинской квартире.

Алексей обожал русскую кухню в исполнении «очаровательной Люсѝ».

– Я готов душу продать симпатичному дьяволу женского рода в обмен на хрен к запотелой рюмке водки, обожаю бефстроганов, голубцы, вологодские щи из свежей капусты, салат оливье в классической рецептуре, умопомрачительную икру из баклажанов, борщ родом из Одессы и замечательную «шейку» из региона черты оседлости. Как это, забыть стертую черту? Как в песне, и Сибирь, и Бердичев тоже русская земля. Ах, Бердичев, фаршированная щука, фаршированный перец. А каша! Заварная в чугунке манная каша! Коричневая, рассыпчатая, крупинка к крупинке.

О-о! Если это и есть манна небесная, готов сорок лет слоняться с такими же обжорами по любой пустыне. В шортах и с лэптопом на плече.

В письме-поздравлении с Новым 2011-м годом Алексей в который уже раз обсуждал с Люси меню банкета на наши 75 лет, теперь в Париже, в их просторной квартире, одна сте-

на которой, двигаясь на роликах, соединяет две комнаты в зал значительных размеров. Гости лишь князья и графы, русские аристократы Парижа и Ривьеры. Для нас заказаны визы на весь февраль и март.

А третьего января их не стало, они исчезли, испарились, просто превратились в белое облачко. Их не искали. Собрали обломки одиннадцати машин и даже не подумали, что в том плотном рулоне из листов железа, бывшими ранее «Пежо 407» изумрудного цвета, может находиться кто-либо.

Они торопились в Париж, миновали Авиньон, скорость была предельная. И несчастье не заставило себя ждать. Алексей даже не успел сделать рывок, чтобы попытался уклониться от тяжелого мотоцикла, на бешеной скорости выскочившего на встречную полосу. «Пежо» с огромной скоростью покатился по бетону, вращаясь вокруг продольной оси, затем по нагромождению валунов в ущелье. На них упали еще две машины. Ужасная, но мгновенная смерть.

Их искали в горной речушке, искали между каменных глыб. Приехавшие к месту катастрофы сыновья Павел и Алексей в кровь сбили ноги и руки. Родителей не было ни среди живых, ни среди полуживых, ни среди мертвых. И только на день десятый, когда собрали на поляне все обломки трагедии, дети предположили, что закатанное с невероятной силой железо может быть их машиной. Листы разгибали вручную и резали виброножницами. И вот два слесаря, отличные парни, увидели такое… и закричали, чтобы увели сыновей…

Обо всем этом рассказал Алексей-младший, сорокалетний доктор физики из института Бора. Он позвонил нам в Москву и целый час, сбиваясь, то замолкая, то переходя на шепот, на скороговорку, говорил и говорил, будто в полузабытьи. Он был маминым сыном, и когда рассказ касался Гала, что-то похожее то ли на стон, то ли на петушиный крик вырывалось из его горла.

Я сказал, что мы хотели бы проститься с погибшими, не затрудним ли этим их, занятых траурной церемонией? Это говорить не надо было. Алексей вдруг заговорил очень быстро по-французски и не своим, очень высоким голосом. Потом:

– Кому, кому сказать «прости», кого поцеловать?

Мы прилетели в Париж через месяц. Встречал Павел Алексеевич, красавец с русой бородой. Рассказал, что родственники отца настаивали на выборе кладбища Монпарнас, это прямо против дома, где жили папа и мама, но Ланские убедили упокоить их на Сент-Женевьев-де-Буа, в родовом склепе Ланских. Им теплее будет среди русских, на русской фактически земле. Особенно после того, что Россия взяла на себя аренду всей огромной русской части территории кладбища. А дом на бульваре Кине решили продать, в нем никто не решится жить, это свыше наших сил.

Дорога до города Сент-Женевьев-де-Буа заняла больше часа. Павел вынул из багажника огромный ключ на стальной потертой цепи, и мы пошли. Через белую прелестную церковь вышли к могилам, путь был неблизким. Старинный склеп, на окнах кованые решетки с золотыми наконечниками.

– Ваши роскошные розы дальше не несите, пусть они останутся здесь, в этой чугунной вазе, в нее стекает дождевая вода.

Два полированных гроба соединены золоченой ажурной радугой. На ленте не узоры, буквы.

– Что написано там?

– Это латынь. «Как и святые Петр и Феврония, они жили долго и счастливо и умерли в один день». Это из Библии.

– Теперь я покажу вам могилы известных миру замечательных русских людей, нашедших упокоение на этой земле. Какие имена! Половина русской истории XX века. Вы помните, какой сегодня день?

– Да, день семидесятипятилетия вашего батюшки, незабвенного нашего друга Алексея Алексеевича Бобринского, ученого, радетеля русской словесности.

– Я заеду за вами в отель через два часа. Немного отдохните, примите душ, мы приглашены к Ланским, традиционно отметим… нет, это не поминки, отметим папин день рождения. Вы скажете несколько слов?

Я сказал.

– Господа, я постараюсь уложиться в отведенные пять минут. А нашей дружбе с Алексеем и Гала исполнилось лишь пять лет. И все это время я восхищался речью Алексея, его уникальными

знаниями, выправкой, красотой, умением держать себя и просто нечеловеческой трудоспособностью. Его кумирами были русские Толстой и Достоевский, Пушкин и Чехов, Бабель, Булгаков, Маяковский, Пастернак. Среди французов особую любовь он питал к Вольтеру, и нам понятно это пристрастие.

Историческая наука навечно обязана Алексею Алексеевичу Бобринскому восстановлением и систематизацией переписки великого Вольтера с императрицей Екатериной II, капли крови которой и в его жилах.

Вольтер, человек могучего интеллекта, транслировал своей респондентке не одну сотню тонких наблюдений и парадоксальных мыслей. И все же со временем дошел до того, что самыми важными для человечества являются самые банальные умозаключения.

Императрица излагает эту мысль в письме к Дидро, он соглашается, называет главным свойством человека цивилизованного и наделенного интеллектом иронию и нетривиальное отношение ко всему, происходящему в мире. Убогая логичность в рассуждениях о коллизиях житейских выдает примитивизм умственного склада.

Вольтер вносит поправку в сентенцию энциклопедиста, и существенную – не ирония, а самоирония важнейшее качество достойного человека. Утративший сие качество, равно как и его не имевший ранее, представляет собой тупого надутого индюка, годного разве быть зажаренным к рождественскому столу.

Свойственно это вельможам, а более тем, кто почитает себя вельможей. И это верно не только для XVIII века.

Алексей рассказывал о бывших друзьях, в молодости открывших для него не один аспект культуры и искусства, за что он благодарил и ценил их. Шли годы, он занимался творчеством, они, мэтры смолоду, заняли руководящие посты не так в литературе, как в издательском бизнесе. Они уже не изготовители, они оценщики и скупщики. Способность оценивать творческую работу другого со временем падает, в такой же пропорции растет гонор, следствие потери самоиронии и гигантского роста синдрома самоуважения, не допускающего и намека не только на критику, но даже на обсуждение мнения «не Его».

В 1731 году Вольтеру присуждено было первенство в странном поэтическом турнире за поэму «Генриада». Через годы литературный критик N спросил у него:

– Месье Аруа, не так давно, в 1731-м году, в Парижском турнире участвовало 300 поэтов. Мне из них известны лишь восемь. Куда делись неудавшиеся поэты?

– Стали литературными критиками.

Тина Арсеньева

Партитура китайской тушью

1.

Земля, напоенная ливнем
Ночным, пьяна – не просыхает
И, зеленея, впала в буйство.
День ослепителен и душен.
И – нет, ты только полюбуйся, –
Прикинувшись неопалимым
Кустом, церквушка полыхает
В три маковки, кулич надкушен –
До Пасхи ждать невмоготу,
И грешная земля в цвету.

И всё тут, как заведено;
И, всем составом басурманка,
Я жду отъявленных чудес –
Вот жалость: пестрое пшено
На шапке сахарной – обманка;
Неведомого полустанка
В потопе аспидный навес
Ушел на илистое дно…
Давай же, наливай вино.

Переберем-ка имена,
И слава Богу, что не святцы;
Вдвоем сочувственней смеяться
Химерам прерванного сна –
Чур, Кальдерона не читаю, –

Ты спросишь, что же я не там,
Где травы палевы в июне
И в январе поют дрозды?..
А почему я – не в Китае?..
Нет, ты взгляни: цветут сады, –
Слыхала о коте-баюне?
Так погляди. – И, всем постам:
Каков язык – таков устав.

Да я в тех землях, словно вор
В сакристии!.. Ей-ей, в затвор
Ушла бы: вышивать покровы,
К чему и склонна естеством,
И мне милы, зане суровы,
Твердыни те. Но с колдовством
Словесным – мирится ль обитель?
О, мой язык, ты мой губитель:
Ворочать – жерновом молоть,
Всё на лоток да для скандала;
И, грешница, в гробу видала
Я умерщвляемую плоть…
Буквально говорю, без злости.

А на Лычаковском погосте
Распить бутылку из Ла-Манчи
Слабо ли? Всякий сон обманчив
И уж заведомо не вечен,
Коль ты ко всем и вся – с душой.

И есть еще такой крюшон,
Зовется «тинто де верано» –
Ну, «летнее». Но как пространна,
Скажи, на выдумку земля!
От розового миндаля
До черноморского катрана –
Все канонично: горы-воды,
И что им сменные клейноды.

Ведь в знобком духе майорана
Какой-то, может, Стрыйский, парк,
Да он, как заросли Аламбры:
Лишь, кантом высадив акант,
Воткните ялтинские лавры –
Узорным сграффито Корана
В тропарь прорежется дискант.

Что – лю́бое, и что – любо́е?
Душевредительский недуг –
Приязнь! И в храме – всхлип гобоя:
Дживана старого дудук, –
Миндаль зацвел в его долине…
Да ладно, предоставь калине
Цвести да в горечи краснеть.

Еще, поди, осталась снедь
Пасхальная. К сему – вино.
Да и не виделись давно.
Пусти их плавать в формалине,
Все правды, – впору ли труды!..

Мы пьем вино. Цветут сады.

2.

Мой соломенный ангел, ты не видел огня,
Ты паришь, где назначен тебе потолок;
Ну, и как тебе сверху мировая возня?
Моровая, милок.

Сам – изыск скотоводческого естества
В миг досужей догадки о наличье души:
Затоскует отныне, вот те крылья в залог! –
Простота в мастерстве пострашней воровства, –

Улетай, поспеши,
Разлетайся воскресной поделкой с лотка,

Расфуфырясь, порхни на ладонь знатока,
А что шарик Сваровски – звезда Рождества,
Не смеши.

Домовой попечитель, под люстрой витая,
Ты сердцам обличитель, солома пустая.
В чуждых нимбу и лимбу добывательских гонках,
Даже в собственном логове как на иголках
Обретаясь, лесному ручью в унисон
Всхлипну: райский же сонм!..

Мой вселенский уборщик – на то твой передник, –
Ты со мной заговорщик, затворник, посредник
Между мною и хлебом, – стерни пустота,
Колкость Божьего рта.

В последней инстанции труд рукотворный, –
Какие к нам санкции, вестник проворный?
Неужто, хранитель, предстанешь – врагом?
Небесная рать – это пафос военный!
Протянешь соломинку в час неблагой?
Открой же сейчас: не язык ли геенны
Пробился в наш Вечный Огонь?..

Болтают: сместилась Земля на оси.
Соломенным чучелком в доме виси,
Мой ангел пастуший,
И свечку потушим:
Лизнет – вот и ты уже на небеси…

3.

Ну, как вы эту жизнь сочтете скверной
И на восторг пожмете ли плечами,
Когда Венеры глаз неимоверный
Расталкивает сумерки лучами?

Всегда. Везде. Где ночь, как антрацит.
Где кружева закапаны свечами.
Где восковой – на цинке – гиацинт.
А нас
Оставили в живых в который раз:
За что, почто – про то опять смолчали.

Скажи,
Взаправду мы – духовные бомжи,
Ну, внутренние, скажем, эмигранты,
Живые трупы, или как еще?..
В дому Отца обителей не счесть,
Лишь знать бы, какова про нашу честь, –
Ведь все, что с нами было, нам на счет
Дотошные зачислят обскуранты.

Смотри:
Притихший сумрак у тебя внутри
Прорвется ли урочною звездою?
Негаданным ли грянет соловьем?
А может, будет тих, как водоем,
Питаемый подпочвенной водою?..

Я то хочу сказать,
Что много лет назад
По сумеркам брела на шаг от тайны.
В виду небес неужто мы кристальны,
Счастливцы, – ведь иные есть заставы,
Где всякая звезда – убойный залп.

Мне нравилась элегия скитаний
В сырых аллеях вдоль замшелых склепов.
Там рисоваться было бы нелепо,
Туда вел тракт,
С порукою усыпанный цветами, –
Там был аншлаг, и вряд ли ждал восстаний
Некрополь, каменея в артефакт,

Объяв плющом, душителем уютным,
Деревья, что о бренности поют нам…

Деревья поднебесье раскачали,
И кто бы знал – священника, врача ли
Той девочке с худущими плечами,
Вздыхающей шумливым кронам в такт.

Опять весна свой семицветный мост
Наводит, громыхая, в рай вчерашний.
Уже конкретизирован погост.
Совсем не страшный –
Ведь доступ в май дозволен в оный раз.
Топорщит острия, как дикобраз,
Звезда – иглоукалыванье в мозг,
Что стать пригоден пашней.

А в невесомых недрах майской ночи
Вселенское трепещет нетерпенье,
Роится белизной цветочных грон,
Тычинки оттопырив что есть мочи,
И вдруг звезда, в блаженстве поглупенья,
Мозг поджигает вам со всех сторон!

И – очертя главу,
Презрев молву,
Не просчитав урон, –
Живу!
Живу, и птичьи дадены права;
Живу: вполне случайно.
И смыслы не вмещаются в слова,
Но в скорбный шепот крон,
В котором – тайна.

4.

Намагниченная лунными глазами
Тех Фаюмов и Равенн, что на Волхонке,

Я лежу плашмя у времени на холке,
В промельк лет вписав не облик – только взгляд.
И на пажитях, подгорными низами,
Замедляя, примечаю: терны колки, –
Но и век меня не сбросил, мил и клят.

Наших вин, в подпольях памяти, броженье
Не свершилось. Виночерпий терпелив.
Скрытый сумраком, вибрирует залив,
Как невидимого взгляда натяженье.

И пиво из баночки,
И пена у ног
В накат – на пески – на бегу;
Смятенные бабочки
Шопеновых нот
У лампы в кругу, –

Таков уж наш полис:
Красна его повесть,
Как чертополох на лугу,
Как шелковый пояс,
Забытый царицей в стогу.

Может быть, в полыхании, ропоте, треске
Полуночной грозы
Глянет в эти низы
Запредельность расчищенной фрески,
И, возможно, земными глазами…

И да благословятся базары:
Старых полисов и новостроек торжища, –
Для курящегося ангельского стойбища
Опустелого,
Трижды стеленного
Для меня – при луне,
В прошлом тысячелетье

И, возможно, во сне, –
Даже надписи нет на браслете;
Вероятно, то было в Фаюме –
По ту сторону бытия:
Двое были смуглы, представляется – юны,
И одна из них – я.

Ты помнишь тот стих о полуночном ангеле?..
У нас ему плоско – заливы ли, Анды ли.
Тогда оказалось –
Не жалует ангел Шопена:
Шампанского пена,
Томленье прощальной мазурки
В хрустальной мензурке, –
Тоскливая зависть
Всей бренности – к горним мирам
И тела разрушенный храм.

И земная приверженность памяти –
До апокалиптической паники…

Где-то в пустоши, курясь горой Хоривом,
Каменеют наши жаркие слова.
Уносима, пав эпохе на загривок, –
Я жива или мертва?..

5.

Люто ненавижу поезда –
Вряд ли это внятно той Европе,
Чьим пупом себя мы нарекли,
Будучи отброшенным последом.
Леший с нами, – ну, прикроюсь пледом,
Сокращусь, как равлик на укропе,
Понадеюсь, что – не навсегда,
И что мал отрезок сей земли,
И что спозаранку, а не в полдень,
Въеду в город – и оттяг по полной:

Буду в нем чужой. И чтоб глазели,
Как на иностранку.
В понедельник завернула зелье
В скатерть-самобранку;
Грянет вторник – столик в два приседа
В городу старинном:
Это будет славная беседа,
Поклянусь Мамбрином!
Ностальгий веселых заныванье –
Так трещит цикада, –
В склянках зелье терпкое: названье –
«Финка эстакада»*…

Потемки, столбы, семафор.
Не выдай, святой Христофор!
Он, этот вагон,
Как заяц, которому свора вдогон,
Прямую – зигзагами чертит:
Так, словно бы черти,
Резвяся вовсю с попущенья Творца,
Вагон привязали к хвосту жеребца
И гонят со склона крутого, –
Храни меня, Сан Христóваль!..

И катятся камни, и гром оловян –
Ночной хэви-метал певучих славян
На рельсовых стыках.
Да будь я неладна, была бы цела
Багряная «Финка» в бутылках.

Плывет уже роща, стволами бела,
Слоится туман луговин.
Снует над холмом телевышки игла
На сшиве чужих половин.
Там звонницы воинской выправки

* «Огороженное имение», исп.

Под касками, в тон купоросными;
В динамиках рэпера выкрики;
Гулаговский венчик Христа;
Прилежна ткачиха над кроснами,
И присна лотков суета;
Тренд автохтонный в наборе кустарном –
Мóтанки-куклы;
И на мясистом барокко алтарном
Патина скуки;

И перед каменной Девой на цоколе,
Где по брусчатке подковы процокали,
Эта, с морщинистыми щеками, –
Что эта пани просит у камня?..

Это чужое письмо!
На марке – клеймо
Каиново.

Что-то ты, город, к печали неволишь
Крестным своим целованием.
Разве что, может быть, это всего лишь –
Путать туризм с проживанием…

Вот уж, подлинно, оттяг.
Экскурсанты на костях:
Крестов единообразный строй –
Наивернейший схрон
До судного часа;
До трубного гласа –
Жди, несгибаемый герой:
Не провещает срока
Священная падучая барокко…

Храмовые порталы.
Обшарпанные кварталы.
Заныванье ушибленного хребта –

Моего или города? –
Обветшалая красота:
Как пафосно, грустно и гордо.
Мы адски усталы.

И Девы Пречистой атласная бровь
Вскинута: что здесь, какая страна?..

Ты веришь, что гроздь претворяется в кровь?
Так выпьем вина.
Дальней лозе его помнится днесь
Та же давильня, что памятна здесь:
Каинова война.
Авель-поэт подвернулся нелепо.
Как же сберечь нам еще одно лето?

Над бульваром – пернатого гения
Гонор: «Нет у тебя имения.
Разве что – дикие заросли».
Может, гений зелен – от зависти?
Ибо все-таки есть – ограда:
Дружбы, – «Finca la estacada»…

6.

Хочешь ли в город у дальнего моря,
В город, что весь – сломя голову – пляшет?
Как его? Малага? Или Одесса?..
Чей предпочтительнее колорит?
Жили, – для счастья хватало стекляшек,
Мак не родил – и не ведали горя,
Жили бы смирно, да где уж нам – дескать,
Если без нас, то и ад прогорит.

Града и моря!
А глада и мора?..
Это решится орлом либо решкой.

Мимо плывет занавеска с мережкой,
Пристанционных строений кирпич.
Вот вдохновенья досужего спич:
Грешнице, быть мне разменною пешкой,
Мир обустроен, таков обиняк, –
Вечером с рельсов слетел товарняк,
Мы же, как стая приморенных псов,
Ждали; теперь добирать пять часов.

Вот и скажи:
В небе есть рати – а значит, ножи?
Походя срежут, что злак, что сорняк,
Или в подсчет голосов?..

Мимо плывет беспардонная зелень.
Всяк – на полке́, раскардаш бумазейный:
Вот тебе к ближнему повод любви,
Там, где тебе не добавят озона, –
Знамо, для благости больше резона
В ладане, чем с бытием визави.

Вечером влезу в блузончик безейный –
Синего кобальта ангельский цвет, –
Вечер придет, коли небо попустит, –
Мир закишит, словно тля на капусте,
Не заморочен течением лет,
Но измышляя счастливые земли.

Близятся город и море.
В сердце, как в майской коморе,
Пусто:
Чтобы вместить – окоем.
Слушай, а если живьем –
Птицу, – да крепко, до хруста?..
То-то.
Ни крови, ни пота:
Нашему племени голому –

В вышних плясать сломя голову,
Чтоб не свихнула – зевота.

7.

Ангел окно притенил вполкрыла,
Манит глазами: «А ну-ка, подь.
Чтó тебе в том, где ты была?
Ибо над всем – Господь».

А если над всем, так не спросит, строг,
Почто невпопад о церковный порог
Мирской обиваю прах:
Глине гончар – не враг.

В заповедь многим положен страх,
Только иным – восхищенье:
Малым, кто сердцем прост.
Внешней же церкви – рекламный пост
И пресс-релиз отпущенья.

Ангел с окошка снимает сень,
Шорох дохнул над юдолью всей,
В трении перьев – разряда треск,
Горние хляби – вдрызг,
Рамы оконной маячит крест
В мареве брызг,
Ломит зигзагом стекло слеза,
Смывает меня гроза:

Кончились пряники да баранки,
Вертимся, люд, в попеченьях пустых,
От куполов изумрудной огранки
До толстопузых златых –
Крутится край,
Молится храм,
И в толчее не заметно святых.

Нет, сколь же приятней – быть гостем.
Спасибо за праздник, Господи!..

Где я была… где не была…
Перья архангелова крыла
В землю воткнулись рядком тополей –
Не пропадать же добру.
Купы дворовых сиреней – светлей
Ангельских крыл, – ввечеру
К лунному льнут костру:
Киева польскому гению
Ворох прохладный – дремучей Руси.
Всё, на роду гомогенное,
Духом неладно, – меси!

Чувствуешь – ну, офигенные
Запахи! На небеси –
Или всего-то лишь май да луна?..

Господи, знать бы – Твоя ли страна.

Одесса – Толедо – Львов – Одесса

Василь Кузан

Кілька сонетів

Еклектика

Теорія… Непізнаної музики сліди
На погляді, що заблукав у стінах,
Невизначена нескінченність ліній
На колах потемнілої води

У склянці. Нестримні кроки тиші порожнеч
По коридорах пам'яті. Прозорі
Думки, гвіздками вбиті у свідомість,
Іржею взятий викривлений меч

Феміди. Флюіди б'ють у груди кажаном.
Пробудження відсутність крижана,
Непевність ненаситна на сторожі…

І страх навшпиньки звівся за вікном,
І зазирає в душу, як жона.
У вазі обіцянок в'януть рожі…

Айседора

Так порожньо, так боляче… Печаль
Пустила корінь, ніби метастази.
Отруйні стріли, видалені фрази.
Так холодно, так боляче, так жаль.

Проціджується смуток крізь вуаль,
Стікають сльози у китайські вази.
Шліфує ніч стражданнями алмази…
Час розвіває вітром білу шаль.

Намотана на колесо струна,
Обірваний на півдорозі танець,
У зашморгу римовані слова…

На півдорозі постає стіна –
Утрати айсберг в серці не розтане.
А на могилі виросте трава…

Втечу від повчань…

Втечу від повчань у північну печаль,
У ніч перевтілень, дочитану повінь,
По вінця наповнену чашу… – Грааль
На плечі проллє небеса неповторні.

Підковами гратиме вітер. Вуаль
Початок накриє частково. В чеканні
Непрошений гість причарує рояль
І вийме з циліндра освячене «Панно!».

В старанні старіння незримо мечем
Пройдеться по фразах, зужитих пітьмою,
І так під лопатками щось запече,
Що часточка часу заплаче за мною…

Німою молитвою визріє щем,
І вічність постане сліпою тюрмою.

Посічи мене, січню

Посічи на стрічки мене, січню,
Пошматуй мою душу на клапті,
Вивертається серце із плоті,
Вгрузло в горло коріння і вічно

Розростається болем зневіри.
Бачиш, грудень гризот нагромадив,
Що з'їдають з середини. Вади
Здатні все одягти в чорно-сіре.

Та хіба я найгірший? Не вірю,
Що не можна любити… Нізащо!
Не такий я уже і пропащий…
Сніговій переходить у бурю –

Підставляю обличчя і тіло,
Тож не стримуйся, січню, а сміло!..

Песимістичне

Їду по відсутності доріг
У майбутнє, світлістю зім'яте.
По трактирах п'ю чаї із м'яти
Та із липи. Зорі угорі

Часто так ховаються за хмари.
Перехрестя мокрі. Люди п'яні
Пальцями показують… Рум'яні
Падають у ями… Не примари

А якісь прозорі міражі
Виникають зрідка десь далеко
А за мною діти і лелеки
Плентаються мовчки. На межі

Хрест – остання щогла на човні.
Безпросвітно боляче мені.

Соло на віолончелі

1

Вам лічить дні віолончель.
Вам личить велично вивчати
Лице вівці. Вино – на чати
Й тепло вдягати у шинель.

До світла виведе тунель,
Та затискають час лещата.
Ви – мати, ваша винна хата
Зустріне лагідно, мов Лель.

Коко. Кокто. Колишні коні
Літають лісом, літом… Сам
Візьмуся бути саксофоном –

Для вашого бажання – фоном.
Співцем. Слівцем на грудях дам,
Що світ виорює з долоні.

2

Декоративна дивна тиша.
Ти – шабля у руках митця.
Лиця твого ляклива миша
Лишає спогади. Оця,

Де ти, де твій стрімкий неспокій.
Покійна посмішка мети –
Не ти. Нести нестримний опій,
Мов опік збуджені коти.

Використовуєш, мов декор
Коротку сукню, декольте.
Тепер тебе пухнастий вектор,

Мов Гектор викує. Не те.
Тепер на білосніжнім троні
Нема мужчин. Коти і коні.

3

Відкриваю вічність. Перший сніг,
Ніби та, на банях позолота.
Виростають ягоди з болота
І латаття тягнеться до ніг.

Ніби все довкола замело…
І мелодію ховає тихий голос,
І тугий згинає спину колос,
І стежки вертають у село…

Там душа із сумнівами б'ється
І весна оголено сміється,
І дари приносить Менестрель.

Дивовижно ніжно, наче кішка,
Припинає коника до ліжка
У гріхах свята віолончель.

На березі серпня

А берегом серпня блукають дощі,
Шукають сухого притулку в калюжах.
Зеленим словам оксамитових кружев
Схиляють краплини на плечі… Вночі

Десь чути, як виє ошуканий вітер,
І ретроспективою пам'ять проймає.
Сідаєш думками в промоклі трамваї
І їдеш у вирій… Сполоханий бісер

Небесних скарбів розтікається краєм
Чужих тротуарів, німої бруківки…
А ластівка тихо міняє платівку
Під стріхою рідної пісні. Проймає

Ця пісня до щему, до болю, до сліз…
Сховався за хмари наш зоряний віз.

По сліду

Ти босоніж ідеш по розірваній карті дороги,
Налаштовуєш компас на бажання вертатись назад.
Ця стерня, мов асфальт, підфарбовує ноги погоди
У запечену кров і приводить прощання у сад.

Біло-яловий цвіт по-японськи нашіптує вишням,
Що у сенсі буття, мов у кризи тепла в гаманці.
Вітер сотнями слів не пронизує душу, а пише
На паркані невдач. А про рай лопотять папірці

Номерами готелів, приватних осель і круїзів
Середземним і Тихим… Островами невтішних пісків…
Голий сумнів стоїть, мов на чатах засліплений лицар,
Що припав до краси, мов малюк до набухлих сосків.

Одягаєш себе у останню краплину «Шанелі» …
…У тунелі життя босоногі сліди я зустрів…

Похолодання

Не пишеться. Згортає у сувій
Весна натхнення памороззю вкрите.
Порожнім залишилося корито,
В якому вірш купався майже мій.

Важкі думки перетоптали ніч
Душі, що розстелилась рушниками,
І льодяне мовчання за полями
Лишило сталактити протиріч.

Пустеля дня вилизує піском
Вершини слів. Сліпі факіри сенсу
Розгублено шукають правди тексту,
Але немає сайту Pravda.com.

Лінь вихлюпнула із водою все.
Колючі друзки небо принесе…

Василі

Як зберуться Василі –
Веселішає в селі.
Причащаються чар-зіллям,
Починається весілля:

Анекдоти, приповідки,
Хто вночі був у сусідки,
У коханки, чи на п'янці –
Все закінчується вранці.

Аферисти, музограї…
А дівчат довкола – зграї!
Всі, на поступки м'які,
Роблять висновки такі,

Що якби не Василі –
Звідки б діти на селі?!

Поклик весни

Весна приходить восьмого чомусь,
Крізь квіти зазирає в нескінченність.
Вальсує сонце лагідно і чемно,
Котам дарує голос і трубу.

І вже звучать закличні позивні,
Хвости антен виловлюють сигнали,
Записувати нікому в аннали –
Усі в любов занурені. Сумні

Слова зійшли снігами в небуття –
Попереду кохання і натхнення.
Життя – непереборне одкровення,
Первісне незбагненне почуття.

Бажання маю, певно, неспроста
У чомусь бути схожим на кота.

Григорий Шухин

«Израильский жаркий кончается день…»

Зимние дожди

Всю ночь стучало в окна
косым дождем и градом,
а пальме, что промокла,
звучала канонада,
светили фейерверки –
зигзаги молний в тучах,
и фонари померкли,
и листья ветер мучил.
Но было так спокойно
и на душе, и в доме –
страна под солнцем знойным
за влагою в погоне.
Ведь драгоценным каплям
учет ведет Кенерет
и лучше нет спектакля,
чем струи в атмосфере.
И по дорогам скользким
спешат на север люди.
Здесь снежные полоски
из поднебесных студий
на склонах, как наброски
завьюженных прелюдий.
И турки не удержат
циклон из Подмосковья –
Хермон стоит в надежде
на белое безмолвье.

Закат – рассвет

Нагретый в кузне плазмой диск
за моря полукруг покатый
стремительно ныряет – остудись!
И цвета спелого томата
по кучевым и перистым, как вата,
легко пройдется кисть заката.

Израильский жаркий кончен день,
прохлада в сумерках желанна…
И станет ниже каждая ступень,
и холодней вода из крана.
Подуют скоро бриз-нирвана
и детективчики с экрана…

Но я привык за много лет
(привычка – вторая натура)
встречать с друзьями на море рассвет
и любоваться всполохом пурпура.
Пейзаж одесский не халтура –
вам подтвердит литература!

Закат багров, рассвет был ал!
Небритых ранних пташек
он римской тогой превращал
в патрициев – Абрашек…
Курень рыбацкий и причал
с мотором лодочным венчал,
и на улов рыбак ворчал.

Ставридка выпучит глаза,
глотнув крючок мормышки…
Отъезд в Израиль? Как будто за.
Болтать не нужно слишком!
Пойдет кому-то выбор впрок
иль тоже будет пустячок,
узнаешь, дай лишь срок.

Моллюсков (мидий) синий слой
заброшен на песок штормами –
прибой осенний очень злой,
и этими дарами
он норовит наесться впрок.
Я на ветру тогда продрог,
тем укрепить решимость смог.

Сонет

Почти ступив ногой на край могилы,
мне захотелось странствовать опять,
и те места, что будут сердцу милы,

рукою трепетною с нежностью обнять.
Но как преодолеть земное притяженье,
какие чудеса на помощь нам позвать,

чтоб обострились слух и зренье,
а мышцы силой налились иной,
и женщин благодарных пенье

нам души веселило под луной?
Да, есть рецепт, проверенный на славу,
в минуты благодати и войной.

По жилам вулканическою лавой
тогда струится наша кровь
кипящей сладкою отравой…

Названье снадобья – любовь!
Оно возносит, словно стрекозу,
лишь руки-крылья приготовь,

взлететь и побывать на речке и в лесу,
парить легко, непринужденно,
и мира оценить прелестную красу

уж зрением другим, не сонным.

Бат-Ям

Мила Машнова

«Черновики в столе лежат…»

Время

Представь, что нет ни прошлого, ни завтра,
А есть сегодня – больше ничего.
И нет в запасе времени на Сартра,
На мысли, их раскачку и рывок.

Нет ничего: ни дьявола, ни Бога,
А только жизнь длиною в скудный день.
Черновики в столе лежат… не трогай…
Сегодня не они, а ты мишень.

Пустой дырой покажется вдруг небо,
Гигантскою – лимонная луна.
Ты снова по себе закажешь требу,
Она как никогда тебе важна.

И ты пройдешь все точки невозврата
За сутки, полагаясь на повтор
И шанс второй – прожить судьбу, как надо.
Но время вдруг заглушит свой мотор…

Ябрь

Когда солнце глаза свои щурит,
Сквозь задернутых штор полотно,

Когда небо вальяжное – курит,
Пробираясь туманом в окно,

Когда утро сонливо срывалось
С крючка месяца желтого вниз,
Я рукою смахнула усталость,
Сентября обнаружив эскиз.

Я шепчу: убери свои пряди.
Твои листья кружат в кутерьме.
Миновать твоих братьев, не глядя
Им в лицо, не получится мне.

Я хочу, чтоб закончился …ябрь,
И неважно – который из вас!
Пусть звучит лучше августа шлягер
Из душистой малины и астр.

Троя

Расплела свои мнимые косы,
Заглядевшись на нимб горизонта.
Вечер тлел, догорал папиросой,
Словно грешник у врат Ахеронта.

Солнце пряталось плавно в ладонях
Незнакомки загадочной – Ночи,
Восседающей гордо на троне,
Разрывающей сумерки в клочья.

М(не она) протянула подарок –
(Он для ночи был просто бесценный)
Догорающий уголь, огарок,
Что остался от солнца вселенной.

Растерев между пальцами пепел,
Я в горсти обнаружила звезды,
Их слизал языком тихий ветер,
Свив на небе созвездия-гнезда.

Был закат коронован Луною,
Август ей аплодировал стоя…
Этот вечер был ярок собою,
Как Гомером сожженная Троя…

Харьков

Алена Рычкова-Закаблуковская

Батискаф

Едва касаясь темени и животов раздутых,
Храни Господь беременных во всякую минуту.
Чего им там отмерено от взмаха и до взмаха?
Дитя глядит растерянно на мир из батискафа –
Снуют повсюду граждане, шуршат под облаками,
Не замечают, важные, того, кто вверх ногами
Парит в толпе изменчивой. И день исходит светом
Над маленькой застенчивой беременной планетой.

Иркутск

Алена Щербакова

Восток – дело тонкое

Произведения герой

Голова Будды из шунгита с отбитым краем –
Притча о сопромате;
Щит, пронзенный изнанкой пленки, –
В зеркале встречи,
Мальчик, поющий у моря Изиды –
Престола ее коленей.

Джалу

Памяти того, кто не исчез

Когда не осталось слез, не настало дел,
не представилось слов
прийти – и стать прозрачным, как предать;
и легкость пробужденная ясней,
чем то, что отворяется во сне,
как опыт, невозможное отдать,
не больше, чем возможно знать о ней
во времени, на слове невермор,
открытое и легкое, как «да»,
протяжное и слитное, как снег.

«Закон доброты и любви...»

На этот раз в нашей рубрике мы печатаем стихи двух юных авторов – Марины Макаровой и Анастасии Бабушкиной. Марине 16 лет, она выпускница СШ № 35. Кроме стихов она еще увлекается графикой и живописью. Анастасии 9 лет, она учится в СШ № 26. Часто фантазирует, утверждает, что именно фантазии помогают ей писать стихи. Главное, что в стихах Марины и Анастасии уже есть поэтический импульс.

Игорь Потоцкий

Марина Макарова

Четыре стихотворения

* * *

Где солнце Востока искрится,
там град куполами покрыт,
там в небе парят чудо-птицы,
и ветер негромко свистит.

Там многие люди – как братья,
добры так друг к другу они,
ведь с детства для душ их приятен
закон доброты и любви.

Для каждого жителя важен,
отраден и необходим

застыл он у вечности стражем –
библейский Иерусалим.

* * *

Что есть для человека жизнь?
Как будто за верстой верста,
летит за каждой мыслью мысль,
мечтой сменяется мечта.

* * *

Где та Одесса, где улицы те,
где жили в голоде и нищете?
Уже не найти ни Сони, ни Мани
и всей семьи, что жила на бульваре.

Уже не гоняет мальчишка кота,
стащившего рыбу с прилавка отца.
Не ездят по улицам люди верхом,
не грабит налетчик за каждым углом.

Тот город растаял, исчез он из глаз,
но вспомнится людям он, верно, не раз.

Весна

Гром прогрохочет дробным стуком,
повеет запахом весны,
и пронесется с тихим звуком
живой осколок красоты.

Снега растают, станет сухо,
любовь зайдет без стука в дверь.
Капель приятна так для слуха,
а счастье будет без потерь.

Весны особенная скрипка
мелодию уносит вдаль,
а море нам шумит с улыбкой,
что расставаться с маем жаль.

Анастасия Бабушкина

Из первой тетради

Одесса

Веет ветер, шалун и повеса,
и стучится в мое окно.
Говорит, что проснулась Одесса,
и что солнышко встало давно.

Я не буду валяться упрямо,
мне самой надоело спать.
С добрым утром, Одесса-мама,
мне твой ветер велит вставать!

За окном винограда завеса,
и приятная в комнате тень.
С добрым утром, моя Одесса,
Здравствуй, новый, хороший день!

Дождик

– Дождик, дождик, где ты был?
– По полям, лесам ходил –
поливал цветочки
из дубовой бочки.

Буся

У меня есть кошка Буся,
я ее чуть-чуть боюся.
Трону я ее за ножку –
поцарапает немножко.

Взяли мы ее домой
прямо с улицы зимой.
Накормили, напоили,
лапки с мылом ей помыли.

И скажу вам по секрету –
лучше Буси кошки нету!
Приходите в гости
поласкать ей хвостик.

Мамы

Мамы любят есть варенье,
в темноте на кухне сидя.
Петь, танцуя, в воскресенье,
если их никто не видит.

Мамы любят лужи мерить,
находя их жарким летом.
Забывать ключи от двери,
а потом слоняться где-то.

Мамы любят спать в субботу
и лепить слонов из снега,
и прогуливать работу,
и зимой без шапки бегать.

Мамы любят грызть конфеты
и кататься на трамвае,
но они молчат об этом.
Почему? – никто не знает.

Мамочке

Мамочка, цветочек ясный,
негасимый свет!
В мире нет тебя прекрасней
и роднее нет!
Мы хотим тебе побольше
счастья и тепла,
чтобы ты как можно дольше
в радости жила.

Юрий Дикий

Genius loci Святослава Рихтера*

> «Вся беда в том, что никем не доказано, так ли уж всемогущ этот житейский и деловой опыт, как хотят уверить себя обладатели здравого смысла. Скорее всего, это шаблон, пригодный для очень ограниченного количества несложных случаев. Стоит возникнуть непредвиденному обстоятельству, требующему быстрого решения, – и эти люди оказываются безоружными».
>
> Р. Роллан. «Жан-Кристоф». Книга 6, «Антуанетта»

В 20-е годы практически все консерватории революционной России, переросшей в СССР, не обошли стороной серьезные проблемы высшего музыкального образования. Если в первые годы основания новых консерваторий (до революций 17 г.) руководители молодых музыкальных вузов во главу угла ставили кадровый вопрос в качественном функционировании художественных классов, то революционная идеология ориентировалась вовсе не на мастеров-художников. На поверхности музыкальной культуры и образования забушевали страсти ультрановаторства, помноженные на идеологические потребности. Если перед открытием Киевской консерватории в 1913 г. при наличии таких авторитетнейших профессоров, как В.В. Пухальский, который, как и В.И. Малишевский в Одессе, будучи директором музыкального училища, перед переименованием его в консерваторию был серьезно обеспокоен качеством преподавания на новом вузовском уровне. Он приглашает плеяду таких музыкантов, как Б. Яворский, Р. Глиэр, А. Николаев, Г. Беклемишев…

* Окончание. Начало в кн. 60, 61.

Сохранившиеся отчеты новых консерваторий в первые годы их деятельности свидетельствуют об интересных данных жизни преподавательского и студенческого составов. К примеру, в отчете Киевской консерватории за 1913 г. в отдельной графе выделены студенты «иудейского вероисповедания», которые благодаря учебе в высшем музыкальном заведении получили т. н. «право повсеместного жительства в Империи» по «разъяснению Правительствующего сената от 11 июня 1886 г.». В возникновении этого «разъяснения» ощущается влияние А.Г. Рубинштейна, поскольку ранее евреи – студенты музыкальных училищ имели право проживания только на время учебы.

С начала 20-х годов XX века не избежали потрясений даже прославившиеся в мире столичные Петербургская (тогда уже Ленинградская) и Московская консерватории, несмотря на устоявшийся авторитетнейший кадровый состав руководства кафедр и этих вузов. Однако растущее влияние «левацких» организаций (в частности РАПМ) и их весьма воинствующий характер, в силу которого многие ключевые позиции в музыкальной деятельности, и особенно печати, отразились на свойствах программ музыкального образования. Назначение Наркомпросом директором Московской консерватории Б.С. Пшебышевского привело к появлению пресловутого «бригадно-лабораторного метода» взамен лекционных курсов и индивидуальных занятий мастеров-педагогов со студентами. Производственная практика стала направляться на руководство музыкальной самодеятельностью, а музыканты-исполнители были нацелены на программы, предусматривавшие запросы практически неподготовленных аудиторий.

М. Булгаков в фельетоне 1921 г. «Неделя просвещения» описывает следующий диалог:

«Заходит к нам в роту вечером наш военком и говорит мне:

– Сидоров!

А я ему:

– Я! (…)

– Ты, – говорит, – неграмотный?

Я ему, конечно:

– Так точно, товарищ военком, неграмотный.

Тут он на меня посмотрел еще раз и говорит:

– Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату»!»

Весь период 20-х годов в консерваториях страны вполне можно охарактеризовать как весьма противоречивое, в какой-то мере ущербное явление для музыкальной культуры в целом и образования в частности. Это в первую очередь привело к оттоку за рубеж всем известных авторитетнейших в стране музыкантов, среди которых был и первый ректор Одесской консерватории В.И. Малишевский.

Парадигма процессов становления-развития или упадка в определенные периоды проявляет себя циклически. Если в первые годы работы для ректора Одесской консерватории основной проблемой был качественный скачок от училища к вузу, и здесь кроется главное достоинство В. Малишевского как руководителя, который это понимал, то понятно, почему приглашается Т.Д. Рихтер для преподавания в консерватории. Ректорская доктрина Малишевского прочно сохраняла традицию дореволюционного отечественного высшего музыкального образования, идущую от А.Г. Рубинштейна, – в вузе преподают самые авторитетные, выдающиеся музыканты страны. Это было существенным отличием от зарубежных консерваторий, где выдающиеся композиторы и исполнители редко соглашались на преподавательскую работу по соображениям и материальным, и карьерным, и престижным, предпочитая гастрольно-творческую свободу.

Недавно беседовал с киевскими коллегами-пианистами о проходящем конкурсе им. Ф. Шопена в Варшаве. Когда речь зашла об истории возникновения конкурса Ф. Шопена, то выяснилось, что практически никто из них не знает, кем он был основан, кто был первым главой жюри конкурса. Оставалось им заметить, что общество им. Ф. Шопена в Варшаве основал и стал первым председателем жюри конкурса ректор Одесской консерватории до 1921 г., замечательный музыкант Витольд Иосифович Малишевский (ученик Н.А. Римского-Корсакова). У него учились известный украинский композитор Н. Вилинский и знаменитый поляк В. Лютославский. Вынужденный отъезд из Одессы В. Малишевского, обусловленный многими факторами – в первую

очередь идеологическими и художественными, сказался на биографии Т.Д. Рихтера. Профессионализм Теофила Рихтера, приглашенного В. Малишевским в 1916 г. после отъезда ректора в период «философских пароходов» России, отошел на дальнюю орбиту интересов нового руководства вузом, и в значительной мере под влиянием его коллег-пианистов. Немецкое происхождение и работа органистом кирхи Св. Павла вполне подходили для элементарного последовавшего в 1926 г. доноса коллег-злопыхателей, о которых упоминает Святослав Рихтер в своих дневниках.

Все эти мозаичные заметки контекстно в границах «genius loci» обрисовывают обстоятельства формирования гения молодого Святослава Рихтера (одесского периода), росшего в сложнейших коллизиях «утраченного времени» для всей этой необычной семьи. Никак не вписываясь в интересы революционно обновленного социума, старший и младший Рихтеры биографически весь период 20-30-х годов не соответствовали ни задачам господствующего идеологического воспитания, ни запросам советской лауреатомании, а уж тем более перспективам «усредненного» (по Н. Бухарину) образования и культуры в целом.

К сожалению, С. Рихтер в своих дневниках не упоминает образованческие пертурбации Одесской консерватории. В то же время С.С. Прокофьев в своих откровенных дневниках о гастролях в Одессе (16 марта 1927 г.) писал:

«…За нами заехал Столяров и повез в Консерваторию, директором которой он теперь состоит. (…) Столярова я помню еще учеником Петербургской консерватории по классу скрипки, затем он стал дирижировать, а теперь попал в директора, но вид у него несолидный и не директорский, что я ему со смехом и доказывал:

– Неужели вас все-таки слушаются? Вы бы хоть отпустили себе бороду!»

Оценочный тон С. Прокофьева недвусмысленно указывает на весьма пеструю картину одесской музыкальной жизни, в которой рихтеровской семье с ее интересами, укладом, профессионализмом было весьма неуютно.

Несмотря на все старания матери А.П. Москалевой житейски «обратить их на путь истинный», ее усилия оставались

Домашние карнавалы.
Фото из архива Татьяны Вербицкой

бесполезными, как отмечал позднее С. Рихтер. Семья пребывала в странном состоянии некоей сакральной карнавальности с семьями себе подобными, общаясь узким кругом, своим сохраненным укладом, о котором впоследствии С.Т. Рихтер не только упоминал неохотно, если не просто умалчивал. Между тем черта, заложенная в детстве и юности, сохранившись, проросла в его режиссерские, менеджерские наклонности, художественную всеядность к живописи, литературе, кино, etc., судя по его знаменитым фестивальным инициативам и даже домашним праздникам.

Накопленная множественная причинность семейной отстраненности от социума, в первую очередь в силу происхождения и национальности, компенсировалась дружественными связями с себе подобными и незаурядной одаренностью всех членов семьи. Появление Теофила Рихтера как органиста в Одесском оперном театре после доноса коллег и его ухода с должности органиста кирхи, а впоследствии появление в театре молодого, но уже известного в городе концертмейстера Святослава, привлекли внимание заинтересованных слушателей.

Немецкий консул в Одессе Пауль Роот, получив соответствующие рекомендации, приглашает Теофила для занятий со своими детьми. Владея ложей в театре и регулярно посещая спектакли, консул, услышав игру молодого Светика в вариациях на фортепиано в балете Глазунова «Раймонда», дружественно приглашает всю семью для домашних концертов. Такое семейно-концертное музицирование, длившееся не один год, было широко распространено в Одессе. Домашние концерты во многих семьях знакомят юного Рихтера с достаточно известными домами. Надо отдать должное им – круг знакомых семьи Рихтеров обладал незаурядным музыкальным вкусом в оценке игры отца и сына. Располагая многими материалами – воспоминаниями одесситов того периода, входивших в близкий круг их знакомых, ограничимся несколькими семьями, на глазах которых формировался гениальный музыкант.

«Большую семью Володиных, – пишет в книге «Одесские этюды инженера Володина» И.И. Володин, – хорошо знали на Французском бульваре как старожилов Отрады и почитали… Вспоминаю, каким он – тогда просто Святослав – был в молодости, когда приходил к нам на Пироговскую. Он всегда играл на рояле долго, увлеченно и страстно. Еще тогда мы предвидели в нем большой талант музыканта, хотя у нас в доме бывали и другие одаренные певцы и музыканты… композитор Артур Топузо… певец Лаптев – впоследствии народный артист, композитор Володя Фемилиди…»

Полувековая содержательная переписка С.Т. Рихтера и И.И. Володина (известного одесского коллекционера), описанная в книге, увы, Рихтером нигде не упоминается.

«По-человечески мне жаль нашего именитого земляка, – пишет И.И. Володин. – Я знаю, как он переживал, отказывая себе во встрече с Одессой… Впоследствии я дарил Святославу на добрую память небольшие этюды, пейзажи, виды Одессы, такие как «Потемкинская лестница», «Вид Воронцовского дворца», «Арбузная гавань» – работы одесских художников Дворникова, Бальца и другие. Рихтеру они нравились, и он благодарил меня за внимание».

Не скрывая возможности своей феноменальной памяти, которая редко его подводила (как заметил Рихтер – только с цифрами), все же самые значительные впечатления своего детства

Фотография С. Рихтера с дарственной надписью И.И. Володину

и юности, отраженные в воспоминаниях одесситов, почему-то (?!) им практически не упоминались. Попадая в один ряд с рихтеровской доктриной «в Одессе не играл», как и длительное время утверждалось, якобы «не бывал» в послевоенной Одессе (что по сей день тиражируется неосведомленными журналистами).

Но как в тайники памяти упрятать, пожалуй, самые сокровенные памятные события детства и юности? Если только в этой, мягко говоря, странно внешней забывчивости не кроется некая странная загадка.

О «Шемаханской царице» – Н.С. Вербицкой-Завалишиной, его «драгоценной партнерше» игры в четыре руки до 1941 г., с которой он проводил за инструментом по 4 часа в день, и которая попадает в загадочную историю «Шемаханской царицы» в памятном новогоднем карнавале 1987 г., мы уже писали (см. «Зеркало недели»).

В сохранившейся достаточно регулярной переписке близких людей – Рихтера и Н.С. Завалишиной, судя по содержанию, нель-

зя не отметить факты, в значительной мере опровергающие бытующее и сегодня якобы его отстраненно-негативное отношение к своему одесскому периоду.

«Получил Ваше письмо от 10-го мая – спасибо! Вспоминаю часто давние дни в Одессе: когда мы играли в 4 руки, устраивали восточный вечер – было так хорошо…»

Другое письмо: «Я так же часто вспоминаю время в Одессе и нашу игру в 4 руки. Помните, как мы прилежно учили «Домашнюю симфонию Рихарда Штрауса? Это была действительно трудная работа, но результат получился очень хороший».

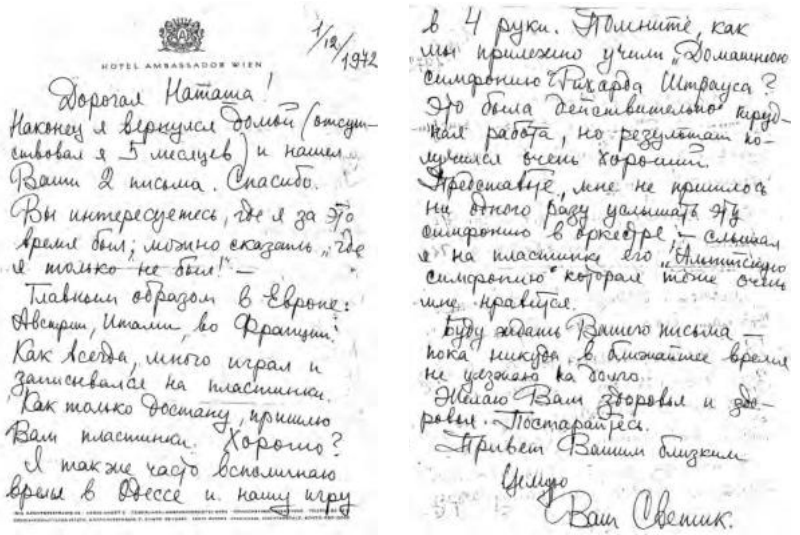
В четыре руки. Наталья Вербицкая-Завалишина и Святослав Рихтер. Одесса, предвоенные годы. Фото из архива Татьяны Вербицкой

Очередное письмо: «Слушал сегодня в записи первый фа-мажорный квартет Бетховена, который давно-давно играл с Вами в 4 руки…».

Далее: «После всех моих летних странствований я попал в Зальцбург, и на второй день слушал 8-ую симфонию Брукнера (под управлением Караяна), ту самую, которую играл с Вами в 4 руки. Помните?»

Подпись практически под каждым письмом – «целую, Ваш Светик», и повторяющиеся теплые воспоминания совместного музицирования не могут быть формально интерпретированы в рихтеровской биографии. Но в официально функционирующих рихтеровских биографических материалах этого просто нет, за исключением одной записи в дневнике.

Не упоминает Рихтер и одесского врача Г.С. Леви, вылечившего в его детстве менингит, как и близкую ему всю семью Леви, которая боготворила Светика. Вместе с тем подаренный ему

HOTEL AMBASSADOR WIEN

1/12/1972

Дорогая Наташа!
Наконец я вернулся домой (отсутствовал я 5 месяцев) и нашел Ваши 2 письма. Спасибо.
Вы интересуетесь, где я за это время был; можно сказать „где я только не был!" —
Главным образом в Европе: Австрия, Италия, во Франции. Как всегда, много играл и записывался на пластинки. Как только достану, пришлю Вам пластинки. Хорошо?
Я также часто вспоминаю время в Одессе и нашу игру в 4 руки. Помните, как мы прилежно учили „Домашнюю симфонию" Рихарда Штрауса? Это была действительно трудная работа, но результат получился всем хорошим.
Представьте, мне не пришлось ни одного раза услышать эту симфонию в оркестре, — слышал я на пластинке его „Альпийскую симфонию", которая тоже очень мне нравится.
Буду ждать Вашего письма — пока никуда в ближайшее время не уезжаю на долго.
Желаю Вам здоровья и здоровья. Постарайтесь.
Привет Вашим близким
Целую
Ваш Святик.

С. Рихтер писал в Одессу Н. Вербицкой-Завалишиной из стран, в которых давал концерты 60-70-е годы. Фото из архива Татьяны Вербицкой

Изабеллой Леви (дочерью Г.С. Леви) громадный гобелен по сей день занимает центральное место в его московской гостиной с двумя роялями. Сотрудники музея-квартиры до 2003 года так и не знали, кто такая Изабелла Леви, дарственная подпись которой сохранилась на гобелене, спрашивали меня об этом осенью 2003 г.

Весьма выборочные воспоминания Рихтера о детстве и юности в Одессе явно лишены наиболее ярких событий, обнаруживаемых в его живой, но скрываемой им неразрывной связи с родным городом, обнаруживаемой в многочисленных переписках, фотографиях, документах.

Упоминавшееся самим С. Рихтером в фильме Б. Монсенжона основание отъезда из Одессы – возможный «призыв в армию», выглядит весьма неубедительной мотивацией по всем направлениям. Побочной мотивацией оказываются: и желание учиться у Г.Г. Нейгауза в Москве, а не у одесской профессуры, цена которой самим Рихтером была достаточно ясно определена, и наиболее

близкие ему семьи, с которыми он продолжал оставаться в тесной переписке весь послевоенный период своей жизни.

Официально-биографическая тональность фильмов о нем (не исключающая исповеди Монсенжону), порой пестрящая поражающими способностями его памяти, загружена деталями (даже именами-отчествами сестер Семеновых), почему-то вытесняла имена знаковых одесситов, морально и материально поддерживавших всю семью, в том числе и рихтеровский отъезд из Одессы, не делая исключения даже для знаменитого офтальмолога В.П. Филатова.

Внимательно всматриваясь в наличествующий биографический материал о Рихтере, невольно задаешься вопросом – где обнаруживается подлинный Рихтер с его не утихающей искренней многолетней одесской перепиской, интересами и привязанностями (как минимум), погребенными под одесскими «темными страницами» дневников и интервью?

Восклицание Г.Г. Нейгауза о гениальности неофита С. Рихтера, приехавшего к нему в Москву в 1937 году, не обучавшегося музыке в школах и отчаявшегося сразу поступать в столичную консерваторию, как и последующие нейгаузовские восторги в его адрес, увы, остались без должной оценки и анализа музыкантами-профессионалами. Генезис этого уникального явления, связанного именно с Одессой и свидетельствующего о неразрешимом противоречии художественных «критериев одесских законодателей» из консерватории в адрес отца и сына с творческой планкой Нейгауза, остался за кадром не просто рихтеровской биографии, но и принципиальных проблем истории, теории и методики исполнительства как ярчайший пример асафьевского положения о двух направлениях исполнительства – творческого и школярского.

К этому примеру стоит добавить, что именно в 1937 году достигло апогея мировое признание таланта Э.Г. Гилельса и Я.И. Зака. Будучи аспирантами класса Г.Г. Нейгауза в их несопоставимом по статусу качестве к безвестному абитуриенту Рихтеру, таких оценок гениальности ни один, ни другой от своего учителя не получили за всю их творческую жизнь, что также недвусмысленно намекает нам о глобальных творческих проблемах современного музыкального исполнительства

и образования. Вполне возможно, потому они и сегодня обойдены в рихтеровской биографии, нивелировав различия масштабов личностей в искусстве и их разнообразие в рельефе музыкальной культуры. Ведь именно в Одессе музыкальные «законодатели» (термин Ферруччо Бузони) в лице пианистических авторитетов исторически опростоволосились, прогавив гениальность Рихтера, и невольно страшишься, что, не покинь Рихтер (или, к примеру, Ойстрах) Одессу, можно было бы резонно предположить с весомой долей вероятности, что мир искусства мог осиротеть без этих имен.

Тем не менее Светик Рихтер в своей семье обретал атмосферу творческого бытия и как музыкант, и как художественно одаренная личность, склонная к карнавально-диалогическому миросозерцанию, не покидавшему его до конца дней.

Домашние концерты отца и сына никогда не носили конкурентного оттенка, но, безусловно, содействовали их внутренней художественной ответственности и росту мастерства. А влияние художественно одаренных натур в среде одесской интеллигенции всегда ощущалось как независимое течение.

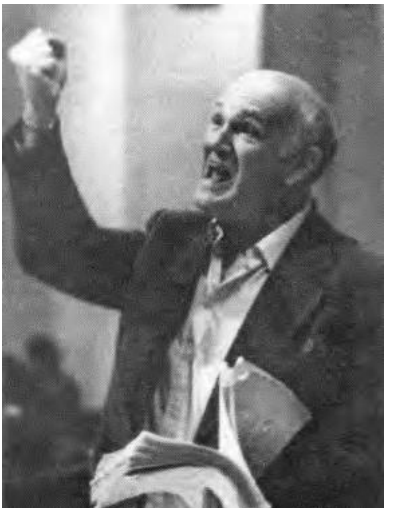
Именно эта среда хранила и хранит скрытую самим Рихтером загадку genius loci. Неопровержимой даже самим Рихтером тесной неразрывной его связи с Одессой и близкими ему людьми, сколь бы ни были искусственно убедительными остающиеся на поверхности мифологии «предательство матери» или сюжеты «темных страниц».

Материалы одесского писателя Владимира Смирнова весьма убедительны в обнаруженных им архивах КГБ вопреки его высказываниям в фильме Монсенжона и опубликованные им в дневниках. В частности, речь идет о значительной неосведомленности (или предвзятости) С. Т. по поводу отъезда матери в Германию.

В. Смирнов пишет:

«К сожалению, многие ныне пишущие личности, желающие попасть в тень великого музыканта, пережевывают лживую версию гибели Теофила Рихтера и, передергивая заимствованные факты, стараются объявить какие-то сенсации по данному поводу, загрязняя честь семьи Рихтеров. Примеров этому много, особенно в Интернете.

Из дневников В.А. Швеца, полностью опубликованных в серии книг «Реквием XX века», документально следует, что мать Святослава Рихтера обвенчалась с С.Д. Кондратьевым у пастора только 15 марта 1944 года, перед самым приходом Красной Армии. Она всегда оставалась преданной своей семье. Если бы Анна Москалева-Рихтер и не согласный с политикой советской власти С.Д. Кондратьев не уехали из Одессы, то были бы наверняка арестованы и погибли бы в ГУЛАГЕ. Вслед за ними с большой вероятностью последовал бы и сам Святослав Рихтер».

Рихтер бывал и таким…

Так что мать Святослава Рихтера, зная, вероятно, от самого Оскара Юндта, работавшего во время оккупации в германском посольстве в Бухаресте, о расстреле Теофила Рихтера, сделала единственно правильный выбор – уехала из Одессы.

Отмечая юбилеи выдающегося музыканта и отца великого пианиста, одесситы как бы приносят извинения за двойную как бы вину нашего города, сыгравшего столь трагическую роль в жизни выдающейся семьи музыкантов Рихтеров. А получилась вся эта трагедия как следствие преступной политики, вылившейся в бывшем Советском Союзе в длительном торжестве разгула НКВД и его последователей, массовых расстрелах ни в чем не повинных людей, пытках и издевательствах над многими тысячами людей, в том числе и одесситами. (См. серию книг автора «Реквием XX века», издательство «Астропринт».)

Разделяя позицию писателя В. Смирнова относительно странной «неосведомленности» Рихтера в расстрельном деле своего отца, смеем заметить, что весь подлинный материал одесского периода Рихтером в официальных условиях как бы игнорируется.

Бруно Монсенжон и Юрий Дикий на выставке в честь 100-летия С. Рихтера
в Одесском литературном музее

Можно предположить, что Святослав Теофилович некоторые факты одесского периода даже мистифицирует, как бы шифрует отдельными отрывочными подробностями.

Во время недавнего визита в Одессу Бруно Монсенжона – автора фильма «Рихтер непокоренный», беседы и встречи с ним могли бы с новых позиций обозначить значимость и новизну одесских глав великого музыканта. Наша довольно продолжительная беседа в первый вечер встреч показала высокую заинтересованность режиссера и музыканта в неизвестных ему материалах юности С. Рихтера. Им даже было высказано пожелание ознакомиться с ними и с памятными местами Одессы.

Безусловная благодарность одесскому Баварскому дому, взявшему на себя приглашение выдающегося французского режиссера.

Бруно Монсенжон, посвятивший двум великим одесситам, Святославу Рихтеру и Давиду Ойстраху, великолепные фильмы,

вероятнее всего. составил для себя определенное мнение о нынешнем поколении наших земляков.

Какой имидж нашего города и кем сегодня представляется миру, вопрос далеко не праздный! Мнение некоторых гостей Одессы, прозвучавшее на дискуссиях успешно прошедшего фестиваля «Odessa Classics», о нынешней личностно-творческой неполноценности, об отсутствии художественных школ и т. п., к сожалению, строится на распространившейся в Одессе болезни – грандиозных пиар-кампаниях (большей частью коммерчески выгодных) и умалчивании важнейших событий культурной жизни, филантропически проводимых общественными движениями.

100-летие Святослава Рихтера и масштаб его празднования в Одессе говорит сам за себя. Увы, музыкально-исторический имидж города заметно поблек стараниями той части так называемой общественности, которая как бы есть в почетных званиях, должностях, наградах, но которой нет в драматургии культурного бытия и его сложного становления.

Ей неведомы тайны музыки, тысячелетиями формировавшие эпохи, страны и народы, ее главный моральный код – бескорыстие и воспитание человеческой души. Ее имитация культурной жизни и юбилейное лицемерие никогда не обнаружат параллелей Жан-Кристоф и Рихтер, Бруно Монсенжон и Ромен Роллан, этим людям неведома художественная бескорыстная пассионарность – от Аристотеля до Лины Костенко. Им безразличен genius loci – гений места великих одесситов, биографии которых ждут своих романистов и драматургов, чтобы снять мифологическую маску, изваянную помимо их воли. Вряд ли они уяснили, что это и делал Б. Монсенжон в своих фильмах, вряд ли уяснят в силу своей глухоты слова Р. Роллана:

«О музыка, открывающая бездны души! Ты разрушаешь привычное равновесие ума. …Музыка владеет волшебным жезлом, и от его прикосновения сами собой падают затворы. Двери распахиваются. Демоны сердца вырываются наружу. И душа видит себя обнаженной…»

Евгений Деменок

Ильф, Петров и Бурлюк

…судьбой мне, нам с Марусей, написано было встречать милых хороших достойных людей.

Давид Бурлюк

«Отец российского футуризма», художник, поэт, оратор, актер и шоумен Давид Давидович Бурлюк прожил долгую, яркую и насыщенную жизнь. За восемьдесят пять лет он написал около двадцати тысяч картин, которые были показаны на более чем семидесяти персональных выставках (групповые сложно даже сосчитать), написал сотни статей и стихотворений и сделал себе имя в трех странах – России, Японии и Америке. Бурлюк стоял у истоков футуристического движения в России и Японии, вместе с Василием Кандинским и Францем Марком создавал в Германии объединение «Синий всадник», а в Америке стал лидером художественной группы «Хэмптон Бейз».

Давид Бурлюк был необычайно энергичным, общительным и умел дружить. Всю жизнь его окружали интересные и известные люди – в России это Владимир Маяковский и Велимир Хлебников, Василий Каменский и Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц и Александра Экстер, Михаил Ларионов и множество других всемирно известных сейчас художников и поэтов; в Америке – художники Николай Цицковский, братья Рафаэль и Мозес Сойеры, Арчил Горки и Джордж Констант, Борис Григорьев и Сергей Судейкин, и многие, многие другие.

Благодаря тому, что Давид Бурлюк и его жена Мария Никифоровна всю жизнь вели дневник, большая часть которого опубликована в издававшемся ими на протяжении тридцати лет журна-

ле «Color and Rhyme», а также тому, что они оставили после себя огромный корпус статей и писем, мы можем не только восстановить подробности жизни самих Бурлюков, их друзей и знакомых, но и почерпнуть массу интересной информации об известных людях, с которыми они встречались на протяжении своей жизни. Информация эта часто субъективна и излагается несколько поразному в зависимости от того, готовилась она для публикации или приведена в частной переписке, а также от того, в каком возрасте описывал Бурлюк эти встречи. Именно своей субъективностью она и интересна. А еще интереснее сравнивать и сопоставлять воспоминания Бурлюка о ком-либо из друзей или знакомых с воспоминаниями этого человека о встречах с Бурлюком.

Одним из таких случаев являются записи Давида Бурлюка и Ильи Ильфа, сделанные ими после встречи в Америке.

Встречались ли Бурлюк и Ильф до того, в России?

Вот что писал 2 мая 1961 года Давид Бурлюк своему многолетнему другу по переписке, «духовному сыну», известному тамбовскому коллекционеру Николаю Алексеевичу Никифорову: «Нашел письма Ильфа-Петрова: «Бурлюка начал читать и читаю с 1913 года».

Что ж, такое вполне могло быть – Ильфу в 1913-м было шестнадцать лет, а имя Бурлюка было тогда неразрывно связано с именем Владимира Маяковского, которого Ильф любил и ценил. Достаточно привести цитату Льва Славина, в свою очередь цитирующего Евгения Петрова: «Эту первую, юношескую влюбленность в Маяковского Ильф пронес через всю жизнь. Евгений Петров совершенно справедливо пишет в своих воспоминаниях об Ильфе: «Ильф очень любил Маяковского. Его все восхищало в нем. И талант, и рост, и виртуозное владение словом, а больше всего литературная честность».

1913 год примечателен еще и тем, что именно тогда в сборнике «Дохлая луна» было опубликовано самое известное стихотворение Давида Бурлюка «Каждый молод молод молод». Так что – вполне может быть. Вполне может быть и то, что Илья Файнзильберг побывал на одном из концертов «Турне кубофутуристов», состоявшихся в Одессе 16 и 19 января 1914 года.

К сожалению, записей об этом не сохранилось.

Однако точно известно, что Давид Бурлюк и Илья Ильф дважды встречались в Америке – осенью 1935-го и зимой 1936 года. Записи об этих встречах были сделаны и опубликованы каждым из них.

Вот что пишет о второй встрече в своем дневнике за 21 января 1936 года жена Бурлюка Мария Никифоровна:

«В Советы уехали Ильф и Петров. Бурлюк подарил им «2 масла» – «Глостор» – облака там прорисованные черточками и «Радио-Стил» – воспроизведенный в одной из наших книг, 15 акварелей и рисунков (портреты рабочих). Но писатели были так увлечены и заняты паковкой башмаков, «троек», носовых платков… купленных в Новом свете, что пакет с подарком не развернули, отправят его вместе с «тяжелым багажом» до Москвы.

Бурлюк, Ильф и Консул (советский. – **Прим. автора**) обедали в армянском ресторане. Бурлюк там сделал скетч с Ильфа, подошел Башкиров, хвалил рисунок за сходство.

Авторы «12 стульев» и «Золотого теленка» уплыли домой.

Сделали автограф: «Приеду и начну войну с нянькой-старухой» – Ильф.

У него 10-месячная дочь».

А вот что писал о первой встрече – на приеме в советском консульстве – Илья Ильф в письме жене Марии Николаевне Тарасенко:

«[Нью-Йорк], 17 октября 35 г.

…Вчера состоялся прием в консульстве. Было сто двадцать человек критиков, издателей, критикесс, деятелей и особенно деятельниц искусства. Нас здесь знают довольно хорошо и хорошо относятся. Кроме того, был Бурлюк, старый и пьяноватый, но симпатичный. Был и Мамульян, режиссер «Королевы Кристины», которую мы, кажется, вместе видели на кинофестивале. Он поведет нас на негритянскую оперу, которую недавно поставил. Все говорят, что это замечательная работа.

Прием сошел для меня хорошо, и я не очень томился. Порядок такой: консул с женой стоит на площадке лестницы и встречает гостей. Мы стоим позади них, нас знакомят. Гости говорят что-то приятное и удаляются в торжественные залы пить водку и пунш. Потом приходят другие, тоже что-то говорят и тоже удаляются пуншевать. Потом понемногу начинают уходить. Мы все время

стоим на площадке, здороваемся и прощаемся. Уходить нам отсюда нельзя, пока все не уйдут, пить и есть тоже нельзя. Продолжается это три часа. Очень интересные люди и страна тоже».

Это письмо, как и другие письма Ильфа и Петрова своим женам, написанные и отправленные во время путешествия, были неоднократно опубликованы в советское время как приложения к «Одноэтажной Америке».

Упоминание о той же самой встрече с Бурлюком есть и в изданном Александрой Ильиничной Ильф «Американском дневнике» Ильфа (1935-1936), в который вошли не опубликованные ранее записи, а также в «Записных книжках» Ильфа (1925-1937). Тут Илья Ильф пишет о Бурлюке в совершенно другой тональности, без иронии и насмешки. Вот фрагмент записи от 16 октября: «Появляются гости. Пришло 120 человек. Дамы, их много. Подросточек с «Золотым теленком». Она не будет читать «12 стульев», потому что ей сказали, что там плохой конец. Предложения двух кинодам. Когда все разошлись, выпил водки с Бурлюком. Я назвал его Давидом Давидовичем, он растрогался».

Понятно, почему эта запись не вошла в «канонические» заметки, опубликованные в Советском Союзе. Эмигрант Бурлюк, пусть даже и друг Маяковского, пусть даже и симпатизирующий советской власти, не должен был быть слишком симпатичным.

Одна из иллюстраций к опубликованному Александрой Ильиничной дневнику – карандашный портрет Ильфа, выполненный Бурлюком во время их второй встречи 21 января 1936 года, на том самом обеде в армянском ресторане. Бурлюк попросил тогда Ильфа подписать портрет – что тот и сделал; подпись слева внизу.

У этого портрета интересная судьба – спустя двадцать лет Давид Давидович подарил его Николаю Алексеевичу Никифорову. Вот что писал Бурлюк Никифорову в мае 1957 года:

«Так как вы нам не присылаете списков полученного от нас, то мы не знаем, дошли ли до Вас высланные нами рисунки мои с Ильфа, а также его зарисовки жирафов. Когда я в 35 году видел их в New-Yorke, Ильф уже умирал от чахотки. С Петровым я имел обед в дорогом ресторане. Он был мой гость… Я дал им серию моих акварелей, и Лиля Юрьевна Брик купила некоторые из них у вдовы Ильфа. Книжка «Золотой теленок» имеется у меня

с автографом (в архиве надо найти). О писаниях И. П. об Америке поговорим на отдельном листе».

Вслед за портретом Бурлюк отправил в Тамбов историю создания этого портрета – вот фрагмент из его письма от 12 февраля 1958, Флорида: «Спасибо за ваши пожелания и ласку, и рисунки акв. красками. Вложения: Ильф (портрет история), Заикин – фото, В.Н. Пальмов (фото)».

Зачастую Давид Давидович отправлял Никифорову послания с определенной целью – популяризировать свое имя и творчество в СССР, где его упорно не замечали. Так случилось и с историей создания портрета Ильфа – буквально через месяц, 15 февраля 1958 года, Бурлюк пишет:

«Я знал, но забыл, что Петров – брат Катаева (он не отвечает на мои письма!). *Мне надо знать, в каком году в Одессе он встретил Эдуарда Багрицкого?* (Упомин. в своих рассказах)». И далее: «*Ильфа* историю портрета пошлите В. Катаеву: *Союз писателей, Москва, ул. Воровского 52*».

Видимо, встречавший Катаева во время своего первого визита в Советский Союз в 1956 году Бурлюк рассчитывал, что с помощью признанного в Союзе писателя история его встречи с Ильфом станет широко известной.

О том, что подаренные им авторам «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» работы оказались у Лили Брик, он узнал, скорее всего, во время того же визита – именно Лиля Брик, Василий Катанян и Семен Кирсанов добились тогда от Союза писателей приглашения для Бурлюка в СССР.

Подаренный Никифорову карандашный портрет Ильфа до сих пор находится в Тамбове – сейчас в коллекции Сергея Денисова. В 2007 году он экспонировался вместе с другими работами Бурлюка на выставке в частном художественном музее, принадлежащем Денисову, а за два года до этого – в Пермском областном краеведческом музее.

Упоминание о работах Бурлюка, подаренных в Америке Ильфу и Петрову, я встретил еще в одном неожиданном источнике – воспоминаниях писателя Владимира Беляева, автора повести «Старая крепость», который приятельствовал с Петровым. Вот что пишет Беляев о своей первой встрече с ним:

«В письме Евгения Петрова ко мне была фраза: «Надеюсь, мы как-нибудь увидимся и сможем более подробно поговорить обо всем». Это дало право в первый же приезд в Москву позвонить Евгению Петрову. Я услышал в трубке хрипловатый голос: «Вы где сейчас находитесь? А-а… Заезжайте». Дальше следовало обстоятельное, с мельчайшими подробностями пояснение, как удобнее всего доехать до Лаврушинского переулка.

И. Ильф. Рисунок Д. Бурлюка (цветной карандаш), Нью-Йорк, 1936 г.
Слева автографическая подпись И. Ильфа
Собрание Н.А. Никифорова. Тамбов

Он открывает дверь сам, высокий, живой, с испытующим взглядом темных, южных глаз. Легкой, уверенной походкой спортсмена он проводит меня в кабинет, показывая широким размахом руки дорогу.

Солнечная комната с картинами Бурлюка. Светлый стол, низкие застекленные шкафы вдоль стен, тахта, несколько стульев. Все удобное, скромное. Ничего лишнего, безвкусного, мешающего работать».

К сожалению, записей самого Евгения Петрова о встрече с Бурлюком нет. Вообще, ведение дневниковых записей было хорошей привычкой как Ильфа, так и Бурлюка. Борис Галанов в книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

– Обязательно записывайте, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

А вот что писал Ильф в своем дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь».

Давид Бурлюк даже сочинил стихотворные строчки о важности ведения дневника – они адресованы его жене Марии Никифоровне, Марусе, которая часто подменяла самого Бурлюка в этом ответственном деле:

Очень важно без отсрочки,
Ежедневно, в сырь и в ясь,
Не лениться в книгу строчки
Метить, Дуся, не скупясь.
Коль писать о дне отложишь –
Позабудется деталь,
И забывчивости рожи
Правду вмиг отгонят вдаль.
И дневник тогда утратит
Свежесть, ласковость цветка.
Дни бегут, как мчатся тени,
Чтобы выросли века.

15 апреля 1937 года Маруся запишет: «В Москве умер Ильф. Бурлюк понес в «Рус. Голос» его два автографа и рисунки – наброски, сделанные с него». В газете, в которой Бурлюк проработал около двадцати лет, вышел тогда большой материал об Илье Ильфе.

Так о чем же написал Бурлюк Никифорову «на отдельном листе»?

Вот этот фрагмент:

«Писания Ильфа об Америке устарели. За 20 лет неслыханно наша страна САСШ шагнула вперед. Катаева видали в Москве. Также и «Квадратуру круга» – писали о ней. Америка страна необычайных возможностей, очень богатейшая! 1000 музеев! 350000 молодых художников. Тысячи газет… Необычайное количество всего… Нельзя писать так с кандачка – фельетонно, как И. и П. Но они мертвы, и о них лучше (de mortuis aut bene aut nihil)».

Несмотря на любовь к России, к концу 40-х Америка стала для Бурлюков домом. Еще в 20-х Бурлюк называет ее мачехой, в 30-х – помогает Марусе справиться с ностальгией и называет США «второй Родиной», а в ноябре 1957 пишет Никифорову

Владимир Маяковский. Портрет Давида Бурлюка

из Карловых Вар: «Мария Никифоровна ужас как скучает за домом – Америкой…». Бурлюк, тот самый Бурлюк, который писал хвалебные стихи о Ленине и изображал портреты Сталина на своих натюрмортах, начал критиковать советскую власть. «Мы Родину любим, ценим, но кого любишь, тому не льстишь», – писал он Никифорову. Америку же, наоборот, Бурлюк с Марусей теперь защищают. После Ильфа и Петрова «досталось» давнему знакомому Бурлюков, еще одному одесситу, Корнею Чуковскому, который разгромил американскую литературу на одном из съездов писателей. Вот что пишет Бурлюк Никифорову 5 июня 1959 года:

«К.И. Чуковский накинулся на Америку, обвиняя ее «в упадке лит. вкуса»… Из-за дерев леса не видит. Америка – богатейшая страна. «Догнать и перегнать ее – наша задача». Если Америка будет лет 10 стоять на одном месте и поджидать догоняющих и перегоняющих! <…> Надо изучать страны, с коими желаем жить в мире. В Америке *полная свобода печати*. Пиши, что и как хочешь, и, *если ты можешь добиться до читателя*, торжествуй. Вообще, обвинять одну сторону в чем-либо, особенно в текущий момент, когда нужна *дружба народов*, не хорошо, не нужно! Тем более что к САСШ это не применимо. Это страна *добрых* людей, *культурных* и совершенно не склонных к жестокости или варварскому насилию над *мнением*, вкусом или даже *инквизиционно* («за футуризм надо сечь!») склонных лишать свободы или, даже! жизни. <…> Корней Чуковский, старчески ища успеха для своего выступления, односторонне подошел к Америке, ее литературе, преувеличивая и стараясь мало осведомленной аудитории пустить шерсть (Wool) в глаза, как говорят по-английски».

Маруся добавляет: «И жизнь, она отсеет то, что ценно, и вам не надо плакать о нас, американцах».

Дальше – больше. 11 октября 1963 года:

«Россия отстала, Россия в живописи и литературе вся под пятой старых, провинциальных, отсталых вкусов, отворачиваясь от жизни Запада. Без «Запада» жить нельзя. Изоляция вредна и экономически, и эстетически.

Володя Маяковский боролся с этим и погиб в неравной схватке со вкусами толпы».

Такая эволюция взглядов вызвана не только объективными, но и, безусловно, субъективными причинами – после двадцати непростых лет в Америке Бурлюки наконец обрели и славу, и достаток; в России же, наоборот, его имя замалчивалось, все попытки организовать выставку или опубликовать книгу (воспоминаний, стихов) властью игнорировались, и даже респонденты после одного-двух писем прекращали переписку – это было небезопасно. Оставался один бесстрашный Никифоров, которому Бурлюк выплескивал время от времени свои эмоции.

И все же Бурлюк до конца своих дней оставался «левым». Я приведу чуть позже несколько цитат, но вначале расскажу о забавном, почти детективном эпизоде, произошедшем в Америке с Ильфом и Петровым.

Планируя поездку, авторы еще в Москве решили проехать через весь материк – от океана до океана. «План поражал своей несложностью. Мы приезжаем в Нью-Йорк, покупаем автомобиль и едем, едем, едем – до тех пор, пока не приезжаем в Калифорнию. Потом поворачиваем назад и едем, едем, едем, пока не приезжаем в Нью-Йорк». Для реализации плана не хватало самой малости – денег, машины, а самое главное – водителя, гида и переводчика в одном лице.

Слово авторам:

«Итак, перед нами совершенно неожиданно разверзлась пропасть. И мы уже стояли на краю ее. В самом деле, нам нужен был человек, который:

умеет отлично вести машину,

отлично знает Америку, чтобы показать ее нам как следует,

хорошо говорит по-английски,

хорошо говорит по-русски,

обладает достаточным культурным развитием,

имеет хороший характер, иначе может испортить все путешествие,

и не любит зарабатывать деньги.

Последнему пункту мы придавали особенное значение, потому что денег у нас было не много. Настолько не много, что прямо можно сказать – мало.

Таким образом, фактически нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид: гидо-шоферо-переводчико-бессребреник. Тут бы сам Мичурин опустил руки. Чтобы вывести такой гибрид, понадобилось бы десятки лет».

И вдруг – неожиданная удача. Почти сразу по приезду Ильф и Петров выяснили, что газета «Русский голос», в которой Давид Бурлюк работал семнадцать лет – с 1923 по 1940 год, незадолго до их приезда в Америку «на свою голову начала… печатать подвалами «Двенадцать стульев», – как писал Ильф в своем письме жене 20 октября. «Мы попросили гонорар. Денег у них, в общем, нет, и они предложили в шоферы, переводчиком и гидом своего редактора. Он поедет с нами, а содержать его будет редакция. Наем шофера, он же переводчик, обошелся бы в 300 долларов».

Гибрид нашелся.

Детали сейчас установить трудно, но – вполне может быть – идею публикации популярного романа подкинул редакторам именно Бурлюк, высоко ценивший творчество одесско-московских авторов.

События разворачивались бурно. В первый раз Ильф и Петров встретились с редактором «Русского голоса» Александром Яковлевичем Браиловским у советского консула. Это неудивительно – как писал Бурлюк Н.А. Никифорову 25 июля 1957 года, «…эта газета – единственная русская просоветская газета, которая существует за границей…». Узнав, что в «Русском голосе» печатают их роман без всякого на то их согласия и, разумеется, без авторского гонорара, они был крайне удивлены. Идею потребовать гонорар подсказал им «левый» писатель и журналист Эммануил Поллак, который на третий день по прибытию Ильфа и Петрова в Соединенные Штаты пришел брать у них интервью.

Вот что пишет в своем дневнике Ильф:

10 октября: «Сейчас же пришел Поллок, автор книги «СССР в образах и лицах». Он возбудил в нас желание получить деньги с «Русского голоса» за печатание «Двенадцати стульев». Не успели мы разговориться на эту увлекательную тему, как пришли Хиндус и Джо Фримен. Фримен улыбаясь сказал, что Пильняк научил его таким словам, которых Крупская не знает».

11 октября: «Редактор «Русского голоса» совершенно с нами согласен. Надо просить было разрешения печатать «Двенадцать стульев», надо авторам платить гонорар, но денег нет, и он считает, что получить ничего нельзя в том месте, где ничего нет. Мы, однако, монотонно повторяли, что имеем желание получить гонорар. Еще при нем пришел Поллок и, выждав его ухода, прочел восторженное интервью с нами». И еще одна короткая запись в тот же день: «Утром урок (английского. – **Прим. автора**). Трудновато. Браиловский. Поллок».

19 октября: «Переговоры с «Русским голосом» кончаются тем, что они дают нам Браиловского на 2½ месяца шофером и переводчиком».

31 октября: «Драматическая история между представителями «Р. Г.» и Браиловским. Надоело до безумия. Поездка понемногу разваливается. <…> Хочется договориться с Троном. Снова Браиловский и «Р. Г.».

4 ноября Ильф писал жене: «Поедет с нами, кажется, не Браиловский, а мистер Трон с женой, о которых я Вам уже писал. Это американец, великолепно знающий Америку, а жена его прекрасно правит автомобилем. Мы их почти уговорили ехать».

Уговорили. Соломон Абрамович Трон, выдающийся инженер-электротехник, много лет работавший с СССР, и его жена Флоренс действительно сопровождали Ильфа и Петрова в их путешествии, организовав отличный маршрут и интересные встречи. Авторы вывели их в книге под именами мистера и миссис Адамс. Александр Браиловский остался в Нью-Йорке.

За несколько лет до Ильфа и Петрова, в 1931 году, такое же путешествие по Америке совершил Борис Пильняк. Он так же проехал всю страну и описал свою поездку в романе «О'кей». В Нью-Йорке Пильняка встречал все тот же Браиловский, а в поездке по стране сопровождал писатель и публицист Джозеф Фримен, соучредитель – совместно с Майклом Голдом – журнала «Нью-Мессиз», а также первого в Нью-Йорке клуба имени Джона Рида.

Активными членами «Клуба Джона Рида», в котором собирались писатели и художники левых взглядов, были Давид Бурлюк и его друзья-художники Николай Цицковский, Рафаэль и Мозес

Сойеры. Работы Бурлюка, Цицковского и братьев Сойеров вместе с работами ряда других американских художников были представлены в 1931 году на выставке «Джон Рид Клуба» в Москве, а после – в Харькове и Ленинграде.

Интересна дальнейшая судьба редакторов «Русского голоса» и других участников этой истории, а особенно – смена их политических взглядов и убеждений. Александр Браиловский, тот самый «юноша бледный со взором горящим», которому посвятил свое стихотворение Брюсов, пламенный революционер, приговоренный в 1903 году к смертной казни, редактировавший помимо «Русского голоса» еще и коммунистический журнал «Новый мир», в начале 1930-х отошел от коммунистических взглядов, бросил все и уехал в Калифорнию. Произошло это как раз между визитами Пильняка и Ильфа с Петровым. Причиной тому послужили сталинские «чистки» советского государственного аппарата от евреев. Через несколько лет он все же вернулся в Нью-Йорк и помимо работы в «Русском голосе» стал постоянным сотрудником известнейшей эмигрантской газеты «Новое русское слово», которая придерживалась совершенно других взглядов на Советскую Россию. В 1955 году в Нью-Йорке вышла его поэтическая книга «Дорогой свободной», а следующем году – сборник «Временщики в Кремле» с подзаголовком «Политические басни и пародии».

«Левый» писатель и журналист, автор книги «СССР в образах и лицах» Эммануил Поллак (именно тот, который «возбудил» в Ильфе желание потребовать гонорар и затем опубликовал в газете «Soviet Russia Today» восторженное интервью с писателями – с их биографиями и фотографиями), тот самый Поллак, в одной из книг которого была репродуцирована работа Бурлюка «Дети Сталинграда», и который написал статью «На даче Бурлюка», тоже сменил политическую ориентацию. 8 мая 1957 года Бурлюк писал Никифорову: «Поллак… недавно перебросился (сволочь!) в антисоветский лагерь. Гадина, скажи – сколько дадено?»

Соломон Абрамович Трон, мечтавший поселиться в Советском Союзе и там работать, после присутствия на московских процессах 1937 года вернулся в США совершенно убитым и никог-

да больше не хотел переехать в СССР, оставаясь при этом «советским поклонником».

Д. Бурлюк. Портрет Давида Захаровича Крынкина. 1939

Несмотря на критику доминирующих в СССР эстетических взглядов и предпочтений, вызванных в первую очередь нежеланием признавать его искусство, сам Давид Бурлюк до конца жизни считал себя «советским человеком». Фраза из его письма Никифорову от 6 июля 1957 года прямо говорит об этом: «Все советские люди (а мы с вами всегда были и стоим в их классе) живут под лозунгом «любовь к человеку, забота о великом человеке». При этом Бурлюк очень дорожил американским паспортом и не согласился обменять его на советский даже ради получения из запасников советских музеев своих ранних картин – во время поездки в СССР в 1956 году.

Таким же «советским человеком» считал себя и новый редактор «Русского голоса», многолетний близкий друг Давида Бурлюка Давид Захарович Крынкин (в «Русском голосе» одновременно работало несколько редакторов, Бурлюк тоже читал себя таковым). Он стал редактором после отъезда в Калифорнию Александра Браиловского, в 1933 году, и руководил газетой до самой своей смерти в 1959 году. Тяжело больной Крынкин вместе с первой группой, организованной «Русским голосом», приехал по приглашению общественных организаций в СССР – и диктовал на больничной койке своей жене статью «Москва миролюбивая», опубликованную в «Русском голосе» 20 декабря 1959 года. Давид Крынкин похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Давид Бурлюк подарил Никифорову карандашный портрет Крынкина, выполненный в 1939 году. В правом нижнем углу Бурлюк написал: «Давид Захарович Крынкин – редактор «Русского голоса» с 1933 до своей смерти в СССР». Сергей Денисов, нынешний владелец коллекции Никифорова, выставил его в 2012 году на продажу через аукционный дом «Гелос».

Ну а дальнейшую судьбу картин и рисунков, подаренных Давидом Бурлюком Ильфу и Петрову, нам еще предстоит узнать.

Борис Чирков

Промашка богов

Памяти Игоря, поэта

Я не знал, как пришел Игорь к стихотворению о Сизифе, – неисповедимы пути поэтовы, – но он его написал и однажды прочитал мне. Было это давно.

У меня на этот вопрос: «Почему Сизиф?» – есть два предположения, одно, может быть, вернее, второе – поэтическое, гротескное: общаясь с Игорем, я, ясно, подхватывал его образ мышления. Приведу здесь оба.

Итак, первое. Все одесситы, насколько я их знаю, народ особый. У них на все свое особое мнение. Некое недоверие (при будто бы согласных кивках) к говоримому собеседником и вслед за ним возражение (вот вы сказали… или известное: я знаю… но вот о чем я подумал…) – норма общения одессита. О недоверии ко всему на свете этого племени говорили Бабель и Багрицкий. Бабель – устами Бени Крика: «Все ошибаются, даже бог». Так мог сказать только одессит. Багрицкий: «Ну как, скажи, поверит в эту прочность еврейское неверие мое?».

Игорь не еврей, но он одессит, а Одесса дышит одним воздухом.

И вот Игорь не поверил в безвыходность положения Сизифа и оказался прав. Он, исполненный здравого недоверия, поискал в прочной, как камень, ситуации Сизифа трещину – и нашел ее. Нашел промашку богов.

Но об этом позже. О промашке.

Теперь поэтическая версия.

Тут надо сказать об Игоре. Картина, которую я представлю, полностью входит в мое доказательство, в тему о Сизифе. Игорь жил в крохотной комнатушке напротив выхода с Привоза (в сторону Молдаванки), единственное окошко было прикрыто сверху верандой второго этажа, так что в комнате всегда было темно. Окно выходило на классический одесский дворик: в центре его стояла водопроводная колонка, за ней – вид на Привоз, толпящийся народом. Общественный сортир рядом с квартирой Игоря, справа; если выйдешь подышать свежим воздухом, услышишь, как там плещется вода. В сортир валит всяк с Привоза и просто с улицы.

В комнате – проваленный до пола диван и стол перед ним, освещаемый потолочной лампочкой с жестяным абажуром. На стенах холсты и листы ватмана, подаренные художниками, приятелями Игоря, и его собственные работы – «пробы пера». Стены и потолок давно-давно не белены, почти черны, но это мало волнует Игоря. В доме его часты гости – поэты, художники, некие новые люди, показавшиеся хозяину квартиры любопытными: банщик, пишущий стихи, милиционер, пишущий музыку на стихи банщика. На клеенке стола бутылка-две молдавского кисляка «Вин де масе» (столового), который переводится здесь как «Вино в массы», тарелочки с дешевой колбасой, нарезанным огурцом и помидорами, хлебом… За столом шумно, интересно, весело. Здесь читаются и обсуждаются стихи (до стен ли, до потолков ли, когда «в сухой реке пустой челнок плывет»?).

Стихи собравшихся за столом талантливы, необычны – как всегда необычны стихи андерграунда – в них смелость и вызов подпольщиков, кукиш официальной поэзии, образы граничат с сумасшедшинкой, впрочем, именно сумасшедшинка, поэтические, скажем так, закидоны и признаются за этим столом. Кто хлеще сказанет – примерно так – тот и пан…

Все гости Игоря бедны, иногда бездомны (снимают где-то угол), работают то там, то тут (какая чепуха – работа! о ней ни слова!), одеты черт-те как, у девушек прическа чаще всего «я у мамы дурочка», модная в то время… Но какие бриллиантовые строчки они произносят! Какую суть вещей – поэтическую – они здесь провозглашают!

…И сам я был не детище природы,
Но мысль ее,
Но зыбкий ум ее!

Хозяин темной комнаты олицетворял собой облик поэта: беззубый (откуда взять деньги на протезы?), пух на голове, слегка вытаращенные глаза, громкий актерский голос. Поэта того времени, когда власть публиковала лишь проверенных стихотворцев, тех, что не выходили за рамки, разрешенные цензурой. В этот список Игорь не попадал ни под каким видом, и стихи писались не то что «в стол», ибо ящика у его стола не было, а «на стол», над которым и произносились.

В то время, когда меня с ним познакомили, Игорь рисовал портреты… покойников.

В своем районе он чисто случайно слепил себе удачную рекламу художника. Как-то из крохотной фотографии умершего старика он сделал по просьбе сына этого старика портрет маслом: неважный, понятно, но – холст, но – масло, но – рамка. «Патрет!» Знакомому работа понравилась (в музеях он не бывал даже на экскурсиях, организованных предприятием), и сын покойного стал показывать портрет соседям. Тем тоже захотелось увековечить своих предков, от которых остались плохонькие фотографии, где лицо было иногда с копейку, и наш районный портретист некоторое время был и занят, и обеспечен заработком. За работу он получал то небольшие деньги, то продукты: сало, картошку, вино, вяленую, соленую или свежую рыбу, даже муку и сахар – это зависело от того, кем был заказчик. И тогда начинался пир, на который приглашались люди Круга.

…Все это была богема, сборище высокомерных нищих, гордых своей приближенностью к тому, за что богачи отваливают миллионы. Они и богачи были на расстоянии вытянутой руки от искусства. Может быть, даже ближе к нему; да, гораздо ближе, потому что они *понимали* его и сами кое-что для него делали… По этой причине в их глазах сиял, выражусь высокопарно, свет истины, с этим светом в глазах они и ходили по улицам… Они были приобщены к святая святых человеческого избранничества – творчеству, искусству, поэзии…

Ничто еще не говорит о Сизифе? О Сизифе с его каменной глыбой, которую он вкатывал и вкатывал на вершину горы, чтобы увидеть по завершению подвига, как она вырывается из рук и летит вниз, высекая искры от столкновения с другими камнями и разбрызгивая осколки?

Игорь работал над стихами по ночам. Работал на износ, как это и бывает с поэтами, чей слух уловил звучание строки-струны; работал, то расхаживая по комнате, то бросаясь к столу, где перо и бумага, и спешно писал, то снова расхаживал, бормоча, время от времени вскрикивая, либо ударяя вдруг кулаком в ладонь, когда находилось искомое слово или складывалась наконец-то строка… То, обессиленно поникнув, сидел, как бывает после максимального напряжения, принесшего удачу, но забравшего все силы…

И вот стихотворение закончено!

Нет, оно еще не о Сизифе, другое. Может быть, это?

…И ночь по каплям расплескала
Акаций белое вино!

Всякий раз, когда Игорь велением богов вкатывал тяжкую глыбу стихотворения на вершину (извилины мозга тогда походят на напрягшиеся мускулы, познавшие величину груза), он уже по опыту знал, что там, наверху, его ожидает удивительный свет, даже сияние, летящее над другими вершинами и озаряющее лицо поэта.

А проснувшись поздно утром – вершина, ночной подвиг, свет, сияние все еще не истаяли в сознании, – и увидев свою комнату (стены, потолок), услышав разговоры, но скорее крики во дворе, голоса в сортире и плеск воды за стеной, вдруг остраненно, как и привык, понимал, что… некий ночной камень опять скатился с горы, он последовал за ним и теперь находится в сыром и темном ущелье, откуда вчера и начал восхождение по крутому склону.

И еще понимал, что этой же ночью он снова упрется руками в каменную глыбу и начнет толкать ее вверх – чтобы выбраться из тесного ущелья к свету вершины…

И тут, наверно, замерцал, начал проситься в сознание Игоря образ Сизифа. Он «открыл ему дверь», вгляделся в него, так ска-

зать, рассмотрел, покумекал, проникся сочувствием и автоматом подверг одесскому недоверию его бедственное положение…

И увидел Промашку богов!

Сизиф, конечно, прохиндей, но и олимпийские боги, братавшиеся с людьми, распивавшие с ними нектары, любившие их женщин, вникавшие в их полоумные распри и активно участвовавшие в их разборках, – нам бы таких богов! – после всего этого они не могут быть всеведущи! Как и у людей, в их поступках должна просматриваться не-даль-но-вид-ность.

Конечно, я не помню стихотворения Игоря о Сизифе – так давно оно было мне прочитано. Но последнюю сценку и мысль поэта попытаюсь воссоздать. Прозой. Может, что-то и присочиню, столько лет прошло с того дня, когда оно было мне прочитано.

Скатываясь и скатываясь с каменистого склона, грохаясь о скалы, глыба Сизифа теряла кусок за куском, в ней стали появляться трещины, она становилась все меньше и меньше… и вот однажды Сизиф, спустившись вслед за ней к подножию горы, не нашел глыбы. Он стоял чуть ли не по колено в осколках, усыпавших за много лет подножие, но не мог разглядеть среди них, одинаковых, того, на котором были отпечатки его натруженных за долгое время пальцев, хранившего тепло его рук.

Но вот нашел один, придавивший еще свежую зеленую травину. Он поднял его, положил на ладонь, взвесил… Засмеялся… И неожиданно заплакал. Заплакал оттого, что не почувствовал больше в себе желания вкатывать наверх камень, понял, что силы на этот раз покинули его; понял, что кара богов исчерпала себя и, таким образом, порвалась его связь с ними, что сейчас он простой человек, на ладони которого лежит ни о чем не говорящий осколок серого камня.

Заплакал оттого еще, что понял: боги оставили его, отдалились, а ведь их кара и есть, если подумать, человеческое призвание…

Тамара Михайличенко

Главный инструмент художника – душа

Именно таким был порядок ценностей для заслуженного художника Украины, профессора живописи Валентина Владимировича Филипенко (1935-2013), именно душе отдавал он первостепенное значение в творчестве.

Восьмидесятилетний юбилей мастера, который приходится на конец мая, был отмечен камерной выставкой его эскизов в Клубе одесситов, что на Базарной угол Маразлиевской. Небольшая, чрезвычайно изысканная, высокопрофессиональная, она – как школа мастерства для художников. (Вообще, нужно спокойно и с пониманием относиться к тому, что в искусстве, как в каждой профессии, есть пространство, творческий этап, уровень работ которого рассчитан, как говорится, на «собратьев по разуму» – художников, серьезных коллекционеров, и совсем не важен «широкому зрителю».)

Теперь, по прошествии времени, когда жизненный путь завершен, а бесконечные возможности для изучения, анализирования и наполнения эпитетами большого творческого наследия Филипенко – одного из, без преувеличения, значительнейших современных художников – еще впереди, нельзя не отметить как главную составляющую личности огромное трудолюбие.

Несомненно, оно досталось ему в наследство вместе с фамилией от запорожского казака Филиппа, женившегося на турчанке, могучего деда Гната Алексеевича, получившего за участие в русско-японской войне награды за мужество и землю в Люстдорфе, где он построил дом и вырастил девятерых детей, один из которых и стал отцом будущего художника; Владимир Игна-

тьевич, отец, человек с золотыми руками, руководивший техническим училищем, сыграл важную роль в судьбе сына.

Валентин Филипенко прошел все лучшие доступные в его время ступени профессионального образования: художественную школу и училище в Одессе, живописный факультет Института Репина и при нем же, в Ленинграде, наивысший уровень – двухгодичные Творческие мастерские. Все этапы обучения для начинающего художника – это было старательное добросовестное постижение и совершенствование азов профессии, ее академического фундамента, и всегда с высшим баллом оценки результата.

Обучение, пребывание в Ленинграде, пришлось на период «оттепели», когда слегка открылся «железный занавес» и стали доступны неведомые прежде художественные достижения Запада. Они привлекали новизной, будоражили молодежь, ищущую что-то живое, отличное от приевшегося соцреализма. Филипенко видел, что существуют какие-то противостояния жесткой образовательной системе, удивлялся, что не все студенты готовы следовать ей, их даже отчисляют за непослушание. Но он оставался верен школе, академической программе и показывал прекрасные результаты.

Прозрение пришло позднее и было очень болезненным. Жестоким ударом после возвращения из Ленинграда в Одессу было обнаружить, что «там носили на руках, а здесь презирали и прозвали Академиком. И это после того как Ацманчук отменил его распределение в Кемерово, где ждала квартира и мастерская, когда приняли и оказали поддержку ведущие одесские художники.

Филипенко выдержал это потрясение, никуда не делась академическая школа, но особый климат Одессы сыграл свою решающую роль. Сначала ослепило солнце Юга. После Питера с его ровным сдержанным светом белых ночей и мрачной темно-серой осенне-зимней порой трудно было привыкнуть к обилию света и яркости красок родного города. Несколько месяцев Валентин почти ничего не писал, и гамма работ того времени не просто сдержанная, а темная, жесткая.

Валентин огляделся вокруг и обнаружил, что за годы его отсутствия художественная жизнь города сильно изменилась. Бурные события конца 1950-х годов – Международный фестиваль,

выставка в Манеже, диспут в Москве – всколыхнули молодежь и в Одессе, здесь также проходили молодежные диспуты, художники интересовались новыми течениями. А студенты живописного отделения его училища составили в начале 1960-х годов независимую группу и назвали себя «Нон-конформисты». В самом названии ее непринятие, непризнание существующих порядков, норм, правил – неприспособленчество. Высказывание талантливой рано ушедшей Люды Ястреб (1945-1980) прекрасно раскрывает ту глубокую духовную близость, которой полнокровно жили молодые художники: «…Никто не мог сказать художнику: веди линию туда, а не сюда, клади цвет туда, так и такой, изображай то, а не это. Он за все был в ответе сам. Рядом были другие художники. Много говорили, подробно и обо всем… Это был университет для душ, где каждое свободное проявление становилось радостью для других, где все соразмерялось, переоценивалось на основании внимательного отношения к своему внутреннему движению».

Знакомство молодых художников с разными периодами мирового искусства, обсуждение нового помогали становлению собственной творческой позиции каждого участника, сближая с задачей не просто изображать, как обычно требовалось, а отображать виденное, пропуская через собственное восприятие. Такой подход вводил автора как активную личность в произведение, поднимая над позицией простого исполнителя. Для художника это был путь к свободе с максимально полной возможностью реализации своего потенциала. Отсюда разнообразие манер, приемов, колористических решений, стилистик, требовавших чисто профессионального подхода и оценки.

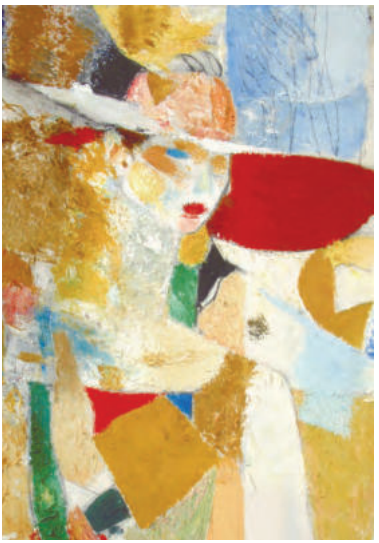
Такая принципиальная позиция в корне отличалась от академической, так хорошо усвоенной Филипенко за годы обучения. Конечно, молодые художники не владели таким крепким мастерством, как Филипенко, но он видел, что работы у них неординарные, мотивы от себя непривычно эмоциональные, приземленные, «без надстройки социевской», которую так уважали в академии. Все это влияло и на манеру письма, рождая собственный узнаваемый стиль каждого автора: «Егоров пишет свои перламутрово-богатые штуки… Сыч как-то оригинально де-

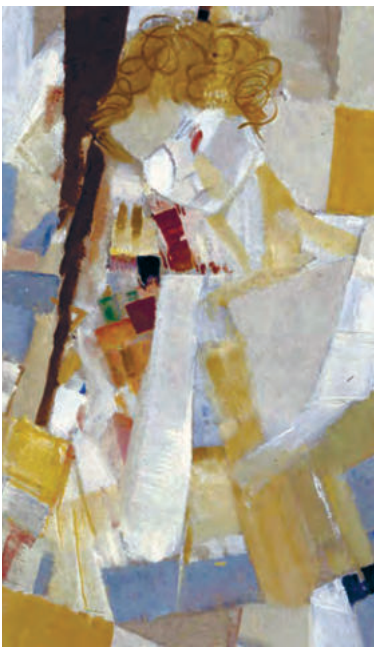

B. Pimenenko 2005

лал композицию, и выбор тем у него без проблем… Эдуарда Павлова ни с кем не перепутаешь, Ануфриев сразу узнаваем…».

«А я писал грамотно, но без эмоций… Я начал лечить себя. Помогали работы художников рядом», – вспоминал Валентин Владимирович впоследствии. Будучи вполне завершенным профессионалом очень высокого уровня, Филипенко не побоялся полностью перекроить себя, подняв свое искусство на следующую ступень творческого совершенствования и выразительности. Постепенно пришло переосмысление, осознание свободы выражения, того, что изобразительное искусство – это не привычный литературный рассказ, а процесс творчества, в котором присутствует сам художник, где «посредством пятна и линии проявляется волнение души художника». Вот эти важнейшие составляющие – душа, напряжение эмоционального состояния – стали для Валентина Владимировича Филипенко камертоном всего творчества. Он интуитивного искал возможности их максимально полного выражения доступными ему средствами – в живописи главное живопись, в которой и проявлены эмоции художника. Это повлияло на все составляющие его творчества: постепенно поменялась тематика, став теплой, интимной, романтичной. Соответственно в корне изменился колорит, превратившийся в гармоничный звонкий цветовой аккорд. Валентин Владимирович до конца жизни совершенствовал свое мастерство, делая поверхность холста, изображение все более эмоционально выразительными.

Так родился свой стиль – тонкий, трепетный, экспромтный, всегда узнаваемый. Живопись Филипенко – это наслаждение именно живописью, колоритом, пастозной или корпусной фактурой поверхности холста в разных ракурсах, работающей по-разному.

Получив очень хорошую профессиональную подготовку, Валентин Филипенко навсегда остался прекрасным рисовальщиком, работы которого демонстрировали студентам. Здесь, в рисунке, как и в живописи, за формообразующей ролью линии у него присутствует другое, главенствующее предназначение – эстетическое. Он понял, что в искусстве «чувство неизмеримо… Правильное рисование охлаждает чувство, в то время как

определенная оправданная неправильность несет в себе бо̀льшую эмоциональность. Поэтому так ценятся рисунки, сделанные с душой».

Так сложилось, что параллельно с активным творческим процессом Валентин Владимирович всю жизнь занимался преподаванием, ставя перед студентами задачи, решение которых молодежью нередко восторгало его самого.

Очень характерный и выразительный портрет Филипенко начала его педагогической деятельности в воспоминаниях Эдуарда Пасховера: «Валик в училище не был преподавателем по тональности отношений со студентами, он всегда «выпадал». Он преподавал, но был как товарищ, как человек, стоящий рядом за мольбертом, не делал из этого чего-то невозможного. И это давало нам, пацанам, уверенность, что мы тоже сможем это сделать. Филипенко многому научил: человеческому обращению, не как мэтр с кем-то, а как равный, и пить по-человечески. Он как-то умел быть на равных, при всей своей массе и мастерстве».

Вдумчивый, доброжелательный, разносторонне талантливый, глубоко постигший разные уровни и направления изобразительного искусства, Валентин Владимирович всегда старался помочь тем, кто идет следом. Пройдя серьезный путь профессионального совершенствования, Филипенко щедро поделился своими знаниями, издав в конце жизни альбом, где изложил суть своего творческого метода, свои выводы. Художник рассказал о своей жизни в мемуарах, о своем творческом методе – в статьях, показал свой результат в работах. Сам авторский текст – это интересные наблюдения и выводы образованного смелого художника, человека мудрого и честного в своих оценках.

Семен Кантор

Enfant terrible

Одесские концептуалисты в Киеве

Недавно произошло событие, которого в Одессе несколько десятилетий ждало большинство людей, занимающихся современным искусством.

12 июня 2015 года в Национальном художественном музее Украины открылась выставка «Enfant terrible. Одесский концептуализм», посвященная истории возникновения одесского концептуализма, его становлению и влиянию на последующие волны современного искусства Украины. В семи залах первого этажа главного музея страны представлен путь, проделанный художниками Одессы в поисках нового языка искусства с середины 50-х до наших дней.

Проведение этой выставки – констатация «культурной» общественностью страны факта, о котором мы, одесситы, знали давно: история современного украинского искусства начинается с возникновения в Одессе течения визуального искусства, названного впоследствии «одесский концептуализм».

Поиски в СССР нового искусства, а точнее – культуры, в конце 70-х годов объясняются возникновением патовой ситуации между уже не могущими правящими «верхами» и не желающими интеллектуальными «низами». Эти два мира существовали параллельно, обустраивая по отдельности свое пространство. Эта ситуация побуждала к выработке собственных средств интеллектуального выживания во враждебном окружении, созданию атрибутов своего стиля жизни – «пароля для своих».

В 70-е годы два подростка из физматшколы, Владимир Федоров (будущий Федот) и Алексей Коциевский, от скуки и развлечения ради устраивали хеппенинги и перформансы прямо в стенах школы (как вариант: прикрепить всю мебель в классе к потолку и ходить на руках, точно антиподы Льюиса Кэррола). Их уцелевшие рисунки и снимки того времени, остроумные, предельно

умозрительные, эвристические, с игрой языковых клише, местным фольклором, сопоставлением культурных пластов, свидетельствуют о начале нового потока в искусстве, названного юными художниками «кретинистическим реализмом». Уже тогда существовали утерянные ныне, сохранившиеся только в воспоминаниях работы Леонида Войцехова.

В начале 80-х поиски «другой культуры» привели молодых одесситов к такому феномену, как «одесский концептуализм». Зарождение группы началось со знакомства в 1982 году юного Сергея Ануфриева с Юрием Лейдерманом и Леонидом Войцеховым, ставшим вскоре неформальным лидером. Знакомство переросло в дружбу и сопровождалось совместным творчеством. Через некоторое время к ним присоединились Игорь Чацкин, Олег Петренко и Людмила Скрипкина (в будущем группа «Перцы»), Владимир Федоров, Дмитрий Нужин, Алексей Музыченко, Лариса Резун-Звездочетова и др. Тогда же Владимир Наумец проводит свои акции в Одессе и Москве (с Сергеем Ануфриевым в качестве ассистента).

Это было поколение свободных образованных и креативных людей, которые ценили внутренний интертекстуальный

диалог; мир, где было трудно провести грань между «жизнью» и «искусством». В творчестве, которое на первых порах являлось некоторым системообразующим элементом группы, они обращались к речевым и визуальным клише, укоренившимся в массовом сознании, вырывали их из контекста, показывая всю абсурдность окружающей реальности. Их произведения были своеобразными посланиями друг другу, посвященными обсуждаемым между собой проблемам. Зачастую творчество одесситов было совместным. Иногда объявлялась тема, и члены группы специально «под нее» создавали стихи, целые серии рисунков и объектов. При этом множество идей и проектов так и не было реализовано.

1983-85 гг. были всплеском одесского акционизма. Первая выставка-акция «Родня» была организована в 1983 г. За ней последовала серия других квартирных выставок, акций и перформансов. «Способы убийства флагом», один из самых известных перформансов, был проведен в 1984 г. на квартире у Л. Войцехова Ю. Лейдерманом и И. Чацкиным. Флаг, священный сакральный символ советского человека, был объявлен одесситами орудием насилия. Среди других акций наиболее известны проекты Л. Войцехова «Разведка художественных залежей» и «В два счета» (1987), смысл которых состоял в ироничном отрицании коммерческого искусства.

С 1983 г. выставки одесситов проводились в Москве на квартирах известных московских концептуалистов, а московские художественные группы участвовали в одесских акциях. Во второй половине 80-х одесские концептуалисты постепенно переехали в Москву, влив «свежую кровь» в московскую школу. Местом «дислокации» становятся московские художественные сквоты «на Фурманном», затем – «на Чистых прудах», с которых начинается новый этап их творчества, но уже как самостоятельных и самодостаточных художников.

Искусство одесского «концептуалистского круга» передало то состояние, в котором находилось советское общество, в некоторой степени используя методы соц-арта, «Одесский феномен» также сыграл здесь немаловажную роль. «…Все в Одессе были окружены текстами, которые постоянно произ-

На открытии выставки в музее

носятся на улицах, в анекдотах, в шутках, афоризмах, одесском юморе. И вот весь этот одесский сленг, жаргон, юмор, вся эта традиция, собственно, одесситов, она впервые нашла выражение в искусстве, приобретя такие абсурдные, гротескные формы, такие аформальные, аструктивные, деконструктивные…» (С. Ануфриев).

Одесситы были продуктом не академической среды, а андерграундной, поэтому их творчество тесно связано с неформальными течениями молодежной культуры 1980-х, от панка до New Wave. Их творчество чуждо социального пафоса, по-одесски витально и иронично, неряшливое и ребяческое. Если Борис Гройс в 1979 году в журнале неофициального советского искусства «А-Я» назвал московский концептуализм «романтическим», то одесский уж точно можно назвать гедонистическим, жизнерадостным.

В начале 90-х концептуализм в своем чистом виде завершает существование. В визуальном искусстве постепенно начинают преобладать новые медиа, видео, фото. Однако те немногочисленные живописные работы художников, еще только вышедших на одесскую художественную сцену, выполнены в той же иронической интонации, что и концептуальные предшественники. Вместе с тем новое поколение продолжило развивать мощно заложенную

в Одессе 80-х линию акционизма. Акции и перформансы в большой степени сыграли консолидирующую роль для всего потока нового искусства Одессы.

В начале нулевых современное искусство в Одессе переживало глубокий институциональный кризис. Отсутствие адекватного выставочного пространства, невозможность выставиться в музее, полное отсутствие галерей привело к маргинализации художественного движения. Художники были вынуждены выйти на улицы, спуститься в андеграунд. Акционизм как творческое и интеллектуальное наследие концептуализма стал своеобразной формой спасения художественной активности, так как не требовал денежных затрат.

В это время постепенно начинает возвращаться интерес к живописному искусству, причем приемы и методы концептуального подхода остаются. Новое поколение одесских молодых второго десятилетия XXI века также использует, даже если и не артикулировано для самих себя, методологию или элементы концептуального подхода.

Очевидно, что концептуализм в Одессе возник не внезапно и не остался целиком в прошлом, а стал культурным фундаментом и источником художественных генов для современных течений визуального искусства Украины.

Проект «Enfant terrible» разрабатывает основу для глубокого исследования этого пласта культурной жизни нашей страны. Представленная в НХМУ выставка сформирована сотрудниками Музея современного искусства Одессы на основе частных коллекций, архивов Одесского музея западного и восточного искусства, галерей и фондов. Впервые представлены редкие живописные и графические работы, документы и тексты.

Коллектив МСИО посвящает проект его скоропостижно скончавшемуся куратору Мирославу Кульчицкому.

Владимир Наумец

Забег в сторону

…середина семидесятых… московская квартира… пустая, просторная… непонятные предметы… графики… щиты… странные объекты… кухня в плотном сигаретном дыму… залита портвейном – там сидит «гнездо»… страннознакомые люди… свои знаки… символы… словечки… производят некое действо…

…идет какая-то игра… посторонним неясная… пока ее понимает только узкий круг людей… очень маленькая группа… горсточка в огромном соцлагере…

…один угол комнаты огорожен щитами… за ними – неизвестно что… темнота… в щите отверстие… небольшое, для глаза… но на уровне пояса… рядом с ним – черная кнопка звонка… приколота инструкция – прижать глаз к отверстию и нажать кнопку…

…резкий звук сирены разрезал комнату на части… разом все повернулись… все смотрят в угол…

…там, согнувшись, стоит человек… давит кнопку… пытается разглядеть что-то… но – ничего…

…все остальные взирают на его напряженный зад… вот и всё… казалось бы… но… воспринималось как знак всего направления… знак отношения… к системе… культуре… к «притянутому за уши соцреализму»…

…соцлагерь начинал шататься… когда он рухнет – никому не известно… но в подсознании все чувствовали –

…все мы загнаны в угол… за щиты… где нас не ждет ничего… пустота… и сирена возвещала об этом…

…рядом висел «График облысения марксизма-ленинизма»… рельефы – Солженицын из соли… Сахаров из сахара… «Железный занавес» из железа… лозунг «Качайте красный насос» с красным насосом…

…все было остро… талантливо… с издевкой… но язык этот тогда мало кто понимал… только свои… посвященные… посторонние «не дотягивали»… зрителей со стороны обычно мало… как и желающих «перевернуть свое сознание»…

…М. Рошаль часто говорил: «Надо дать им оторваться»…

…как позже… в Одесе… на первых моих акциях зрителей не было… да я и не оповещал – все заняты живописью… и непонятно – о чем это я… какое-то «Измерение пространства божьей коровки»… или же «Пространственный Знак»… когда вместо живописи в холсте вырезал знак… в пространство…

…на моих акциях только фотограф В. Ратушный… и друг-помощник Ира Порудоминская (сотворившая фразу-слоган «Пролетарии всех стран – пролетайте!»)…

…первыми «спрыгнули за бугор»… «слиняли за железный занавес» – Алик и Виталик (Комар-Меламид)… они снабжали «вредной» информацией птенцов «Гнезда» (своих учеников)… и все это надо было переводить в доступные для понимания знаки – этим и занималась Ира Порудоминская… зная языки… она километрами переводила и печатала… (ксероксов еще нет) делала бесплатно… как и всё тогда… и… за активное участие в этом канале информации… получает звание «бабушка московского концептуализма»… (сейчас ее материалы в ГЦСИ у Л. Бажанова)… потом… на Кузнецком мосту… выставила объект – платье из ремней и полос резины… как символ «свободы» «расцветающего социализма»… теперь уже разлетающего…

…провинцию… то есть Одессу стала просвещать Рита Ануфриева (Жаркова)… наезжая в столицу… знакомясь со всем новым… Рошалём, Донским, Скорсисом… потом с другими… делала фото… слайды… везла тексты… журналы… всё сама… по своей инициативе – просто знакомила Одессу с концептуализмом… совершая подвижку… подвиг…

…собирались у нее на Солнечной… за чаем… «за рюмкой чая»… и она выкладывала все привезенное богатство… все на вес золота… все новости-подробности…

…и что-то тронулось… лед тронулся… сознание завибрировало на другой частоте… это тогда Хрущик… поставил стакан с чаем на клавиши рояля… который издал звук… поднял свой никотинистый палец… и, не заикаясь, произнес – «Звук чая»…

…в воздухе незримо… но явно… висел концептуализм…

…он подавал импульсы… в одесское пространство… но мало кто был открыт этому… разве что такое ничем тогда не затемненное сознание, как Сергей Ануфриев… сын Риты… двадцати ему еще не было… и он сумел сохраниться… от школ, училищ… «Звук чая» он услышал…

…был открыт… обладал невероятным обаянием… общительностью… талантом… схватывал все на лету…

…он «влип» в столичные тусовки… сразу со всеми перезнакомился… и, «бросив кости» у меня в мастерской на Солянке… составлял длинные списки… рулоны акций и перформансов… на ближайшее время… на Одессу…

…получил веселую кликуху Френ… он голодный… без гроша… облазил всю Москву… впитывая идеи… и разбрасывая свои… вместе с ароматом «травки»… – на алкоголь, святое дело «на троих» – удел старого сознания… не для него…

…помню одесский двор… выйдя из подвальной мастерской Руслана Макоева… где мы тогда работали… Сережа торжественно сжигал все свои живописные опыты – всё, он свободен…

…Сережа подключился к каналу «Алик-Виталик»… направил ручеек в Одессу… а за ним в столицу… потянулись «свободные» личности… не привязанные к школе, институту, семье…

…я был у Мони (А. Монастырский), когда Сергей впервые привел к нему Ю. Лейдермана… разложившего как колоду карт… картонки… типа вырезанных из обувных коробок… замазанных каким-то зубным порошком…

…Сережа сделал многое… многих он выуживал из застойной Одессы… и окунал в молодую энергию московского концептуализма… еще чистую… без задних мыслей… о продаже, выставке, печати… рассчитанную на свой, узкий круг… посвященных… «крыша» которых не просто «поехала»… она перевернулась… стала чашей… наполнямой новым сознанием… разрушающим старые традиции… штампы… догмы… расшатывающим всю систему государства…

…когда М. Рошаль сотворил акцию «Забег в сторону Ерусалима»… то это… был забег в сторону… от генеральной линии партии… правительства… в сторону от… победы коммунизма…

в сторону от «притянутого за уши» социалистического реализма… и это уже понимали все… кто принимал концептуализм…

…сейчас… с расстояния… ведь прошло несколько десятков лет… понимается… или ощущается разница энергий – концептуализм *до* перестройки… и концептуализм *после* перестройки…

…и это «две большие разницы»… тогда – риск… опасность… чувство слежки… «искусствоведы в штатском»…

…приятель с Солянки… бывший «стукач»… с профессиональным глазом… вдруг ко мне: «ты что натворил? За тобой в синей куртке весь день ходит»…

…все знали… чтоб телефон не прослушивался – диск повернуть… и вставить карандаш… (мобильник еще не родился)…

…сажали за решетку… или в дурдома… не за концептуализм… а за тунеядство… что значит – проявление свободы (любой) в несвободной зоне…

…выходим с Оскаром Рабиным… из его квартиры… что-то у нас подмышкой… картоны… планшеты… доски… сбоку у подъезда черная «Волга»… в ней две хари смеющиеся… щелкают объективом – кто вошел?… кто вышел? что вынес?…

…по-моему, Оскар с ними здоровался… просто приветствовал их… а они его… у каждого своя работа…

…в своей основе концептуализм – это попытка нахождения себя… встречи с собой… и единение с другими… такими же…

…это предчувствие распада… вот с чего гон начинался… и распад произошел…

…концептуализм разрушил систему… перевернул «крышу»… заставил все видеть по-другому – другие связи… значения… смыслы… он тихо и незаметно… исподтишка взорвал систему ценностей…

…родилось новое поколение… свободных и «непривязанных»… которые… «дадут оторваться»…

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Дирижер на белой лошади, или «Сам Давингоф!»

В начале XX века музыка в Одессе звучала на многих открытых площадках в центре города. Сто лет назад в городе работало множество музыкантов, услаждавших слух одесситов самой разнообразной музыкой. Валентин Петрович Катаев вспоминал: «В Александровском парке играл военный духовой оркестр под управлением известного Чернецкого. На Николаевском бульваре между памятником Дюку де Ришелье и павильоном фуникулера играл другой оркестр, которым дирижировал еще более знаменитый маэстро Давингоф, сидя верхом на кобыле…». В.П. Катаеву вторил Юрий Карлович Олеша в повести «Ни дня без строчки»: «Приходит в голову уже из одной и той же сферы – матрос Грос, 1905 год, пожар порта, Каульбарс, поездка в Мангейм, директор гимназии, футбол. Приходят в голову морские офицеры с крестообразными черно-золотыми кортиками, гулявшие с дамами в белопенных шляпах, приходит в голову маэстро Давингоф, дирижировавший оркестром в кафе на бульваре, сидя верхом на белой лошади».

Об интереснейшей фигуре талантливого капельмейстера и композитора Л.И. Чернецкого мы напишем в другой статье, а сейчас хотелось бы поговорить об экстравагантном дирижере Давингофе, оставшемся в памяти одесситов – увы! – благодаря пресловутой белой кобыле.

Леонид Осипович Утесов, 120-летний юбилей которого в Одессе отмечают в этом году, запомнил и написал о музыкальных талантах Давингофа в своей последней книге воспоминаний «Есть город, который…» более подробно:

«Духовым оркестром дирижирует… в качестве гастролера «сам Давингоф». Я вам его нарисую: худой стройный человек. Вертлявый.

Давингофъ „Готово?".

Давингофъ „Какъ по маслу".

Черные усы, лихо закрученные «по-вильгельмовски». Маленькая бородка того же цвета. На голове всегда огромный белый колпак, примятый вроде берета.

Он, конечно, музыкант и, если хотите знать, даровитый. Дирижирует в чрезвычайно оригинальной манере. Движения ритмичны и своеобразны. На месте не стоит. Пританцовывает, а иногда просто танцует. Его специальность – вальсы, особенно Штрауса. Тут он великолепен. Он выдумщик. Однажды решил дирижировать, сидя на белой лошади. Музыканты были в ужасе. Кончилась затея печально. Лошадь попалась антимузыкальная и при первом аккорде фортиссимо вздыбилась. Всадник свалился. Правда, в темпе, но лошадь покалечила нескольких музыкантов… Бедный Давингоф! Он не дожил до джаза, вот где мог бы развернуться его веселый талант!»

Прекрасной иллюстрацией характеристики Давингофа, данной Л.О. Утесовым, служит колоритная серия из восьми открыток, изданная очень популярным в Одессе издательством, называемым филокартистами «Якорек». Фотографии постановочные, то есть выполнены не

во время выступления оркестра, а в стильном салоне одного из маститых одесских фотографов на красочном растительном фоне, возможно, по заказу самого маэстро. Экстравагантные позы дирижера Давингофа прокомментированы меткими подписями под фотографиями, от: «Готово?» – на первой, до – «Finita!» – на последней. Четырехзначные номера на фотографиях, размещенные рядом с логотипом фирмы, следуют один за другим, что позволяет считать, что в нашей коллекции полное собрание редких фотооткрыток с изображением пританцовывающего дирижера Давингофа. Время изготовления фотографий, по нашему мнению, примерно соответствует 1904-1906 годам.

Давингофъ „Правда, хорошо?!"

Давингофъ „Excelsior".

Чудаковатый даровитый музыкант, вокруг которого в городе плелись легенды, герой одесских открыток, предстал перед нами в совершенно другом качестве после изучения недавнего пополнения нотной коллекции. К слову сказать, наша одесская нотная коллекция – это неотъемлемая часть обширной одесской коллекции, состоящей из старинных открыток, фотографий, предметов быта, реклам, афиш и т. п. Значительная часть нашей

Давингофъ „Allegretto Gracioso".

Давингофъ „Спуртъ на финишъ".

коллекции представлена в выпущенных нами солидных альбомах: «Одесса на старых открытках», «Старая Одесса. Торговля и промышленность», «Старая Одесса. Фотографы и фотографии». Возможно, коллекция старинных одесских нот станет темой или одной из тем следующего издания.

В Одессе с первой половины XIX века до 1920 года активно работали сочинители самых разных нот, как профессиональные музыканты, так и многочисленные любители, и просто знатоки музыки. К их услугам были нотопечатни, нотоиздатели и музыкальные магазины. Художники-дизайнеры по традиции тех лет снабжали ноты яркими привлекающими внимание потенциальных покупателей обложками.

Наше внимание привлек титульный лист нот вальса «Одесские ласки», сочиненного В. Давингофом. Какая ласковая одесситка оставила неизгладимые воспоминания у Владимира Христиановича и вдохновила на написание вальса, нам установить не удалось. Ноты были изданы в Москве крупнейшим нотоиздателем, поставщиком двора его императорского величества

и комиссионера императорских театров А. Гутхейлем на средства автора. «Одесские ласки» продавались в Одессе в музыкальном магазине Г. Шлейхера на Дерибасовской улице, 14, угол Екатерининской, в доме Греческого училища, о чем свидетельствует чернильный штамп на титульном листе.

Оборотная сторона нот потрясла нас еще больше, чем лицевая, так как там приведен список более 90 музыкальных сочинений для фортепиано Владимира Христиановича Давингофа.

Еще одни ноты – вальс «Разбитое сердце», на обороте которых также приведен, но уже более длинный список сочинений Владимира Давингофа, включающий около 100 произведений.

Под рубрикой «Любимейшие вальсы, сочиненные В.Х. Давингофом» представлена подборка из нескольких нотных фраз каждого вальса, любимого не только автором, но и слушателями, и исполнителями.
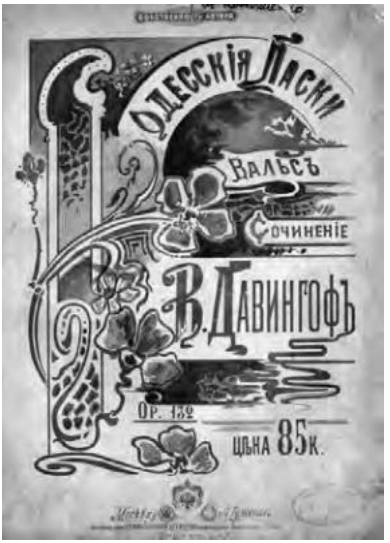
На лицевой стороне нот под названием «Музыкальные произведения» действительного члена Общества европейских композиторов Владимира Давингофа» опубликован список из 130 произведений

Давингофъ „Пли!".

Давингофъ „Finita".

композитора и его фотография. Это наиболее полный перечень произведений композитора в нашей коллекции.
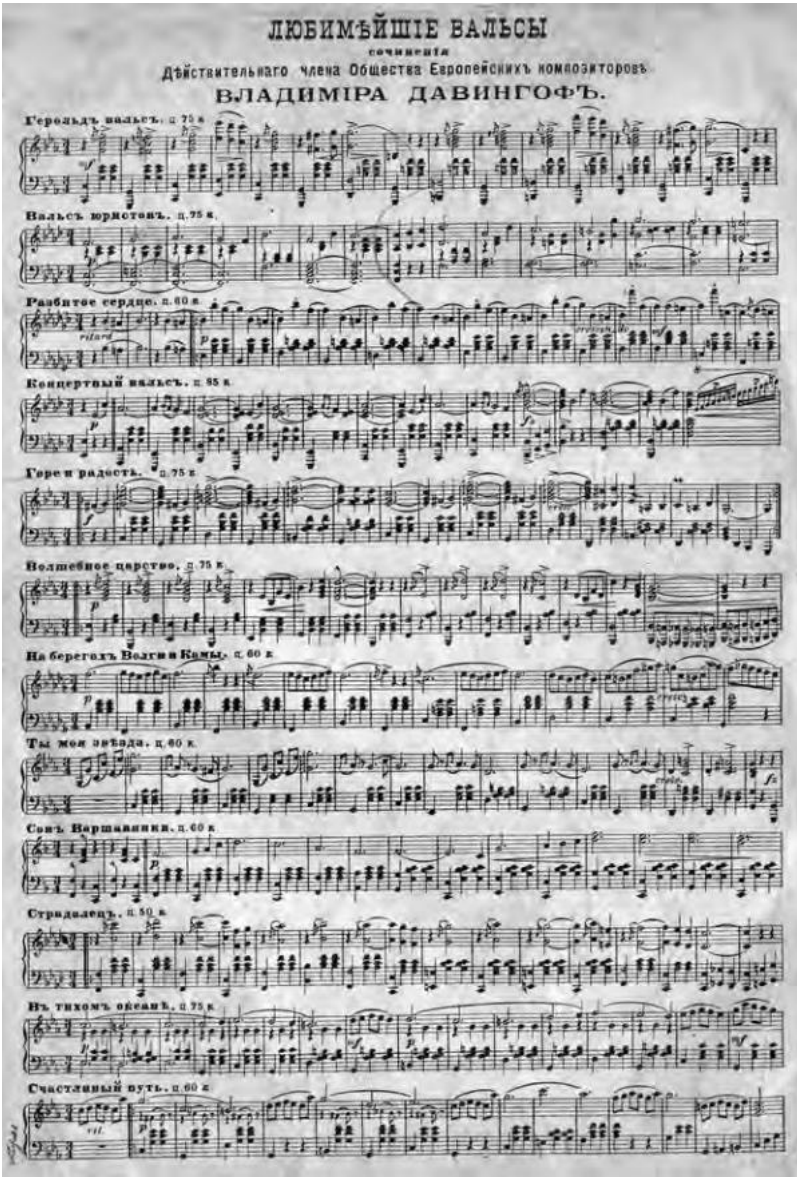
Сравнение портрета В. Давингофа на нотах с его изображением на одесских открытках не оставляет сомнений в их идентичности. Ноты с портретом композитора продавались в Одессе в магазине Э. Островского на Дерибасовской, 26, против «Пассажа».

Господин Давингоф традиционно издавал свои опусы за собственный счет. На всех нотах пропечатано его строгое уведомление: «За продажу моих музыкальных произведений, перепечатанных за границей, или за продажу таковых в партитурах, сделанных какими-либо другими капельмейстерами, или вообще кем-либо, буду преследовать по законам, а также исполнение моих произведений на каких бы то ни было механических инструментах без моего письменного разрешения – безусловно, воспрещается».

Последний закон о соблюдении авторских прав был принят в Российской империи 20 марта 1911 года, а так как В.Х. Давингоф не ссылается на него, что делали практически все сочинители в то время, то ясно, что ноты изданы ранее этого времени.

Ни одной даты на коллекционных нотах нет, не датированы и одесские открытки. Посему попытаемся установить годы творчества композитора В.Х. Давингофа по его опусам. Один из последней десятки произведений Давингофа – опус 154 «Бессмертный огонек на могиле великого композитора Римского-Корсакова» – может быть датирован не ранее 1908 года, года смерти Римского-Корсакова.

Опусы вальсов 58 и 62, «Парижская выставка» и «Эйфелева башня», явно посвящены Всемирной выставке в Париже 1889

ЛЮБИМѢЙШІЕ ВАЛЬСЫ
сочиненія
Дѣйствительнаго члена Общества Европейскихъ композиторовъ
ВЛАДИМІРА ДАВИНГОФЪ.
Геройдъ вальсъ. п. 75 к.
Вальсъ юристовъ. п. 75 к.
Разбитое сердце. п. 60 к.
Концертный вальсъ. п. 85 к.
Горе и радость. п. 75 к.
Волшебное царство. п. 75 к.
На берегахъ Волги и Камы. п. 60 к.
Ты моя звѣзда. п. 60 к.
Совъ Варшавянки. п. 60 к.
Страдалецъ. п. 50 к.
Въ тихомъ океанѣ. п. 75 к.
Счастливый путь. п. 60 к.

КОРОЛЬ МАГАЗИНЪ
Э. ОСТРОВСКАГО
Москва, Кузнецкій мостъ, № 16, въ Пассажѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Дѣйствительнаго члена Общества Европейскихъ композиторовъ

В. Х. Давингофъ.

Musikalische Werke des russischen Komponisten

Wladimir Dawingoff.

Op. 3. „Торговопромышленный" маршъ. — Handelsmarsch . . . —.60
„ 7. „Рыцарь", маршъ. — Ritter, oder Cavalliersmarsch . . . . —.60
„ 9. „Индійскія сказки", 2 тетр. — Indianermärchen . . . . . —.60
„ 11. „Разбитое сердце", вальсъ, 2 и 4 рукъ. — Gebrochenes Herz. Walzer . . . . . —.60
„ 17. „Колибельная пѣсня". — Wiegenlied . . . . . —.40
„ 21. „Барыня добрая", мазурка. — Herrlich gut Mamuska . . . —.40
„ 23. „Ты меня погубила". Романсъ. — Du hast mich damit gemacht. Gesang . . . . . —.60
„ 25. „Въ вагонѣ". Полька. — Zwei Trophäe. Polka . . . . . —.75
„ 27. „Гранада", вальсъ, 2 тетр. — Herold-Walzer . . . . . —.75
„ 29. „Подражаніе". Салонная полька-мазурка. — Die Hinmitsspe. Salonpolka . . . . . —.60
„ 31. „Индійскіе звуки". — Indische Klänge . . . . . —.50
„ 35. „Contact" маршъ. салонная пьеса. — Cot Heil Marsch . . . —.60
„ 36. „Вѣтеръ въ Средиземномъ морѣ". — Der Wind auf dem Mittelmeer . . . . . —.70
„ 37. „Мои слезы", вальсъ (со словами). — Meine Thränen. Walzer mit Text . . . . . —.50
„ 38. „Горе и радость", вальсъ. — Kummer und Freude. Walzer . —.75
„ 39. „Пѣснь Германіи". Траурный маршъ на кончину Императора Вильгельма, съ портретомъ. — Weine Deutschland! Trauermarsch . . . . . —.60
„ 47. „Концертный вальсъ". — Konzertwalzer . . . . . —.75
„ 49. „Гирлянды" полька. — Herkulespolka . . . . . —.60
„ 50. „Торжественный маршъ" на встрѣчу дорогаго гостя Герман. Императора Вильгельма. Festlicher Marsch . . —.75
„ 51. „Пѣснь мертвецовъ" (Songe Macabre). Симфоническая поэма. — Totentanz 1.50
„ 52. „Юбилейный маршъ". Jubelmarsch . . . . . —.60
„ 53. „Будемъ здоровы". Галопъ. — Wohlsein! Galopp . . . . . —.60
„ 54. „Свадебный" маршъ. Hochzeitsmarsch . . . . . —.60
„ 55. „Весна" вальсъ. — Frühlingswalzer . . . . . —.75
„ 56. „Пожарный" галопъ. — Feuerwehrgalopp . . . . . —.75
„ 57. „Кирасиры", вальсъ. — Kürassierwalzer . . . . . —.75
„ 58. „Парижская выставка", вальсъ. — Pariser Ausstellungs-Walzer . . . . . —.75
„ 59. „Мы вдвоемъ", вальсъ. — Zeit sind beide allein . . . . . —.50
„ 60. „Мигъ свиданія", вальсъ. — Ein Moment der Liebe . . . . —.60
„ 61. „Ищу меня сыскать, въ мигъ моей любви". — Trage mir zur Liebe —.60
„ 62. „Вѣрная любовь", вальсъ. — Eilebrin Walzer . . . . . —.60
„ 63. „Ты моя звѣзда", вальсъ. — Du bist mein, Walzer . . . . . —.60
„ 64. „Прощальный привѣтъ". — Abschiedsgrüsse . . . . . —.60
„ 65. „Кавказскія цвѣточки", кантата цыганскаго хора. — Die blue Zigeunern . . . . . —.60
„ 66. „Гарлемскій", маршъ. — Marsch der Marlesmädalen . . . —.60
„ 67. „Волшебное царство", вальсъ. — Im Hexenreich. Walzer . —.75
„ 68. „Похорон. дѣвица", маршъ. — Pictarem. Marsch . . . . . —.60
„ 69. „Сказы Россіи", маршъ. — Russlands Thränen. Trauer-march—.60
„ 70. „Франко-Русскій салонъ, танецъ". — Franco-russischer Tanz—.50
„ 71. „Испанскія мысли", вальсъ". — Spanische Gedanken, Walzer—.60
„ 72. „Музыкальная шутка". — Musikscherz . . . . . —.60
„ 73. „На Обѣу", галопъ. — Rendsbin-Galopp . . . . . —.60
„ 80. „Грезы" (пѣсня безъ словъ). Пьеса для фортепіано или фортепіано. — Träume . . . . . —.40
„ 81. „Рыси русской кавалеріи". — Russische Kavallerie . . . . —.50
„ 82. „Петербургская газета", юбилейный маршъ. — Petersburger Zeitungsmarsch . . . . . —.60
„ 83. „Рождественская пѣсня" (со словами). — Weihnachtslied —.60
„ 84. „Трурный маршъ" по случаю кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. — Trauermarsch . . . . —.50
„ 90. „Не вернется Волга и Кама". — Wolgawalzer . . . . . —.60
„ 91. „Не усидишь", вальсъ. — Du bist nicht aus . . . . . —.60
„ 92. „Рейнгольдскія лучи", вальсъ. — Rönigsmahlen-Walzer . . —.60
„ 93. „Ты моя ты", мазурка. — Sie sind mir Mamska . . . . . —.60
„ 94. „Праздничный маршъ". — Hoffest . . . . . —.60
„ 95. „Праздничный отдыхъ", вальсъ. — Sonntagsruhe. Walzer . —.60
„ 96. „Придворный полонезъ". — Hofpolonaise . . . . . —.50
„ 97. „Кадриль". Pas de Quatre". — Die Laurenballe . . . . . —.40
„ 99. „Послѣднія слова любви". Mignon. — Das letzte Wort der Liebe . . . . . —.40
„ 100. Торжественный гимнъ на Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. — Russische Krönungshymne . . . . —.50
„ 101. „Послѣдніе минуты" (Пушкина). Пьеса для фортепіано и фортепіано. — Die letzten Minuten von Puschkin . . . —.40
Op. 102. „Шкатунъ прилѣпись" — Der Witzbold . . . . . —.40
„ 103. „Вальсъ бенефиантъ". — Brillanten-Walzer . . . . . —.50
„ 104. „Съ звѣздными брызгами", маршъ. — Tannenbaumsmarsch . —.50
„ 105. „Какъ хорошо зимой", pas des patinoires (конькобѣжный) — Schlittschuhläufer . . . . . —.60
„ 106. „Тонъ-Титъ", Новый танецъ. — Tom Tit . . . . . —.50
„ 107. „Какъ сладко ты цѣлуешь", Романсъ. — Wie du küsst . . . . . —.50
„ 109. „Пашня-Пастуха". Сольсъ. пѣсня. — Russisches Bauernlied—.50
„ 110. „Электро-квадриль". — Electro-Quadrille . . . . . —.75
„ 111. Дѣтскій альбомъ изъ 12-ти легкихъ пьесъ подъ названіемъ „И то, съ и все хорошо". — Kinderalbum . . . . . 1.—
„ 112. „Меланхолическій вальсъ". — Melancholischer Walzer . . —.75
„ 113. „Вонетуженная пѣсня бурлитъ". — Burnelled . . . . . —.60
„ 114. Сонъ Варшавянки. — Der Traum einer Warschauerin . . . —.60
„ 115. Русскій народный маршъ. — Russische Paradenmarsch . . —.60
„ „ тоже въ 4 руки . . . . . —.75
„ 116. Серенада, вокальная. — Herzensständchen . . . . . —.40
„ 117. Страдалецъ, вальсъ, 2 руки. — Märtyrerwalzer . . . . . —.50
„ 118. Новый годъ (Сосѣдка XX вѣка. — Pas d'Espagne . . . . . —.40
„ 119. Де-Кунъ-Чанъ. Китайская характерная пьеса. — Li Wang Tschang . . . . . —.30
„ 120. Не обожай! Романсъ, съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. — Ach liebe nicht . . . . . —.50
„ 121. Вальсъ „въ Тихомъ омутѣ", 2 руки. — Im stillen Ozean —.75
„ 122. Бальная лезгинка. — Lesginka . . . . . —.40
„ 123. Дамскій вальсъ. — Damenwalzer . . . . . —.50
„ 124. Пасхальный вальсъ. — Osterwalzer . . . . . —.50
„ 125. Русско-Славянскій танецъ. — Russisch-slavischer Tanz . —.50
„ 126. Бальный чардашъ. — Csardas . . . . . —.40
„ 126-А. Бальный чардашъ. — Новое изданіе . . . . . —.40
„ 127. Давнее воспоминаніе, вальсъ. — Erinnerung aus Lindenwalde . . . . . —.75
„ 128. Горшскія сплетки. Характерный вальсъ. — Stadtklatsch —.50
„ 129. Московская танцовальная соленка. Кадриль. — Moskauer Quadrille . . . . . —.75
„ 130. Мечты и шалости гимназистки, вальсъ. Gymnasiasten streiche . . . . . —.75
„ 131. Быстро плыла, вальсъ. — Dielodenwalzer . . . . . —.60
„ 132. Одесскій вальсъ. вальсъ. — Schmiedehelzeiger . . . . . —.60
„ 133. Азіатскій маршъ. 2 и 4 руки. — Asiatischer Marsch . . . —.60
„ 134. Прошу отвѣтъ, вальсъ. — Bitte um Antwort. Walzer . . . —.75
„ 135. Зачѣмъ страдать, романсъ. — Warum Jammern? . . . . . —.50
„ 136. Шаю провѣтъ, вальсъ. — Bet gespräch . . . . . —.60
„ 137. Счастливый путь, вальсъ. — Glückliche Reise . . . . . —.60
„ 138. Кто онъ, петербургскій маршъ. — Petersburger Marsch . —.60
„ 139. Конь-Умникъ. — Cane Walk . . . . . —.50
„ 140. Полевальный вальсъ на тостъ брака, пьеса для фортепіано, для фисгармоніи и для фортепіано со скрипкой . . . . —.60
„ „ Der letzte Walzer . . . . . —.50
„ 141. Вальсъ юности, 2 и 4 руки, съ небольшой эффектной интродукціей. — Russischer Jugendwalzer . . . . . —.75
„ 142. 7000 бомбъ и гранатъ, галопъ. — Sieben Tausend tausche Bomben und Granaten . . . . . —.60
„ 143. „Русское танго" . . . . . —.50
„ 144. „Дипломатическая переписка", со словами . . . . . —.60
„ 145. „Не цѣлуй", романсъ, со словами . . . . . —.60
„ 146. „Маневръ въ Франціи", со словами . . . . . —.60
„ 147. „Англійскій вальсъ" . . . . . —.50
„ 148. „Американскій матчишъ", со словами . . . . . —.50
„ 149. „Пощелуй младенца", пьеса . . . . . —.50
„ 150. „Въ самой глубинѣ", романсъ . . . . . —.50
„ 151. „Гаваитянка" . . . . . —.50
„ 152. „Пасхальная", романсъ . . . . . —.50
„ 153. „Романсъ въ честь Франціи" . . . . . —.50
„ 154. „Великолѣпный гимнъ, не могущій имѣть конца. Романсъ безконечный" . . . . . —.50
„ 155. Серенада „Тянутся по небу тучи темныя" . . . . . —.50
„ 156. „Ай да тройка, скачетъ бѣгу, я жизни, я хочу" . . . . . —.50
„ 157. „Умный Уаде, Уаде", романсъ . . . . . —.50
„ 158. „Письмо А. С. Суворову" . . . . . —.50
„ 159. „Слезы птицы" (пѣсня на счастьемъ) . . . . . —.75
„ 160. „Помилуйте мою пастеучку", романсъ для 3-хъ голосовъ —.50
„ „ Тоже для женскаго хора трехъ голосовъ, съ скрипкой [—.50
„ 161. „Вспомнить хочется сказать", романсъ . . . . . —.50
„ 162. Отвѣтъ на романсъ „Крохотный" „Тютюнъ" . . . . . —.50
„ 163. „Я провелъ, какъ мы молчали", романсъ . . . . . —.50

Москва у Ѳ. А. Гутхейль.

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества и комиссіонера Императорскихъ театровъ

на Кузнецкомъ мосту, домъ 16.

С.-Петербургъ, А. Іогансонъ. Невскій пр., № 68. Кіевъ у Л. Идзиковскаго. Варшава у Гебентеръ и Вольфъ.

Собств. типогр.

года, к открытию которой была сооружена Эйфелева башня, давно уже ставшая символом Парижа.
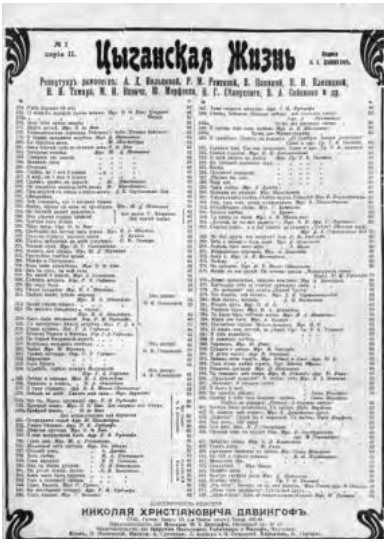

В списке произведений Владимира Христиановича, которые представляется возможным датировать, опус 84 – «Траурный марш» по случаю кончины в Бозе почившего императора Александра III». Нетрудно установить, что это событие произошло в ноябре 1894 года.

Опус 100 представляет собой «Торжественный гимн на священное коронование их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны». Дата этого события также хорошо и печально (Ходынка!) известна – май 1896 года.

Ясно, что одесситы недооценили маэстро Давингофа: он не только с блеском, по мнению Л. Утесова, дирижировал оркестром, исполнявшим вальсы Штрауса, но и сам писал прекрасные вальсы, марши, мазурки, галопы, романсы и полонезы.

В списке произведений Давингофа есть опус 94 – «Придворный полонез», получивший цензурное разрешение 11 января 1899 года и, вскоре переставший быть просто танцем, сопровождал всякий раз торжественное появление императорских особ на балах. Ноты «Придворного полонеза» найдены нами в Интернете на сайте http://www.starinnye-noty.ru/ большого любителя, собирателя и знатока старинных нот Д.Г. Вороны, который любезно предоставил нам скан нотной обложки для публикации. На обложке изображены члены императорской семьи, и сообщается, что автор сочинения – учитель танцев Владимир Давингоф. Становится понятным, что необычная, с пританцовыванием, манера дирижирования Давингофа, отмеченная в воспоминаниях

№ 1
серія II.

Цыганская Жизнь

Репертуаръ романсовъ: А. Д. Вильбушевичъ, Р. М. Рейнгольдъ, В. Полянскій, В. Н. Каменскій, В. И. Тимиревъ, М. И. Иванчинъ, И. Морфесси, В. Г. Сахаровъ, Б. А. Сабининъ и др.

НИКОЛАЯ ХРИСТІАНОВИЧА ДАВИНГОФЪ.

Л. Утесова, легко объясняется тем, что в начале своей музыкальной карьеры Владимир Христианович был учителем танцев, танцмейстером. Ноты «Придворного полонеза» изданы за счет автора и являлись его собственностью, а склад издания находился в Санкт-Петербурге в «Музыкальном магазине Н.Х. Давингофа».

Владельца «Музыкального магазина» в Санкт-Петербурге, купца 2-й гильдии Николая Христиановича Давингофа с огромной долей вероятности можно считать родным братом нашего учителя танцев и композитора Владимира Христиановича Давингофа. Н.Х. Давингоф активно работал на поприще издания и распространения музыкальных и театральных изданий с 1886 года. Он был большим любителем цыганских романсов и издал обширнейшую серию нот под названием «Цыганская жизнь». Известны более двадцати романсов и песен, музыку к которым написал издатель Н.Х. Давингоф. Так, в 1927 году он сочинил музыку на стихи С. Есенина «Письмо матери» («Ты жива еще, моя старушка…»).

Из справочников купечества Санкт-Петербурга за 1901 год мы узнали, что Николай Давингоф родился в 1860 году, вероисповедания реформатского, получил домашнее образование и удостоился купеческого звания, торгуя нотами, в 1888 году.

Можно предположить, что наш Владимир Давингоф, как и брат, также получил домашнее образование, в том числе и музыкальное, принадлежал к реформатской церкви.

В начале своей творческой деятельности Владимир Христианович издавал свои музыкальные произведения у брата в Санкт-Петербурге, так как в 1890-е годы он числился жителем столицы

во всех «Алфавитных указателях» («Адресная книга всего Санкт-Петербурга» под редакцией П.О. Яблонского). Причем кроме адреса Мещанская, 21, в списках 1898 года он значился «артистом императорских театров и учителем танцев». Возможно, что в эти годы он был оркестрантом или дирижером Мариинского императорского театра, где ставились балеты и оперы.

После 1900 года в Адресных книгах Санкт-Петербурга сведений о Владимире Давингофе нет, как нет его в списках жителей Одессы и Москвы. С этого времени В.Х. Давингоф доверял издание своих сочинений московскому издательству А. Гутхейля. По нашему мнению, в начале XX века наш герой переехал в некий город, откуда наезжал на гастроли в Одессу и поражал воображение одесситов своей манерой дирижирования и великолепной музыкой. Ведь наш главный «свидетель» Л. Утесов назвал его «гастролером».

Нам удалось найти сведения о других, кроме Николая Христиановича, возможных братьях и сестрах В.Х. Давингофа. В списках жителей Калуги 1881 года упоминается купец Карл Христианович Давингоф. Известен профессиональный фотограф Герман Христианович Давингоф, открывший фотографическое заведение в Вологде в 1870 году. Затем он работал в Архангельске, Калуге, Вятке и Ковно (Каунасе). О фотографе сказано, что он мещанин Риги, таким образом, вполне вероятно, что все братья Давингофы рижане немецкого происхождения, родившиеся в середине XIX века. К братьям можно присоединить жительницу Санкт-Петербурга Елизавету Христиановну Давингоф, адреса проживания которой находились всегда в центре столицы вблизи братьев.

Но вернемся к творчеству Владимира Давингофа. Его гражданскую жизненную позицию характеризуют ноты «Меланхолического вальса «Муки Дрейфуса» (опус 112), посвященные Эмилю Золя. Известно, что французский офицер еврейского происхождения Альфред Дрейфус был ложно обвинен в государственной измене. В защиту невинно осужденного смело выступил известный писатель Эмиль Золя, участие которого придало делу огромный общественный резонанс. Достойное поведение Золя, юристов и самого Дрейфуса на процессе, приведшее к помилованию

обвиненного, восхитило «танцмейстера и дирижера оркестров» Давингофа и вдохновило к написанию в 1899 году вальса. Оправдан полностью Дрейфус был лишь через несколько лет. На обложке, созданной неизвестным художником, портреты Э. Золя и других защитников Дрейфуса, и сам оклеветанный офицер, видимо, во время своей ссылки на Чертовом острове.

В своих последних известных нам произведениях Владимир Давингоф именует себя «действительным членом Общества европейских композиторов». Сведений о работе такого общества в начале XX века нам не удалось разыскать.

Последним по времени написания изданным произведением маэстро Давингофа оказался опус 164 – медленный марш «Эпопея о 1812 годе», созданный в 1912 году к 100-летнему юбилею войны с французами.

Более поздних произведений Давингофа или сведений о его деятельности нам обнаружить не удалось. Активная творческая деятельность Владимира Христиановича прослеживается, судя по его опубликованным музыкальным творениям, с 1880-х до первой половины 1910-х годов. Судя по последней

фотографии, где наш герой выглядит 50-летним, мы считаем, что родился он около 1860 года, и с братом Николаем они были близки по возрасту.

Собранные нами по крупицам достоверные и косвенные сведения о талантливом музыканте, композиторе и дирижере Владимире Христиановиче Давингофе, его жизни и творчестве, свидетельствуют о незаурядности его как человека и специалиста. Уточнение биографических данных о Давингофе могут продолжаться до бесконечности. По нашему мнению, не так важны точные данные жизни и смерти выдающегося человека, как популяризация его творчества, человеческих качеств. А в случае Владимира Давингофа мы хотели реабилитировать человека, которого в Одессе считали, по словам Л. Утесова, «Марьяшесом Вторым» – по сути, городским сумасшедшим, не учитывая или не зная о его замечательных сочинениях, составивших внушительный вклад в музыкальную культуру и историю Российского государства, да и в музыкальную историю нашего города.

Феликс Кохрихт

Гармонией поверить алгебру

Валентина Силантьева
Литература и живопись
в контексте компаративистики
Одесса, Астропринт, 2015
Тираж 400 экз.

«Литература и живопись в контексте компаративистики» – так озаглавила свою новую книгу В.И. Силантьева. Постоянным читателям альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» она известна как автор стихов и прозы, заслуживших, кстати, и престижные премии на международных конкурсах. Еще об одном аспекте ее участия в деятельности нашего издания: Валентина Ивановна способствовала появлению на его страницах новых авторов – студентов, ученых, художников. Как правило, это ее коллеги, в том числе и из других городов.

Доктор филологических наук профессор Силантьева заведует кафедрой зарубежной литературы Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, и ее книга – достойное приношение к его 150-летию.

Признаюсь, выпускник заочного отделения филфака (еще ОГУ) середины 60-х годов, я привычно воспринял три первых слова (не считая союза «и»), определяющих название книги, любезно подаренной автором, а вот термин «компаративистика» открылся лишь после обращения к Интернету, притом, разумеется, далеко не в полной мере – «сравнение», «сопоставление».

Петр Нилус. Портрет А.П. Чехова. 1902-1904

Сравнение – любимое занятие одесситов, как, впрочем, и остальных представителей рода человеческого. Книжный и жизненный опыт вселил в меня убежденность в том, что логичнее и практичнее сравнивать сравнимое со сравнимым, к примеру, если не камбалу с камбалой, то ее же – с другой рыбой, желательно – с морской. Художника – с художником, писателя – с писателем, книгу – с книгой. За годы редакторской деятельности и культуртрегерства я поднаторел в дефинициях и коннотациях, а отсюда недалеко и, как оказалось, до компаративистики.

Но вот профессор Силантьева предлагает подвергнуть ей не два языка, не две книги, две картины, а литературу и живопись – искусства разного генезиса. Сравнивать вербальное с невербальным (художники страсть как не любят, когда им приписывают «литературщину»), не только сравнивать, но и оценивать их взаимное влияние. А как, собственно, его измерить, каким аршином…

Вот тут бы мне и пуститься в пересказ увлекательной книги Валентины Силантьевой, маскирующейся под научную монографию, каковой она, впрочем, является, что позволило бы вернуться в привычное русло маленькой рецензии на большую книгу, но я поступлю иначе. Я адресую вас к первоисточнику – читайте этот труд, оставив часть первую: «Литературоведческая и общетеоретическая составляющая исследования» – для литературоведов и общетеоретиков, а себе доставьте удовольствие перейти к частям

Петр Нилус. Автопортрет в котелке. 1935

Натан Альтман. Портрет Анны Ахматовой. 1915

и главам последующим, в которых Толстой встречается с Крамским, Чехов с Левитаном, Блок с Сомовым, Рильке с Цветаевой и, наконец, Шекспир с Дягилевым и Бенуа…

Я же позволю себе остановиться на воспоминании о том, как увидел в Елецком музее Ивана Бунина (он – из этих мест) открытки с одесским адресом, отправленные художнику Петру Нилусу, и ответные послания. Основателя Товарищества южнорусских художников и будущего нобелевского лауреата связывали теплые отношения, писатель подолгу жил в мастерской художника на Княжеской.

В. Силантьева посвящает их дружбе отдельную главу, в которой рассказывает и о том, что Бунин представил Чехову Нилуса как талантливого живописца, и в 1902 году он в Ялте приступил к написанию портрета автора «Дамы с собачкой». Но автор не ограничивается биографическими сведениями, а делает вывод о том, что Нилуса, Бунина и Чехова при разности человеческих и профессиональных судеб «объединяет родство авторского мироощущения и главные особенности сти-

ля. Их поиски в искусстве конца XIX – начала XX вв. близки и равнозначны…».

И еще одна одесская «связка» выдающихся представителей литературы и живописи в аспекте компаративистики. Наша землячка Анна Ахматова и уроженец соседней Винницы Натан Альтман, создавший один из самых знаковых ее портретов. Важно, подчеркивает автор, что они встретились в десятые годы XX века, когда приближались чудовищные исторические катаклизмы, когда реализм отступал перед авангардистскими течениями, которые питали искания Ахматовой (акмеизм) и Альтмана (в ее портрете – кубизм).

Натан Альтман. Автопортрет. 1911

Коль речь идет о взаимном влиянии искусств, об экспериментаторах, создателях новых, подчас спорных направлений в искусстве, можно было бы, а то и нужно бы поразмышлять о жизни и судьбе Олега Аркадьевича Соколова, одного из создателей нового одесского искусства, каковым он – фронтовик – был в послевоенные годы и оставался до недавнего ухода. В наследии Соколова – сотни работ, в которых исповедуется взаимное, но не поглощающее влияние музыки на живопись, поэзии – на рисунок. Света и цвета – на линию и форму. Он был последователем великой русской поэзии, японского искусства, музыки Скрябина и синтетического стиля Чюрлениса.

Может быть, Валентина Ивановна сделает его творчество предметом внимания и исследования при работе над переизданием

своей книги, которой я так и не сумел (до этой минуты) придумать название, а подзаголовок к нему уже есть.

P. S. И все же – придумал название. Несколько претенциозное, постмодернистское, но все же – соответствующее авторской концепции сравнения и взаимодействия искусств музыки и слова. Пушкина, Моцарта и неизбежного Сальери.

Евгений Голубовский

«В запыленной связке старых писем...»*

Признаюсь, мне всегда было интересно поддерживать отношения со старыми писателями, узнавать, были ли у них, у их друзей связи с Одессой, просить воспоминания, тексты для газеты. Перебираю письма в папке – здесь и письмо одного из первых русских футуристов, основателя «Центрифуги» Сергея Боброва, и письмо Анастасии Цветаевой, сестры Марины. С Григорием Петниковым мы с Юрой Михайликом познакомились в Старом Крыму, пришли к нему в гости, встретили удивительно интересного человека. С тех пор он присылал стихи и письма в «Комсомольскую искру». А вот Василиск Гнедов прославился до революции. В книге «Смерть искусству» он опубликовал «Поэму конца» – пустой лист. И сделал это до «Черного квадрата» Казимира Малевича. Увы, встретившись с Гнедовым в Одессе, я увидел человека, сломленного ГУЛАГом, его стихи 60-х годов были по-детски наивны.

Из имажинистов наладились связи с Рюриком Ивневым и Матвеем Ройзманом. Но, пожалуй, самое забавное письмо я получил от одного из старейших пролетарских литераторов Александра Перегудова, описавшего приключения в Одессе, не свои, а Алексея Новикова-Прибоя.

В папке есть фотографии В.П. Катаева и забавный документ. Катаев приехал на очередной праздник освобождения города – 10 Апреля. Думал, что встречать его будет «высокое начальство». Но на вокзале был лишь кто-то из Союза писателей и я. Мы привезли Катаева с женой в гостиницу «Черное море», чем он был возмущен – обещали «Лондонскую». Его все же убедили заполнить гостиничные карточки. Мы договорились, что утром я заеду и возьму у него интервью. Увы, утром

* Окончание. Начало в кн. 60, 61.

я услышал от администрации, что Катаев заказал билет на самолет и улетел в Москву. «А карточки остались?» – спросил я. И мне отдали две карточки, собственноручно заполненные Валентином Петровичем и Эстер Давыдовной Катаевыми.

С Новым годом! – уважаемый Евгений Михайлович!

Желаю многих творческих удач, интересных встреч и как можно меньше разочарований.

Благодарю за присланные газеты. 1-го – день моего рождения, и среди всех подарков это был для меня самый дорогой!

Не думайте, что я забыла свое обещание прислать пьесу и стихи: к сожалению, пьесу надо отыскать среди рукописей (101 папка) и все надо переписать, а у меня декабрь был очень неудачным – сердце «барахлило», и я почти целый месяц пролежала.

Надеюсь, что в январе я пришлю Вам все, что обещала.

Примите самый дружеский привет!

Нина Шенгели

Объясню, что послал Нине Леонтьевне Шенгели-Манухиной газету, где были после долгих лет молчания опубликованы стихи Георгия Шенгели. Она обещала найти пьесу, написанную Г. Шенгели совместно с Э. Багрицким. Увы, не нашла Но ее отыскал литературовед Вадим Перельмутер. И право первой публикации предоставил нашему альманаху.

С.П. Бобров – Москва А 319, Чернях., 4, 125.

Уважаемый Евгений Михайлович!

В ответ на Ваше письмо от 18-го числа (по почтовому штемпелю) отвечаю: я был в Одессе в 1915 или 16 году. Там у меня был родственник – мой дядюшка (муж сестры отца Марии Павловны Бобровой, которой в то время уже не было в живых), Александр Павлович Доброклонский, профессор Новорос. университета, (я впоследствии видел в Москве в Ленинск. библиотеке его трехтомный труд по истории церкви). Он заинтересовался моей юношеской работой о стихе пушкинских «Песен западных славян», вышедшей в «Мусагете» в середине 1915 года, ибо он и сам трудился над стихом, который русские монахи переводили на церк.-сл. язык византийские молитвословия

(по его словам, коли не ошибаюсь, он утверждал, что они просто переводили слово за словом), я был у него в Одессе – отсюда и надпись на книжке «Записки стихотворца». Это все, что я могу Вам сообщить. Про Аксенова боюсь что-либо сказать, но он был киевлянин, так что, б. м., и бывал в Одессе. Про Пастернака могу сказать, что он наверное в Одессе не бывал. Никаких «двойников» из изданий «Центрифуги» у меня не имеется, почти все утрачено за прошлые годы.

Привет.
21.X.69. Сергей Бобров.

Сергей Бобров, автор предисловия к первой книге Бориса Пастернака «Близнец в тучах», не знал биографии своего сподвижника по «Центрифуге». Б. Пастернак многократно бывал в юности в родном городе своего отца И написал стихотворение «Одесса» в апреле 1944 года.

«Комсомольская искра»

Спасибо, тов. Голубовский, за письмо.

Выполняю В/ просьбу – посылаю для газеты 39 строчек из моих новых «Трехстиший» (это из будущей книги).

Относительно воспоминаний, о которых Вы мне пишете. О Вел. Хлебникове и Вл. Маяковском думаю, что напишу, но не сейчас, – занят другой работой.

Мимолетные встречи (две-три, пожалуй), оч. давние с тов. Костровым в ред. «Коммуниста» и в лит. студии, кажется, в Харькове, в 20-е годы (они как-то связаны у меня с памятью о моем друге поэте Влад. Ив. Нарбуте). И выходе в свет книги его стихов «Александра Павловна», что печаталась в тип. этой газеты, с нашей маркой «Лирень», нашего поэтического содружества.

Но это, конечно, не достаточно для того, чтобы писать воспоминания. Скажу только одно о Тарасе Костров: отзывчивый, оч. живой. И близкий к поэзии. Видно, по всему, хороший человек!..

Такими вот видятся мне и комсомольцы тех лет: М. Светлов, М. Голодный, Вас. Александроский, А. Ясный. Молодые люди открытых, смелых сердец. О них надо напоминать, вспоминать чаще и чаще.

P. S. Получив сие письмо с двумя страницами, сообщите, конечно. Газету пришлите. И проч.

Жму руку. Привет Юр. Михайлику.

Петников.
3 ноября 68.

В то время Белла Кердман, Тамара Погорелая и я работали над книгой о Тарасе Кострове, которому посвящено стихотворение В. Маяковского «Письмо товарищу Кострову о сущности любви». Костров – псевдоним Александра Сергеевича Мартыновского. Так мы перешли к народовольцу Сергею Мартыновскому, его сыновьям Александру и Владимиру, ректору Холодильного института. Книга тогда не вышла. А позднее мы сами решили ее не публиковать. Уж больно мы восторгались подвигами народовольцев. Прошло время – и мы осознали, что террор не имеет оправданий.

Уважаемый Евгений Михайлович!

Получил Ваше письмо. Отвечаю на интересующие Вас вопросы.

Бурлюка, Маяковского и Крученых я знал хорошо, с Вас. Каменским был очень дружен, с Хлебниковым тоже был в дружеских отношениях. Некоторые воспоминания о нас опубликованы. Есенин и Мариенгоф с нами тоже встречались. Есенин и Мариенгоф очень ценили творчество Хлебникова.

Что касается моих книг 20-х годов, то они стали библиографической редкостью.

Высылаю Вам одновременно с этим письмом заказ. бандеролью – мои книги «Память и время» 1969 и «Избранные стихи».

К сожалению, старые книги у меня все по одной.

В книге 1969 Вы найдете стихи, написанные мною в Одессе. Летом 1966 я впервые попал в Ваш город. Очень жаль, что тогда не был знаком с Вами.

Если Вас не затруднит, пришлите два № Вашей газеты (те, в которых помещены чьи-нибудь стихи). Я их просмотрю и тогда пришлю Вам что-нибудь наиболее подходящее из того, что у меня имеется.

Примите мой сердечный привет и самые добрые пожелания.

Ваш Рюрик Ивнев
23.X.69. Москва.

P. S. В справочнике СП маленькая опечатка., кв. моя не 26, а 21.

Детское солнце

Веселое детское солнце
Внезапно тебя осветило
И ты, улыбаясь чему-то,
Побрел машинально за ним.

Оно закатилось за горы,
Тебя подхватив, как былинку,
И в древнем Дарьяльском ущелье
Себя ты увидел опять.

А дальше без компасов всяких,
Вне логики и расписаний
На сказочный берег Одессы
Оно опустило тебя.

С веселым и ласковым солнцем
Ты долго по свету скитался
От Карса до сопок Камчатки,
От Бзыби до северных льдов.

Искал ты следов Атлантиды,
Созвездий, еще не открытых,
Взывая к огромному счастью
В забытых людьми уголках.

Все это мелькнуло мгновенно
И снова, как призрак, исчезло
С веселым мальчишеским солнцем
И с первой улыбкой любви.

Рюрик Ивнев

Москва, 6 апреля 1970

Уважаемый Евгений Михайлович!

Я только что вернулся из Дома творчества в «Малеевке», где работал с редактором над моими воспоминаниями. Там много

места уделено Есенину, работе Ордена имажинистов, Ассоциации вольнодумцев и т. д. Кстати, читали ли Вы книгу «Воспоминания об Есенине», изданную в 1965 году «Московским рабочим»?

Я знаю, что в Одессу ездил с женой и сыном Анатолий Мариенгоф отдыхать летом. Но стихов об Одессе у него нет. Есть стихотворение у Рюрика Ивнева, посвященное Одессе. Эрдман уже давным-давно не пишет стихов.

Я был раза два в Одессе – в двадцатых годах и тридцатых. От первой поездки у меня есть стихи. Одно (с юмором) я всегда читал в заключение моего выступления: «Одесская луна». Два других надо поискать.

Я не знаю, что Вам послать. Каков размер Вашей газеты? Пришлите мне хоть один ее экземпляр и напишите.

С уважением ...
Матвей Ройзман

Многоуважаемый Евгений Михайлович!

Отвечаю Вам в занятости и спешке, но зная, что Вы ждете ответы для дела, отвечаю.

1. В Одессе я не была.

2. Марина, насколько я знаю, потому что мы были врозь с 1917-1921 года, не была там.

3. Не знаю никого из поэтов, бывших в Одессе, кроме З. Шишовой, уже умершей. Может быть, и были там некоторые из м. знакомых поэтов, но сведений об этом у меня нет.

Теперь в Одессе живет прекрасный поэт Илья Рейдерман (псевдоним Рудин) – книга его, вышедшая в 1975 году, обращает на себя внимание. Название ее «Миг». На него – одессита – следует обратить внимание

Всего Вам доброго!

Анастасия
Цветаева
3.XI.80

P. S. У Шишовой есть сын – Марат, работает (работал, м. б.) в «Молодой гвардии». М. б., у него хранятся ее прекрасные стихи о блокаде.

Переделкио

Уважаемый Евгений Михайлович!

Сегодня в Переделкино, в писательский городок под Москвой, где я провожу большую часть лета, мне доставили Ваше письмо.

Спешу ответить. Анатолия Фиолетова лично я не знал. Стихи сохранились в альманахе «Ковчег». У меня только один экземпляр альманаха. Там же стихи Соколовского, с которым я некоторое время в Феодосии был близок. Соколовский эмигрировал в 1920 году. Там же стихи Бабаджана – его я любил. Я был последним, кто виделся с ним перед его трагической смертью. Он был расстрелян в 1920 году. По-моему, просто по недоразумению. Книга его с дружеской дарственной надписью у меня сохранилась («Сезанн»).

В Москву я вернусь во второй половине сентября и тогда постараюсь перепечатать нужные Вам стихи и переслать. Но возможно, что в конце сентября или в самом начале октября я буду в Одессе. В значительной степени это зависит от того, удастся ли мне забронировать для себя и жены номер в гостинице на неделю или дней на десять. Кстати, не могли ли бы Вы мне помочь в этом? Возможно ли это? Цена номера не имеет значения. Если удастся попасть в Одессу, то захвачу для Вас «Ковчег» – можете сфотографировать.

Я спрашивал о Вас Льва Славина, моего соседа по дому в Москве, но он, к сожалению, Вас не знает. Рад буду помочь Вам.

Эм. Миндлин

Об альманахе «Ковчег», вышедшем в 1920 году в Феодосии, я впервые прочитал в воспоминаниях Эмиля Миндлина. Там наряду с М Волошиным, М. Цветаевой, И. Эренбургом были опубликованы стихи Э. Багрицкого, А. Фиолетова, В. Бабаджана.

Много лет я искал эту книгу, чтобы перефотографировать ее. Нашел в библиотеке И. Эренбурга. И когда Б.Я. Фрезинский любезно прислал ксерокс, переиздал ее в Одессе с добавлениями и комментариями. Так родилось «Возвращение Ковчега»

Москва, 12 апреля 1972

Уважаемый Евгений Михайлович!

Благодарю за присланные мне экземпляры газеты с моим очерком о Кассиле.

Недавно послал новеллу «30 строк судебной хроники» из книги, которую готовлю исподволь, и надеюсь дожить до ее выхода. Там намечаю посвятить раздел родному городу. Кстати, издательство «Маяк» отказалось выпустить мою книгу об Одессе на том основании, что автор не прописан в ней на жительство. Так было в 1966 году, когда я находился в Одессе в командировке от «Огонька», а издательством заправлял мудрый Коляда.

Сообщите, подходят ли газете эти «30 строк».

Вскоре выезжаю на поправку в Переделкино, где заодно буду работать. С Москвой у меня будет непрерывная связь, так что пишите.

Посылаю Вам еще один материал об экскурсии, состоявшейся две трети века тому назад: в 1907 году. Учитель Ратницкий повез детишек тульских рабочих к Льву Толстому.

Руководитель этого похода еще жив, он поведал мне всю эту историю, снабдил фото, которое не блещет качеством, но зато уникальное. Если опубликуете этот очерк, то непременно пришлите газету и для Ратницкого.

Всего доброго!

Макс Поляновский

Глубокоуважаемый тов. Голубовский!

Ваше письмо получил. Благодарю Вас за доброе слово о моих воспоминаниях о Н.Н. Никандрове, помещенных в № 1 журнала «Новый мир», и за приглашение к сотрудничеству. Но вот в чем дело: во многих городах нашей страны я был, но в Одессе мне быть не пришлось, несмотря на большое желание посетить этот чудесный город, так что лично у меня с Одессой ничего не связано, может быть, покопавшись в своей памяти, я что-либо и нашел об Одессе в рассказах своих друзей-писателей, но тут одна беда. Мне через два месяца исполнится 86 лет, я очень плохо слышу, плохо вижу, очень слаб, даже дома хожу, пошатываясь, а из дома совсем не выхожу. И такая плохая у меня стала память, что я забываю обычные, знакомые с детства слова, имена, фамилии близких людей. Поэтому я уже ничего не пишу, нет сил ни физических, ни умственных. Воспоминания о Никандрове я закончил весной прошлого года и с тех пор ничего не писал. Я знаю, что с Одессой

связаны многие писатели, ставшие впоследствии в первых рядах советской литературы, но близко знаком ни с кем из них я не был. Как курьез могу рассказать о том, что случилось с Новиковым-Прибоем в Одессе. Он вместе со своим сыном в конце двадцатых годов приехал на несколько литературных выступлений в Одессу. Он любил брать с собой своих детей в поездки. В тот год его сыну Игорю было лет 5-6. В один из дней они лежали на пляже, к которому примыкал короткий переулок, выходящий на большую оживленную улицу. Лежали они голые, даже без трусов. Помню, в то время в Крыму мы всегда лежали голые, пляжи были почти пустынны, человек от человека лежал метров за сто (это в Крыму, в Рабочем уголке). И вот в Одессе Новиков-Прибой открыл глаза и не увидал рядом с собой сына. Смотрит, а сын голый бежит по переулку и уже недалеко от шумной большой улицы. Алексей Силыч так испугался за сына, что вскочил и тоже голый бросился по переулку за Игорем. Догнал его недалеко от большой улицы. Рассказывая мне об этом, Алексей Силыч очень смеялся и говорил: «Понимаешь, я так испугался, что Игорь выбежит на большую улицу и тут же попадет под колеса, так испугался, что, ничего не соображая, бросился за ним. Пришел в себя, когда только догнал его… Хорош я был: старый голый человек идет по переулку к пляжу и несет на руках голого ребенка…».

Вспомнился мне этот рассказ Новикова-Прибоя и захотелось рассказать Вам об этом случае…

23 января 1980 г.

С уважением
А. Перегудов

P. S. Сейчас этот сын Новикова-Прибоя, Игорь Алексеевич, – доктор медицинских наук, заслуженный врач РСФСР.

А. П.

Москва 20.1.66

Многоуважаемый Евгений Михайлович!

Очень прошу срочно авиапочтой выслать фото «Зеленой лампы» во всех вариантах, которые у Вас имеются.

Договорился с художником Г.А. Петровым (автор иллюстраций «Манаса»). Обещает реставрировать клише. Вы, может быть,

знаете о том, что Петров совместно с Бельчиковым является автором оригинального штрихового способа клише. Этот метод дает широкие возможности исправлять недочеты фотоснимков.

Если уже опубликован мой очерк, то, пожалуйста, приложите и его. У меня просит сведения музей. Передам им очерк. Пусть переводят для себя на русский. Остановился в гостинице ЦДСА. Почтовое отделение при гостинице.

Адрес краток.

С приветом
Вадим Долинов

Почтовый и телеграфный адрес Москва И 157 Долинову до востребования. Телефон моей комнаты в гостинице И 40000 доб. 103. «дома» до 10 ч. у. и ночью.

* * *

Предложу читателю и несколько писем от художников.

Письмо Амшея Марковича Нюренберга, одного из «Одесских парижан», только одно из многих, так как мы предприняли попытку издать его мемуары в Одессе. И хоть редактором согласился быть Борис Деревянко, издательство «Маяк» продержало рукопись несколько месяцев и… отказалось от издания книги.

Слава Богу, что недавно внучка А.М. Нюренберга Ольга Тангян-Трифонова выпустила эту книгу в Москве.

Короткая записка от Марии Михайловны Синяковой, замечательной художницы, дружившей с Велимиром Хлебниковым. Я бывал у нее в Москве, был на ее выставке в Киеве, а вот в Одессе, к сожалению, повторить эту выставку не получилось.

Этот цикл писем завершаю горьким болезненным письмом Анатолия Асабы, которое он написал не мне, а Валентину Хрущу. Написал и не отправил. Так оно и сохранилось в архиве Асабы, который приобрел Е.О. Лукашев. Стараниями Евгения Отаровича мы увидели выставку работ А. Асабы в нашем городе, ощутили трагедию этого мастера – последнего караимского художника, как он писал о себе. Рад, что сейчас молодые искусствоведы занялись творчеством Анатолия Яковлевича Асабы. Хочется надеяться, что появятся о нем и диссертация, и монография.

Дорогой Женя!

Я Вам послал 172 стр. текста и 37 фото. Это составляет 7 листов, не считая фото. В моей книжке, которая уже печатается, 7 печатных листов и 52 фото. Посылаю Вам еще добавочный матерьял, который увеличит текст еще на два листа. В добавочный матерьял входят статьи о Сезанне, Коро, Левитане, Кончаловском и Грабаре. Имеются у меня еще статьи о С. Герасимове, Малютине и Осьмеркине. Думаю, что для одесской книжки они не очень нужны. В статьях моих Вы найдете пометки моей редакторши, с которыми я не согласен. Поэтому я даю Вам право вносить свои личные поправки. Статьи о Шагале и Сутине не посылаю, так как они могут вызвать, выражаясь языком Бабеля, «Большие семейные разочарования». Что касается фото, то я думаю послать Вам еще некоторое количество снимков, чтобы редакция могла выбрать из них наиболее ей нравящиеся.

Должен сказать Вам, дорогой друг, что рукопись редакции понравилась, и я, в это полугодие, единственный автор, печатающий свой горемычный труд. У меня было: три редакторши и один редактор (Алпатов), что, конечно, многовато. Начали мы связываться с обнюхивания и ощупывания, а кончили теплейшей дружбой. Чудо! Я им, черт знает почему, понравился. Почти все авторы редактуру кроют крепчайшим матом, а я о них отзываюсь почти тепло. Но я думаю и верю, что повсюду царит такая милая атмосфера. Редакторы как редакторы.

Посылаю Вам Бабаджана. Все мои друзья хвалят его Сезанна. Как жаль, что его нет среди нас! Чудесный, золотой был парень!

Прочтите. Издание «Омфалоса». К слову, об этом изд. Я все забыл (учтите, что прошло 50 лет!). Никого не помню. Гозиасон в Paris. Живописью занимается. Фазини оторвался от искусства. Видел Смирскую. Ее дочь замужем за секретарем «Омфалоса» поэтом… фамилию его не помню. Склероз одолевает.

Единственный человек, о котором я могу Вам кое-что написать – это о Бабаджане. Его я хорошо помню. Кострова и Фиолетова я не помню.

Рад услужить Вам, дорогой! Постараюсь вспомнить. Дайте срок.

Статью о Шагале мне удалось устроить в еврейский журнал, редактируемый моим другом, еврейским поэтом Вергелисом. Почти весь тираж этого журнала уходит за границу.

Несколько слов об одесситах.

У меня имеется рассказ о моих одесских заработках, но он для нашей книжки не годится. Книжка идет в плане жизни художника.

Пока всё. Привет всем знакомым.

Обнимаю Вас, дорогой Женя, и целую.

Амшей Нюренберг

Сердечный привет от Полины Ник. Вам и Вашей жене.

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Все, что у меня было футуристического, я отдала Саше Парнису. По моей просьбе он обещал кое-что дать Вам.

Только вчера были отложены последние акварели в Киев для Львовской выставки. Мне было бы приятно, если бы можно было устроить выставку и в Одессе.

Желаю Вам в Новом году всего самого хорошего.

Мария Синякова
1970 г. 27 января

Валик, здравствуй!

Мир мой зависит от судьбы. Я сейчас у сестры.

Сколько можно бороться за свое счастье.

Может быть, квартира. Доверенность дал сестре. Был в Одессе один день. Самолетом улетел в Киев.

Может быть, Дом отдыха. Месяца больницы забрали у меня здоровье. Сколько я могу скитаться. Нет в этом районе людей, с кем можно поговорить. Городское село.

Я так страдаю. Взял только графику. Купил в 40 листов альбом, бумага хорошая. В понедельник, может, попаду в издательство «Днепр», я был там, показывал только книги. Сказали, чтоб еще принес рисунки. Но прежде здоровье.

Валик, напиши, приходила ли Инга в мастерскую. Я ей высылал фото. Получила ли она их.

Валик, взял с собой магнитолу. Может, супруг сестры починит.

Хочу записать стихи.

Когда был в уголовном розыске, понравились стихи, где они сейчас, я не знаю.

Было 50 фотографий довоенной Евпатории для книги Б. Балтера «До свидания, мальчики». Тоже пропали.

Валик, друг, напиши мне письмо. Мне это необходимо.

Пока мне никто не пишет.

Красок в Академии в Питере много купил. Масляные краски. Они такие дорогие. Кисти купил.

В Одессе был только в центре, так как из Евпатории я приехал «Кометой». Надо жить в Одессе или, в крайнем случае, в Москве. В Москве крупные издательства, а смогу я заработать деньги только от иллюстраций. Меня принимают.

В Москве может быть мастерская. Но я растерял своих друзей. Больница забрала у меня здоровье.

Валик, твоей супруге привет, твоим детям здоровья.

Васе привет. Хочу встретиться здесь с Наташей.

Дело мое в суде затянулось. Что будет, я не знаю. Как мало осталось творить и такие беды.

Валик, прости за мое отношение к тебе и к искусству.

Дорогой Валик, пиши. В бар приходит та девушка? Мне дороги мои друзья и свобода.

Всего тебе хорошего и Одессе.

Я жду письма. Может, увидимся.

Пиши мне по адресу Киев-27 УНИИС

Ул. Садовая 4 кв. 3

Твой друг Анатолий Асаба

На такой грустной ноте завершаю эту публикацию

Мне всегда представлялось, что личные письма рассказывают об эпохе больше. чем статьи, рассказы, романы. Поэтому я и попытался окунуть читателя в эту личную переписку. Думаю, в ней преломление нашего времени.

Портрет Велимира Хлебникова

Хлебников. Рисунок Петра Митурича. Публикация Вадима Перельмутера

Григорий Айзенберг

За что сожгли «Одессу»

Окончив в 24-м году школу, я поехал в Одессу и поступил в художественный институт. Поскольку я был «из служащих», а не «из рабочих», стипендии я не получал и жил на то, что присылала мама. Иногда я подрабатывал рисованием плакатов, рекламок для магазинов и даже один раз нарисовал вывеску (маслом на железе). Учился я без блеска – было много более подготовленных и талантливых, чем я.

Познакомившись с молодым фотолюбителем, я увлекся фотографией, стал ходить в кружок ОДСК (Общество друзей советского кино) и через год (перейдя на 2-й курс) пытался поступить на операторский, но не выдержал конкурса и вернулся на год в Николаев, где организовал при Доме пионеров кружок рисования (дело там пошло очень хорошо), а на следующий год пробился на операторский после тщательной подготовки.

Здесь оказалось, что благодаря моей учебе в художественном институте я в числе самых сильных студентов, а моя дипломная работа так понравилась Г. Рошалю, что он взял меня в экспедицию как главного оператора, и я был зачислен в штат Одесской студии в 1930 г. Но еще в 1929 г. мне очень повезло – меня направили на практику в Киев, и я попал 2-м ассистентом оператора и фотографом в группу Довженко и лучшего оператора Украины Демуцкого и проработал с ними весь фильм «Земля». Это была для меня подлинная академия, так как Довженко любил вечерами приходить в хату ко мне и Ване Шекеру (1-му ассистенту оператора). Пока мы при красном фонаре проявляли пробы, он, лежа на моей лежанке, рассказывал бесчисленные истории и замыслы. И он, и Демуцкий отлично

знали всю мировую живопись, и так как я и Ваня тоже были подготовлены, они охотно говорили с нами обо всех проблемах кино и изобразительного искусства.

К сожалению, в 1931 г. Рошаль уехал работать в Москву, на Одесской студии почти нечего было делать, только изредка удавалось получить короткометражку, но зарплату платили, и киномолодежь по целым дням чесала языки на высокие темы или играла в слова, зато я приобрел много умных приятелей: сценарист К. Исаев, режиссер М. Юдин, вскоре к ним прибавился французский режиссер Жан Лодс, с которым я снял фильм «Одесса» и дружил много лет (потом он возил меня по Парижу и уже после войны он приезжал в Москву). Моя работа по фильму «Одесса» была очень хорошо оценена, но… делать все равно было нечего.

Текст к этому фильму писал И. Бабель, с которым Жан и я постоянно общались.

Из этого веселого, хоть и не слишком сытого «клуба» Одесской студии в 1933 г. меня послали по указанию горкома партии выпустить фотогазету о «лучших людях села» во Врадиевку. Это большой поселок Одесской области.

Приехав туда с фотоаппаратом, я застал такую картину: все работающие в поле – это умирающие от голода люди, кожа и кости. За съеденный колосок (шла уборка урожая) 8 лет тюрьмы и ссылки. Командуют всем политотделы. Нач. политотдела, как правило, полковник, при нем вооруженный отряд солдат и офицеров, которым беспрекословно подчиняются все эти доходяги. Много случаев людоедства. Когда я садился утром в телегу, чтобы ехать снимать в соседнее село, начальник посадил рядом со мной бойца с винтовкой – «Хоть и худенький, но могут съесть».

Ночевал я в хате политотдела, а утром прибежал боец и позвал политотдельцев «на помочь». Дело в том, что ночью дверь из хаты нач. политотдела плотно завалили девятью трупами умерших от голода, и он не мог выйти из дому. Такие вот картинки.

В Одессе мы держались на студийных скудных обедах, хлеб в городе почти всегда был, а в магазинах почему-то, кроме крабов, ничего. В конце концов я на них смотреть не мог. Впрочем, мы (я и моя первая жена Аня) жили в семье, и там нас подкармливали. Отец Ани имел частную жестяную мастерскую – чинил

ведра, посуду, замки и т. п. Зарабатывал он гроши, но все же вдвое больше оператора.

……

Так как я не слишком был занят как оператор, у меня бывали побочные заработки: то я руководил фотокружками на заводах, то преподавал на курсах повышения квалификации фотографов, один раз взял подряд на съемку видов Крыма и объездил весь Крым с фотоаппаратом, от чего получил большое удовольствие. Часто оформлял (как художник) первомайские и октябрьские праздники. Один раз сделал «кинопаузу» для спектакля в драмтеатре – между актами шли на экране сделанные мною кинокадры. Однажды написал либретто для балета. Случилось это так: были мы с Костей Исаевым на балете в Одесском оперном, и я, прочитав на программке либретто, сказал Косте, что вот бы тебе на чем заработать. Он ответил, что это совсем не просто – нужно знать специфику…

Я сказал, что это ерунда, а он – «Вот ты и напиши!».

Ровно через три дня я пришел в театр и прочитал главному балетмейстеру Моисееву (не Игорю – однофамильцу) либретто, у меня его купили за 600 р. (мой трехмесячный оклад) и взяли молодого композитора Юру Фоменко на целый год на зарплату, чтоб писал музыку. Перед новым сезоном театр выпустил афишу с анонсом нового балета («Музыка Фоменко, либретто Айзенберга»), балеринки второго положения смотрели на меня с обожанием (надеялись, что я протолкну их на хорошую роль), но…

Когда через год Фоменко проиграл на рояле весь балет, Моисеев уже уехал из Одессы, балетмейстеры Болотов и Вирский (впоследствии Вирский стал народным артистом СССР) сказали, что музыка талантливая, но танцевать под нее нельзя, а либретто требует переделки, и предложили мне соавторство. По глупости (23 года!) я решительно отказался, и балет умер, не родившись.

Все же, возомнив себя автором, я сочинил либретто сценария, и Киевская студия его одобрила и благословила, но денег – аванс – не прислала. Я прочитал как-то заметку о том, что в Германии проводят опыты испытания отравляющих газов на живых людях – вот об этом я написал сценарный план. Прокорпев над ним несколько месяцев, я понял, что дело идет плохо, и понес его читать

к С. Радзинскому. Станислав Адольфович, отец ныне знаменитого драматурга, был сценаристом и главным редактором журнала «Шквал» в Одессе. Хотя он был лет на 10-15 меня старше, мы были по студии в приятельских отношениях.

Это был настоящий старый интеллигент. Прослушав мой сценарий, он сказал, что это по-прежнему только либретто, и чтоб я не высасывал из пальцев материал, о котором ничего не знаю. На том мой сценарий и помер.

Только около 1937-го года, когда я стал заниматься экспериментами по комбинированным съемкам, началась моя настоящая работа в кино. Как я уже упоминал, с французом Жаном Лодсом я снял видовой фильм «Одесса» (1935 или 36 год). Нашим шефом был сам 1-й секретарь обкома Вегер. Пару раз он сам вывозил на места съемок Жана и меня, и на студии нам была дана зеленая улица, мы снимали не торопясь и сделали очень красивый фильм.

Все хвалили, но… через несколько месяцев Вегер был арестован как «враг народа». Это был высокий, красивый и обаятельный человек лет 45, герой гражданской войны, любимец Одессы.

Студия была в тревоге: нужно было ждать, что Жана или вышлют (французский подданный) или арестуют, меня, конечно, арестуют как «пособника врага народа». Не знаю, почему «органы» решили иначе – на студии было проведено общее собрание, на котором полковник объяснил, что они понимают: мы были «слепым оружием в руках врага». Негатив фильма увезли и сожгли. Пронесло! Видно, ангелы-хранители постарались…

В 1939 г. я был внезапно призван в армию в качестве старшего лейтенанта запаса и вскоре оказался в Западной Украине. Громко паля холостыми патронами, мы пересекли границу и были встречены восторженными толпами нищих крестьян. Была холодная осень, мокрый снег, а люди босые, плохо одетые, выносили нам шапки яблок. Мы, впрочем, кормили их из походных кухонь. Хаты – вот-вот развалятся… Не знаю, как там сейчас, но когда я бывал там в «годы застоя» (в тех же местах – Коломыя, Косов – румынская граница), все выглядело богато и сытно. Коттеджи с гаражами…

Через два месяца нас отвели в Бердичев. Я упросил комиссара полка отпустить меня на октябрьские праздники – мол, сдается фильм с моим участием. Взамен он потребовал, чтоб я украсил клуб полка, что я и сделал, и 6-го ноября получил увольнение. Никто из командиров запаса мне не завидовал – было известно, что через неделю отпустят всех.

Но после праздников никого не отпустили, вскоре полк был отправлен на финскую войну, и мало кто вернулся домой. Опять постарался мой ангел-хранитель…

Итак, я вернулся домой. Назначен был начальником отдела комбинированных съемок и повышен в зарплате. Теперь можно было в своей компании скромно, но все же каждый воскресный вечер, посидеть в Лондонском ресторане, лучшем в Одессе.

……

Утром 22-го июня 41 г. я был в аэропорту – собирался лететь в Москву на 2-ю конференцию по комбинированным съемкам.

Но вылет был отменен. А в 12 ч. дня Молотов объявил о начале войны…

Публикация Галины Лазаревой

Татьяна Щурова

Поэзия «мелкого» собирательства

Книжная коллекция и собрание редчайших периодических изданий являются, безусловно, основными сокровищами Одесской национальной научной библиотеки имени М. Горького. Работать, как говорится, есть с чем. Однако потребности повседневной жизни библиографа вносят порой свои коррективы и дополнения.

Консультируя наших читателей, скажем, по темам художественной жизни Одессы конца XIX – начала XX столетий мы постоянно сталкиваемся со сложностями установления того или иного факта – в книгах не всегда их найдешь, просмотр старых газет отнимает массу времени. Стало понятно, нужно собирать фактографию – программки, буклеты, пригласительные билеты, фотографии, наконец, газетные вырезки, чтобы облегчить жизнь себе и позаботиться о грядущих поколениях исследователей. Ведь для них наше время тоже когда-нибудь станет далеким прошлым, и они смогут оценить затраченные когда-то усилия.

XIV 12468

XIV

КРАТКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ПОЛОЖЕНИИ
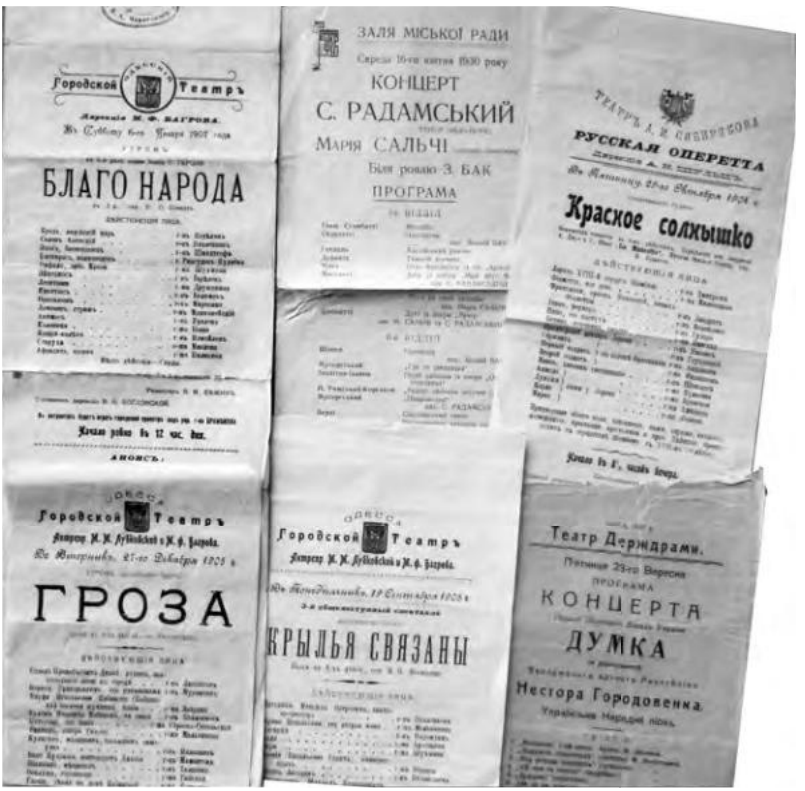
театральнаго дѣла въ Одессѣ съ начала постройки

огорѣвшаго театра, т. е. съ 1809 года.

ОДЕССА.

Каждое начинание нуждается в энтузиастах. Сотрудники отдела искусств во главе

с заведующей Ириной Шайкевич в свое время положили начало этому полезному делу, принеся в библиотеку свои домашние коллекции театральных программок. А еще в 70-е годы граждане получали домой по несколько газет и журналов. Увлекательное собирательство вырезок и прочих материалов оказалось заразительным и для наших постоянных читателей. К делу подключились друзья-краеведы Олег Губарь, Ростислав Александров, Евгений Голубовский, Мирон Бельский. Благодаря им в фонды попали (и отлично работают) редкие каталоги, фотографии, открытки. Сергей Зенонович Лущик учил рационально систематизировать поступающие материалы. Коллекция заметно росла. Уезжая

из страны, свои личные театральные архивы передали нам Зиновий Аврутин, Марк Соколянский, Ирина Кузнецова и др. Мы также научили одесских художников приносить в библиотеку печатную продукцию о своих выставках. Редкую фактографию по истории музыкальной и театральной жизни Одессы передает нам уже много лет Валентин Максименко. С благодарностью встречаем также всегда краеведов Тараса Максимюка и Татьяну Донцову, знающих толк в подобном собирательстве. Редкие актерские фотографии попали к нам из домашнего архива Натальи Коваленко – ведь ее родители были ведущими артистами Одесского театра музыкальной комедии.

За сорок пять лет существования отдела искусств в ОННБ имени М. Горького собралась (да и продолжает собираться) не только познавательная, но и, как выяснилось, очень востребованная коллекция. Используя эти материалы, теперь за считанные минуты вы сможете получить информацию о спектаклях не только в театрах Одессы, но и ближнего зарубежья, уточнить дату открытия той или иной выставки, выяснить нужные факты из истории музеев, филармонии, деятельности Одесской киностудии и еще многое. «Мелкое» собирательство превратилось в солидный фонд фактографических материалов, который ежедневно нужен читателям разных категорий.

Все же нельзя сказать, что совершенно ничего не досталось нам в наследство из старого времени. К примеру, в фондах библиотеки нашлась очень любопытная брошюра: «Краткая историческая записка о положении театрального дела в Одессе с начала постройки сгоревшего театра…» (О., 1886). Ее автор барон Н.А. Витте по документам Городской управы с 1808 по 1872 гг. изучил и сумел кратко и емко изложить основные тенденции развития театра в молодом городе. Материал этот вышел незадолго до открытия нового прекрасного здания театра, и, видимо, очень хотелось взять в «новую жизнь» рациональное зерно из прошлого и избежать сделанных ранее промахов.

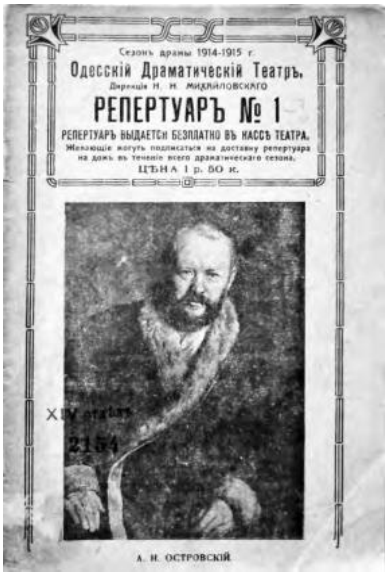
Из обзора мы узнаем, что герцог де Ришелье в 1804 году добился высочайшего разрешения на постройку первого театрального здания (осуществлено в 1809 г.). Избран был специальный комитет, который руководил и контролировал, занимался

субсидиями, абонементом. Оказалось, театр – хлопотное дело, всегда существовали не только финансовые проблемы, но и такое явление, как неповиновение актеров и «танцорок». Нужно сказать, документы по театральному делу в дальнейшем подписывались самим графом де Ланжероном, затем князем Воронцовым – ни одно значительное событие не обходилось без их предписания.

Первого октября 1887 года был заложен последний камень в только что законченное сооружение нового Одесского городского театра. Сохранились открытка, текст и ноты торжественного «Пролога» композитора Г.А. Лишина, одессита по рождению, который вдохновенно написал и продирижировал своим историко-музыкальным обозрением, посвященным прошлому Одессы.

Буклет-программа Городского театра «Итальянская опера. Сезон 1900-1901 годы» может служить примером и сегодня в вопросе подачи информации о театре. В совсем небольшом издании можно найти состав труппы, предлагаемый репертуар (25 названий), условия абонемента, биографические сведения об артистах итальянской труппы этого сезона, а также цены на билеты.

Привлекает внимание бюллетень «Одесский драматический театр». Это сезон драмы 1914-1915, то есть сезон столетней давности. Господи, почему история так упорно испытывает людей? Кажется, что эти слова написаны сегодня: «Покой – символ смерти… Толпу нужно будить ото сна, чтобы она в своих будничных мелких интересах не забыла законов Правды и Красоты. И такие народные бедствия как война, чума, голод – невольно будят мысль, заставляют сильнее реагировать на совершающиеся события и рождают много дивных, несравненных образцов Духа, а с ними и совершенств Искусства…».

Хочется подчеркнуть также тематическую уместность рекламы в этом небольшом издании, предлагающей потенциальным зрителям хорошего парикмахера, наряды, шляпы, цветы «для подношений и подарков».

Среди программок зрелищных событий, ставших уже историей театра и концертной деятельности, можно, например, выделить приглашение на концерт с отличной классической программой А.В. Неждановой (1925 г.), в котором

ОДЕССКОЕ ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОФО"

ЗАЛ БІРЖІ

СУБОТА, 5-го ГРУДНЯ (Декабря)

2-ой КОНЦЕРТ

НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РЕСПУБЛИКИ

А. В. НЕЖДАНОВОЙ

при участии: Д. ОЙСТРАХА (скрипка).

Н. МИРОНОВИЧ-ФЛОРИНСКОЙ (рояль)

и Дирижера Балета, Хора, театра и Филар. Н. С. ГОЛОВАНОВА.

ОДЕССКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ ИСКУССТВ

ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Театральный переулок, 12

ПРОГРАММА

Муз. Э. КАЛЬМАН

МАРИЦА

Оперетта в 3-х действиях, текст Г. Ярона

Постановка заслуженного артиста РСФСР Э. А. ВЫСОЦКОГО

Дирижер А. С. КУЛЕШОВ

Балетмейстер засл. арт. АзССР В. И. ВРОНСКИЙ

Н. Б. МАРГОЛИН

Художник Л. З. ФАЙЛЕНБОГЕН

СЕЗОН 1946 года

TEATRUL RUSESC DE DRAMA SI COMEDIE

Str. Grecescă 45.

РУССКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ

1912 г. L. ANDREEV.

„CEL CARE PRIMESTE PALME"

Л. Андреев.

„ТОТ, КТО ПОЛУЧАЕТ ПОЩЕЧИНЫ"

Пьеса в 4 действиях.

ДЕЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА:

Консуэла, пасынка, по афише царица чаго-то кровь . . . . . г-жа Т. Сыну

Граф Манчини, ее отец . . г-н А. Савельев.

Тот, клоун в цирке Брике г-н Вас. ВРОНСКИЙ.

Брике (папа Брике), дирек тор цирка . . . . . г-н Н. Фалеев.

Зинида, укротит. львов. . . . . г-жа З. Дьяконова

Хамфрей Гемпо, клоун . . г-н Г. Ярыгин.

Баron Ренар . . . . . г-н В. Истомин.

Джексон, клоун . . . . . г-н Г. Чаров.

Пьеро, музыкальн. клоун г-н К. Вичак.

Мадлэ, музыкальн. клоун г-н Д. Кваша

Тонио . . . . . г-н Н. Лопатинский.

Анжелика . . . . . г-жа В. Сладова.

Господин . . . . . г-н Г. Долбровский.

Артистка цирка . . . . . г-жа Е. Деревенко.

Берейтор . . . . . г-н О. Самойлов.

Берейтор I . . . . . г-н Я. Луценко.

Берейтор II . . . . . г-н М. Долбровский

Атлет . . . . . г-н М. Долбровский

Акро . . . . . г-н Я. Луценко.

Служитель цирка . . . . г-н В. Фольков (Ушинский)

Братья . . . . . г-н Н. Литвиненко.

Постановка Вас. ВРОНСКОГО.

Художник В. И. Балуев.

Суфлер М. Пономаренко.

Инспектор сцены Л. Петров.

Машинист сцены . . . . г-н Н. Татаренко.

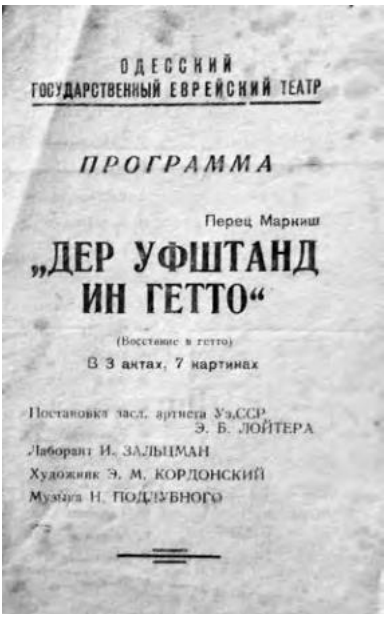
ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

1-го и 4-го НОЯБРЯ 1912 г.

состоятся ДВЪ ГАСТРОЛИ знаменитой босоножки

АРТЕМИСЪ КОЛОННА

участвовал также Давид Ойстрах, выступление в начале века (1908 г.) греческой танцовщицы Артемис Колонна, программка спектакля Театра Вас. Вронского «Тот, кто получает пощечины» по пьесе Л. Андреева (1942 г.), спектакля «Марица» сезона 1946 года Одесского государственного театра музыкальной комедии (предшественника нашего славного театра), программка спектакля «Дер уфштанд ни гетто» («Восстание в гетто») по пьесе П. Маркиша Одесского государственного еврейского театра в постановке Эфроима Лойтера.

Много лет мы бережно собираем материалы о выдающемся украинском режиссере, актере, драматурге, историке и теоретике сценического искусства, а также педагоге, создателе театрального музея Украины Василии Степановиче Василько. Интерес к его личности и творчеству с годами не ослабевает, пишутся статьи, книги, защищаются диссертации. За свою долгую творческую жизнь Василько трижды назначался руководителем Одесского музыкально-драматического театра, который ныне носит его имя. Здесь им поставлено около 30 спектаклей

В. Василько – гимназист. 1912 г.

Шельменко – одна из «коронных» ролей
В. Василько. Черновицкий театр. 20-е гг.

ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УКРАЇНСЬКИЙ
ДРАМАТИЧНИЙ ТЕАТР РЕВОЛЮЦІЇ

ПРОГРАМА

О. КОРНІЙЧУК,
лауреат Сталінської премії

КАЛИНОВИЙ ГАЙ

Комедія на 4 дії, 5 картин

Постава головного режисера театру В. Василька
нар. арт. Союзу РСР
Художник М. Маткович и Хормейстер Б. Зільберглейт

ДІЙОВІ ОСОБИ ТА ВИКОНАВЦІ

Романюк, голова колгоспу . . І. Твердохліб
Надія, його дочка . . . . Л. Писаньєва
Ковшик, голова сільради . . Л. Мацієвська—нар. арт. УРСР
Васьвина, її дочка, лаборантка Б. Михалевич—засл. арт. УРСР
Карпо Корнійович,
колишній метрос . . . . А. Крамаренко—нар. арт. УРСР
Сергій Павлович Битура,
письменник . . . . . М. Хорош
Микола Олександрович Верба А. Лаза
Ага Олександрівна Щука,
його сестра . . . . . Н. Вощенко
Вакуленко,
заступник голова колгоспу . А. Корнієнко
Кандиба,
секретар сільради . . . . О. Конупський
Максим Зоря . . . . . Й. Мазо—засл. арт. УРСР
Петро Мороз . . . . . В. Касьян
Василь Крим . . . . . К. Мілаев
Катерина Крилата . . . . Г. Бутовська
Ольга Косарь . . . . . С. Шмайнська
Оксана Давидюк . . . . . Н. Панченко
Баранюк Пурхавец . . . . А. Бандюк

Виставу веде В. БРЕНБОЙМ

Программка к спектаклю «Калиновый гай».
Одесса. Конец 1940-х гг.

ПРИТЯЖЕНИЕ ОДНОГО ТЕАТРА

Романа БРОДАВКО

Свет в судьбе

Благословення і щастя – театр

Обговорення спектаклю «Земля»

В. Василько с исполнителями главных ролей в спектаклях «Наймичка» и «У неділю рано зілля копала». Одесса. Начало 50-х гг.

Одесский дом актера. Октябрь 1962 г. Слева направо: Н. Акимов, В. Василько, Л. Маренников

по пьесам украинской и мировой классики.

Интересно перебирать папки, посвященные театрам Одессы. Когда-нибудь станут редкостью билеты на детский утренний спектакль в Театр музыкальной комедии 1982 года. Можем свидетельствовать, что участники первой одесской команды КВН, журналисты, писатели, врачи и педагоги в 60-70-е гг. были активными зрителями этого театра. Не исключено, что сохранившиеся билеты связаны уже с походом в театр одного из этих театралов

М. Водяной у Театра музкомедии. Львов. Конец 1950-х гг.

с подросшим своим детенышем. Смотрим дальше. Фото молодого Михаила Водяного перед Львовским театром музкомедии. Вскоре ему предстоял переезд в Одессу, где было столько сыграно, пережито, наконец, по достоинству оценено – ведь в 1976 году М.Г. Водяному первому из артистов оперетты было присвоено звание «народный артист СССР». Скольким актерам помог раскрыться режиссерский талант Матвея Ошеровского, этого неповторимого, с трудным характером человека! Как недоставало его потом! Много доброго хранит память о встречах с художниками Зоей и Михаилом Ивницкими. Автографы на поздравительных открытках, кажется, хранят тепло души этих талантливых людей. По газетным вырезкам можно определить год той или иной

ТЕАТР МАТВЕЯ ОШЕРОВСКОГО

За всю историю Одессы лишь один театр имел славу, далеко выходящую за пределы родного города, - театр музыкальной комедии в 60 - 70-х годах. Гастрольные выступления театра превращались в триумфальное шествие: даже в высшей степени строгой к провинциалам Москве билеты, что называется, рвали с рук, а рецензии на спектакли одесситов печатались даже в "Правде", что по тем временам приравнивалось если не к ордену, то к медали. Соавторами этого "одесского чуда" были артисты - Михаил Водяной, Людмила Сатосова, Юрий Дынов, Евгения Дембская, Идалия Иванова, Семен Крупник и другие, а вот автором - главный режиссер театра Матвей Абрамович Ошеровский.

("Целуй меня, Кэт!") и заканчивая "одесскими историями" (трилогия об Одессе). Наверное, все

славе, о временах Изакина Гришпуна и Матвея Ошеровского. Саднит старая рана и в душе режиссера. Хотя все в конечном счете сложилось у него не так уж плохо, хотя стал он профессором ГИТИСа, выпустил уже несколько актерских курсов, живет в Москве, но без малого полтора десятилетия не появлялся он в городе, где создал единственный в своем роде ТЕАТР. Те, кто молчал, когда совершалось изгнание, уже давно и громогласно попросили прощения и были прощены, не раз уже Матвей Абрамович приезжал сюда как гость театра музкомедии, но на все разговоры о возможной постановке спектакля отвечает однозначно: "Этот театр - не мой".

А в старом здании на Греческой, где работал театр музкоме-
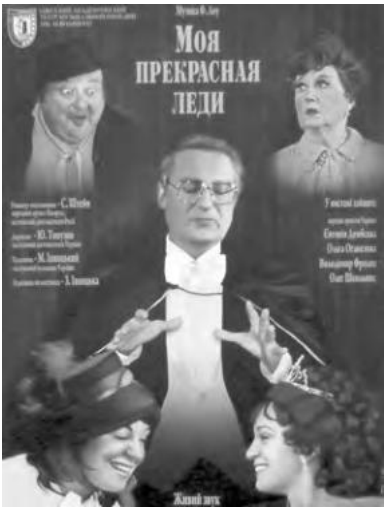

«Сильва» И. Кальмана. Одесса, начало 60-х гг. (?)
Слева направо: М. Водяной, И. Иванова, Вс. Применко

Конференция в СТД. 1978 г.
Слева направо: Е. Аминова, М. Водяной, Н. Дубровская

Афиша спектакля «Моя прекрасная леди»

Справа сверху вниз: Людмила Сатосова, Евгения Дембская

Внизу: Рецензия на спектакль «Моя прекрасная леди». 2000 г.

КАК СТАТЬ НАСТОЯЩЕЙ ЛЕДИ

НА ЛЮБОВЬ НЕ МЕНЯЕТСЯ МОДА

Премьера в двухсотый раз на сцене Одесского театра музыкальной комедии им. М. Водяного данет спектакль "Моя прекрасная леди".

Всеволод Пржецкий, Михаил Водяной, Виктор Эдэм.

постановки. До сих пор не сходит со сцены спектакль «Моя прекрасная леди», а ведь он поставлен в 1963 году. Какой еще театр может похвастаться тремя прекрасными исполнительницами? В разное время в роли Элизы Дулитл выступали Людмила Сатосова, Галина Жадушкина, Ольга Оганезова.

Нет сомнения, что еще не раз историкам театра понадобятся материалы о творчестве актеров Одесского русского театра Лии Буговой, Павла Михайлова, Бориса Зайденберга, Евгения Котова, Розы Балашовой и др.

В нашем фактографическом фонде немало любительских фотографий, связанных со встречами с мастерами искусств в стенах библиотеки. Например, в 70-80-е гг. Ирина Шайкевич регулярно проводила обсуждение новых спектаклей одесских театров. Помнится, режиссеры, актеры, художники охотно и очень ответственно готовились к таким встречам, а молодые сотрудники библиотеки учились общаться со своими творческими читателями – польза была обоюдной.

Обсуждение спектакля Театра имени Октябрьской революции «Синее небо, а в нем облака» по пьесе В. Арро. Май 1986 г. Слева направо: Б. Зайденберг, И. Черкасская, И. Максимов, Т. Глущенко, В. Максимова, И. Шайкевич.

Дом актера. Одесса. Начало 70-х гг. И. Кузнецова и Ю. Дынов

После шефского концерта на заводе имени Январского восстания. 60-е гг.
Слева направо: А. Стародуб, Р. Балашова, Л. Маренников, В. Кулакова, Л. Бугова, Л. Новоселицкая

«Варшавская мелодия» Л. Зорина в ОРДТ имени А. Иванова. Актеры Б. Зайденберг и А. Скарга

Пригласительный билет на торжественный вечер, посвященный 25-летию телевизионного вещания в Одессе. Октябрь 1981 г.

Жизнь идет вперед. Не многие теперь помнят день рождения телевидения в Одессе. Материалы, которые мы храним, напомнят вам его – 30 сентября 1956 года. Сколько энтузиазма было тогда у людей, осваивающих новое искусство! Представьте, в 1959 году здесь было создано творческое объединение «Одесса-Телефильм», которое до конца 80-х гг. выпустило более одной тысячи художественных и документальных картин, множество киноконцертных программ. Программы участвовали в международных фестивалях и конкурсах, не раз завоевывали призы и уважение коллег из других городов. Легендой, символом прошедшей эпохи стала первая одесская телеведущая Нелли

Телеспектакль «Страница дневника». Январь 1966 г. Актрисы В. Плотникова и С. Гужва

Телеспектакль о Т.Г. Шевченко. 1960-е гг. В главной роли Ю. Божек

Телеспектакль «Рассказы бабки Василисы». З. Дьяконова и В. Наумцев

Телеспектакль «Три толстяка». 1966 г. Слева направо: Л. Мерщий, Н. Харченко, Л. Куропятник

Встреча на ОСТ с И. Смоктуновским во время его приезда в Одессу для участия в спектакле Русского театра «Царь Федор Иоаннович». Февраль 1977 г. Ведущая Н. Харченко

Харченко, умевшая уверенно и обаятельно справляться с передачами различных жанров. Любимица всей Одессы, тем не менее имела в трудовой книжке тринадцать выговоров «за нарушение трудовой дисциплины, выразившееся в смехе в кадре». А как можно было удержаться, например, на передаче о Чарли Чаплине, когда в прямом эфире дикторский текст чередовался с отрывками из необыкновенно забавных киношедевров?

Пребывание в отделе искусств знаменитой библиотеки

Перед съемкой

Встреча с поэтом Р. Рождественским. Ноябрь 1968 г.
Ведущие телепередачи дикторы ОСТ Н. Харченко и Л. Кухаржевская

Марина Дмитревская, гл. редактор «Петербургского театрального журнала», передает в фонды ОННБ свежие номера издания. Подарок принимает ведущий библиотекарь отдела искусств Эмма Бойко. Март 2010 г.

всегда радовало не только возможностью работать с удивительной и разнообразной литературой, но и общением с людьми искусства, литературы, книги которых читал, смотрел спектакли, слушал концерты. Теперь вполне можно писать мемуары на тему: «Памятные встречи». Их было много за четыре с лишним десятилетия. Остались книги с автографами, фото, открытки, каталоги, публикации, сохраняющие как бы прекрасные моменты дружеского общения. Безусловно, в дальнейшем они также смогут служить новым поколениям искусствоведов, критиков, краеведов в подтверждение тех или иных фактов творческой жизни Одессы.

Незабываемой, например, была встреча с известным художником книги Вадимом Владимировичем Лазурским в октябре 1985 года. Привычно употребляя термин «шрифт Лазурского»

В.В. Лазурский в ОГНБ имени М. Горького. Октябрь 1985 г.

и гордясь, что его автор по рождению одессит, мы все-таки до этой встречи не представляли, насколько значительна его личность в искусстве и какой обаятельный человек за ней скрыт. В 80-е годы в стенах отдела искусств мы имели возможность трижды общаться с известным автором и исполнителем своих рассказов, народной артисткой РСФСР, мастером мхатовской школы Елизаветой Борисовной Ауэрбах. На память ею были сделаны трогательные автографы в книгах, и мы пополнили наши фактографические фонды редкими фото и программками. Во время гастролей белорусского театра имени Янки Купалы (середина 80-х) в библиотеку пришла народная артистка СССР Стефания Михайловна Станюта. Она рассказывала о гастролях в Одессе своего театра в июне 1941 года, навсегда оставивших зарубки на ее сердце. Спектакли белорусского театра регулярно освещались в прессе, и мы, конечно, тщательно собирали все, чтобы сохранить память об одном из самых интересных театров братского народа.

Елизавета Ауэрбах читает свои рассказы
ОГНБ. 1985 г.

Стефания Станюта в библиотеке. Сер. 1980-х гг.

Считаем, что жизнь преподнесла нам большой подарок, когда познакомила с Александрой Ильиничной Ильф в конце 90-х годов. В Одессе так же могут сказать в Литературном музее, во Всемирном клубе одесситов, редакции журнала «Фонтан» и еще многие.

Встреча в одесском доме. Стоят: Л. Рукман, А. Яворская, Арк. Креймер (хозяин дома), А. Розенбойм, Т. Щурова; сидят: А. Ильф и О. Барковская

Работая с архивами отца, она сумела представить читателям многое неизвестное ранее, опубликовать письма своих родителей, познакомить нас с Ильфом-фотографом, отыскать материалы о жизни и творчестве художника Сандро Фазини, старшего брата Ильи Ильфа. Гордимся, что в работе ей помогли и редкие фонды ОННБ. Жаль, что обо всем этом приходится писать в прошедшем времени…

Фактографический фонд отдела искусств насчитывает уже десятки тематических папок. Одно из ведущих мест, естественно, в нем занимают театры, музеи, киностудия, персоналия мастеров искусств Одессы – эти материалы особенно востребованы. Они доказывают, что во все времена творческий потенциал мастеров славного города находит достойное воплощение во всех видах искусства, а наша задача – бережно собирать и хранить их в уникальной сокровищнице культуры.

Феликс Кохрихт

Яффа: от Шаббата до рассвета

Ной был человек праведный и непорочный в роде. Ной ходил перед Богом. Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета.

Ветхий Завет. Книга Бытие

В честь третьего сына и был назван город, в котором Ковчег был построен Ноем, для того чтобы спасти Божьи творения (всех по паре) от надвигающегося Потопа, посланного людям за грехи. Хорошо еще, что второй сын проявил себя не лучшим образом, а то бы местным жителям пришлось выслушать немало колкостей от соседей.

Яффа – среди самых древних городов мира, легендарное место силы, с которым связаны и чудеса, и важнейшие исторические события. Отсюда ушел в плавание пророк Иона, проглоченный затем китом и выбравшийся из его чрева в добром здравии, к здешним причалам швартовались корабли со строительными материалами для Иерусалимского храма, который возводил царь Соломон…

В библейские времена здесь жили соотечественники Ноя, затем этими местами завладели римляне, арабы, крестоносцы, турки, и лишь в мае 1948 года город вернулся в историю, как и все Государство Израиль.

Невозможно обойтись без пафоса, когда вспоминаешь о том, что среди его создателей и руководителей были выходцы из Одессы, упомянем здесь лишь первого мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа, писателя и воина Владимира (Зеева) Жаботинского. Именно в порт Яффы приходили суда с нашими земляками, построившими в пустыне и на неудобьях города и кибуцы.

В начале XX века Тель-Авива еще не существовало, а когда на купленной у турок земле была создана еврейская община и возник поселок, он входил в состав Яффы, но спустя всего несколько десятилетий роли поменялись, и нынче это один город: Тель-Авив – Яффа.

Сегодня с причалов старого порта открывается панорама мегаполиса с его небоскребами и башнями, среди них выделяется министерство обороны, вокруг которого и птица не пролетит без бдительного присмотра.

Бывали в Яффе и на сей раз, в мае нынешнего года, приехали сюда на концерт, который давал знаменитый скрипач Сергей Стадлер, которого мы помним с его гастролей в Одессе – юношей рижанин победил на конкурсе имени Чайковского, и я брал у него интервью.

И здесь нас застал Шаббат: для представителей иных конфессий – конец недели, а для иудеев – седьмой, заключительный день Творенья, в который Господь, устав, отправился отдыхать, повелев верующим в Него последовать Его примеру. Вот так оно и происходит несколько тысяч лет, так было в пятницу в Старом Яффо (не в старой Яффе!). Прекратил работу общественный транспорт, подорожали такси, закрылись все учреждения, офисы, начали опускать ставни и закрывать двери магазины. Когда день сильно перевалил за половину, мы поняли, что надо поспешить на базар, чтобы запастись всем необходимым для праздничной трапезы.

У нашей смешанной пары представление о необходимом в таком случае наборе для праздничного застолья вылилось в следующее: первым делом мы купили (перепробовав из десятка бутылок) вино из Галилейской долины – терпкое и неуловимо пьянящее с первого стакана. Затем повелели арабу, окончившему (как выяснилось) Одесский холодильный институт и горевавшему по поводу того, что его слили с пищевым, набрать полкило разных маслин, в которых были уверены с первого взгляда и в чем не обманулись.

С недоверием и трепетом углядел на рыбном прилавке золотую качалку скумбрии, которую не видел с юных лет, и, тая надежду, попросил девушку килограммов на 150 завернуть ее в пергаментную бумагу, которая оказалась газетой с ивритскими письменами, что я заметил гораздо позже. Скумбрия средиземноморская оказалась дальней, но прямой родственницей нашей, фонтанской, воспетой недавно прозаиком Сережей Рядченко и снятой на черно-белую пленку фотокором Мишей Рыбаком в годы, когда Сережа ходил в детский сад, а я уже разбирался в рыбке. Не фонтан оказалась, но ближе к воспоминаниям, чем стамбульская, критская, барселонская…

Не оправдали надежд и бублики – бейгеле, с виду похожие на наши, с Екатерининской пекарни, но не те, хотя и с симитатью… Зато сыры, травы, перцы, баклажаны, клубника, персики, помидоры были достойны представлять уникальное сельское хозяйство Израиля, взрастившее их на капельном орошении и опресненной морской воде, не говоря уже о вторичном использовании уже использованной, что поощряется, но не афишируется.

И наконец – хумус мит (с) фасолес, вернее – мит нут, с крупным арабским горохом, травами, примочками, объедение, перемешанное и сдобренное чистым, как слеза бедуина, оливковым маслом, ничего общего не имеющее с тем, что предлагают в одесских будках арабского фастфуда и еврейских ресторанах. Его можно съесть много, и оно не надоедает.

Уже выпив и закусив, осознали, что на столе (к Таниному тайному удовлетворению) не было ничего мясного, и я задумался о том, как это могло случиться. Не могу найти убедительного объяснения и сегодня…

А потом мы пошли погулять по старому городу, несколько обезлюдевшему в Шаббат, но все же наполненному разноговорящими людьми, словно сбежавшими с незавершенного строительства Вавилонской башни, чтобы поглядеть на порт, откуда совсем недавно отчалил Ковчег, с палубы которого Ной и его два праведных сына – Сим и Иафет – махали платочками остающимся, а средний – Хам – насупился и не глядел на город…

С площадки минарета запел муэдзин, в синагоге выключили свет – все ушли по домам и зажгли там свечи, со стороны Армянского монастыря ударил колокол, призывая прихожан на вечернюю молитву, а нас – на концерт в одном из приделов этой старинной обители, известной и тем, что в 1799 году здесь побывал император Франции Наполеон. У стен монастыря любят фотографироваться новобрачные – одну из таких пар мы сфотографировали издали, не спросив разрешения.

На террасе собрались любители Вивальди – именно его шедевр «Времена года» нам предстояло услышать. Судя по доносившимся обрывкам разговоров, большинство публики, да и музыкантов Иерусалимского фестивального оркестра составляли наши бывшие и настоящие соотечественники.

Такая же ситуация ожидала нас и в Тель-Авивском музее изобразительного искусства, где мы почувствовали себя, как в Эрмитаже и одесских музеях. Роль диаспоры в культурной жизни Израиля – тема особого интересного разговора, и он, надеюсь, состоится на страницах нашего альманаха.

Но вернемся в майский вечер в Яффе, где в намоленном зале Армянского монастыря Сергей Стадлер переносит нас из весны в лето, и мы вслед за Вивальди ожидаем прихода осени, а за ней – и зимы. Время от времени маэстро поглядывал в стрельчатое окно, и я вслед за ним видел синеву Средиземного моря и огоньки Тель-Авива, который моложе Яффы на несколько тысяч лет…

Утром мы отправились на яффский Шук – блошиный рынок – самый знаменитый не только в Израиле, но и в ближневосточной округе, где и раньше находили занятные, порой и старинные безделушки. На сей раз нам предложили купить на выгодных условиях гвоздь от Ноева ковчега, зуб кита, проглотившего Иону, кольцо царя Соломона, кинжал крестоносца, старинные часы с боем фирмы «Исаак Кохрихт» (Одесса), только вышедшую книгу Акунина о воскресшем Фандорине с неразрезанными страницами, бинокль полковника Лоуренса и 62-й номер нашего альманаха с моей статьей о Яффе…

Но мы ограничились овальным керамическим блюдом, расписанным древним армянским орнаментом, – до пары к купленным в прошлые разы плошкам. Такую посуду с незапамятных времен

делают в Армянском квартале Старого Иерусалима потомки тех, кто тысячи лет назад встречал у горы Арарат Ковчег с Ноем, его семьей и всеми парами чистых и не чистых – животных, птиц, рыб, насекомых и разных гадов, которым Господь велел жить и размножаться во второй, видимо, последний раз.

Среди пассажиров Ковчега были и кошки, которые спустя время вернулись на родину – в Яффу, и чувствуют себя там уверенно. Они кучкуются в квартале, где расположены галереи и мастерские художников, скульпторов, ювелиров. Вход (или выход) в него – через арку, в проеме которой словно парит в воздухе каменный шар. Разумеется, он подвешен на канатах, но издали создается впечатление, что невесом. Кошки никогда не садятся под этой увесистой инсталляцией, предпочитая бродить по сторонам от нее.

Во второй половине субботы начали ходить автобусы, мы пришли на остановку у Караван-сарая с поилками для верблюдов и отправились в город Бат-Ям, где нас уже заждались родственники.

На следующий день нам предстояла дальняя поездка в Галилею – в места, которые одни называют святыми, а другие – историческими, но, безусловно, важными для человечества. Скажу только, что мы побывали в Назарете, на Тивериадском озере, на берегу реки Иордан…

Мы проезжали мимо цветущей долины и невысокой горы, ничем не отличавшейся от других, многие дремали, но слова, произнесенные экскурсоводом: «А это – гора Мегиддо, где согласно Библии произойдет последняя битва Добра со Злом – Армагеддон», – заставили нас встрепенуться и вглядываться в окно автобуса даже после того, как дорога сделала поворот, и перед нами открылись иные дали.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Игорь Лучинкин

Тем, кто был ребенком в 50-е, 60-е, 70-е

Если вы были ребенком в 50-е, 60-е, 70-е, оглядываясь назад, трудно поверить, что нам удалось дожить до сегодняшнего дня. В детстве мы ездили на машинах без ремней и подушек безопасности. Поездка на телеге, запряженной лошадью, в теплый летний день была несказанным удовольствием. Наши кроватки были раскрашены яркими красками с высоким содержанием свинца. Не было секретных крышек на пузырьках с лекарствами, двери часто не запирались, а шкафы не запирались никогда.

Мы пили воду из колонки на углу, а не из пластиковых бутылок. Никому не могло прийти в голову кататься на велике в шлеме. Ужас. Часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки, а когда впервые неслись с горы, вспоминали, что забыли приделать тормоза. После того, как мы въезжали в колючие кусты несколько раз, мы разбирались с этой проблемой. Мы уходили из дома утром и играли весь день, возвращаясь тогда, когда зажигались уличные фонари, там, где они были. Целый день никто не мог узнать, где мы. Мобильных телефонов не было! Трудно представить.

Мы резали руки и ноги, ломали кости и выбивали зубы, и никто ни на кого не подавал в суд. Бывало всякое. Виноваты были только мы, и никто другой. Помните? Мы дрались до крови и ходили в синяках, привыкая не обращать на это внимания.

Мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад, но никто от этого не толстел, потому что мы все время носились и играли. Из одной бутылки пили несколько человек, и никто от этого не умер. У нас не было игровых приставок, компьютеров, 165 каналов

спутникового телевидения, компакт-дисков, сотовых телефонов, Интернета, мы неслись смотреть мультфильм всей толпой в ближайший дом: ведь видиков тоже не было!

Зато у нас были друзья. Мы выходили из дома и находили их. Мы катались на великах, пускали спички по весенним ручьям, сидели на лавочке, на заборе или в школьном дворе и болтали о чем хотели.

Когда нам был кто-то нужен, мы стучались в дверь, звонили в звонок или просто заходили и виделись с ними. Помните? Без спросу! Сами! Одни в этом жестоком и опасном мире! Без охраны! Как мы вообще выжили?

Мы придумывали игры с палками и консервными банками, мы воровали яблоки в садах и ели вишни с косточками, и косточки не прорастали у нас в животе.

Каждый хоть раз записался на футбол, хоккей или волейбол, но не все попали в команду. Те, кто не попали, научились справляться с разочарованием. Некоторые ученики не были так сообразительны, как остальные, поэтому они оставались на второй год. Контрольные и экзамены не подразделялись на 10 уровней, и оценки включали 5 баллов теоретически и 3 балла на самом деле. На переменах мы обливали друг друга водой из старых многоразовых шприцев!

Наши поступки были нашими собственными. Мы были готовы к последствиям. Прятаться было не за кого. Понятия о том, что можно откупиться от ментов или откосить от армии, практически не существовало. Родители тех лет обычно принимали сторону закона – можете себе представить?!

Это поколение породило огромное количество людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не было, просто не существовало.

У нас была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы как-то просто научились пользоваться всем этим. Если вы один из этого поколения, я вас поздравляю. Нам повезло, что наше детство и юность закончились до того, как правительство купило у молодежи свободу в обмен на ролики, мобилы, фабрику звезд и классные сухарики…

С их общего согласия… Для их же собственного блага…

На самом деле в мире не семь чудес света, а гораздо больше. Просто мы с вами к ним привыкли и порой даже не замечаем. Ну, разве не чудо первое советское средство после бритья? Помните? Кусочки газеты? А такое чудо, как тюнинг автомобиля «Москвич-412»? Помните? 5-копеечные монеты по периметру лобового стекла, меховой руль, эпоксидная ручка коробки передач с розочкой и, естественно, милицейская фуражка на заднем стекле.

А резинка от трусов – это же тоже чудо! Ведь она прекрасно держит как трусы, так и колготки, и варежки!

Пирожок с повидлом – ну разве не чудо? Никогда не угадаешь, с какой стороны повидло вылезет!

Еще одно необъяснимое чудо – поднимите, пожалуйста, руки те, у кого был нормальный учитель труда… а не инопланетянин.

А такое чудо, как авоська с мясом за форточкой? Помните: полез доставать – пельмени упали!

А вот этот вот чудесный мамин развод: «Я тебе сейчас покупаю, но это тебе на день рождения»?! Или вот эта волшебная бабушкина фраза на прощание: «Только банки верните!».

А холодильник «Днепр» помните, вот с такой вот ручкой? Это же однорукий бандит! Дергаешь ручку – вываливаются банки. А кстати, что до сих пор лежит в холодильниках на дверце сбоку? Нет, не яйца. И не кетчуп. На дверце сбоку лежат… лекарства!

Бесплатная медицина – это тоже чудо. Врач один, а очереди две – одна по талонам, а вторая по записи. А еще и третья была – «Я только спрошу!».

Да, сколько еще их было, этих чудес света…

Маленькое окошко из кухни в ванную – что там смотреть, объясните?

Обувная ложка-лошадка…

Зубной порошок – чистит как зубы, так и серебро…

Писающий мальчик на двери туалета…

Телевизор «Рубин»: берешь пассатижи – и тын-тын-тын!

Плавки с якорьком… помните?!

Молоко в треугольных пакетах!

А вы говорите: «Семь чудес света!».

Мы раньше много чего делали такого, что сейчас и в голову не взбредет делать. Более того, если ты сегодня хоть раз сде-

лаешь то, что тогда делал постоянно, – тебя не поймут, а могут и за сумасшедшего принять. Ну вот, например, помните, автоматы с газированной водой. Там еще был стакан граненый – один на всех. Сегодня никому и в голову не придет пить из общего стакана! (Сегодня его украдут через пять секунд после установки автомата, ровно за три секунды до того, как утащат и сам автомат…) А раньше ведь все пили из этих стаканов… Обычное дело! И ведь никто не боялся подхватить какую-нибудь заразу… Кстати, эти стаканы использовали для своих дел местные пьяницы. И, представьте себе, вы только представьте это – они *возвращали* стакан на место! Не верите? А тогда было – обычное дело!

А люди, вешающие простыню на стену, выключающие свет и бормочущие что-то себе под нос в темноте? Секта? Нет! Раньше в каждом доме проходила церемония, которая называлась – задержите дыхание – диафильм! Помните это чудо?! У кого сейчас работает проектор диафильмов?

Дым валит, едкий запах по всей квартире. Дощечка такая с письменами. Что вам представляется? Индийский великий жрец Арамонетригал? На самом деле это – вы-жи-га-ние. Миллионы советских детей выжигали открытки мамам на 8 Марта: «Мамочка, поздравляю с Международным женским днем. Желаю тебе мирного неба над головой, а твоему сыну – велосипед».

А еще все сидели в ванной, причем на опущенном стульчаке, причем в темноте – и светил там только красный фонарь… Догадались?.. Печатали фотографии. Вся наша жизнь на этих черно-белых фотографиях, отпечатанных собственными руками, а не бездушным дядькой из «Кодака».

Ну, вы же помните.

Да, это мы были такими, а вот такими мы стали:

1. По ошибке ты печатаешь свой пароль системного доступа на микроволновке.

2. У тебя список из 15 номеров, чтобы связаться со своей семьей, которая состоит из 3 человек.

3. Ты отправляешь e-mail своему коллеге, что сидит в соседней комнате.

4. Ты потерял контакт со своими друзьями или семьей, потому что у них нет адреса электронной почты.

5. После рабочего дня ты возвращаешься домой и отвечаешь по телефону так, словно ты еще на работе.

7. Ты впадаешь в состояние паники, если вышел из дома без мобильного телефона, и ты возвращаешься за ним.

8. Ты просыпаешься утром, и первая вещь, которую ты делаешь, – подсоединяешься к Интернету, даже до того, как выпьешь кофе.

9. Ты склоняешь голову набок, чтобы улыбнуться.

10. Сейчас ты читаешь этот текст, ты с ним согласен и улыбаешься.

11. Еще хуже: ты уже знаешь, кому ты перешлешь это сообщение.

12. Ты слишком увлечен, чтобы заметить, что номер 6 в этом списке отсутствует.

13. Тебе понадобилась лишь секунда, чтобы пробежаться еще раз по сообщению и убедиться, что номера 6 действительно нет.

Алла Гудзенко

Конверт

Улица Базарная жила с базара. Что ясно из названия.

Побыла она какое-то время имени героя одной из революций, но торговой ее сущности это не изменило. Плечом к плечу, крыша к крыше тянутся непарадные домики от моря к старой площади, ставшей парком. В ширине его аллей и газонов держится память о торговых рядах. А домики глубиной дворов, экономной площадью комнат с дощатыми полами помнят о подводах с товаром, о проезжих людях, об оборотистых хозяевах.

Шуршат осенними листьями по Базарной прохожие. Непроменадная улица за стеклом своих первых этажей имеет офисы, конторки, лавки съестного, спортивного, мебельного и канцелярского товара. А вот здесь, за хрестоматийной заоконной геранью, – товар особый. Отпускается по звонку.

– Катя, ты займи Юльке сто долларов, хорошо? – скороговоркой пробился из роуминга Борис. – Ей билет выкупать сегодня. Я тебе передам потом.

Хорошо. Какие могут быть вопросы? У Бориса в дальних далеках бизнес, его жена Юлька мотается между здесь и этими далеками, все они друзья уже тысячу лет, и если Катя сейчас может помочь таким пустяком, как сотня, – то конечно, с удовольствием.

– Катя! слушай меня внимательно, где тебе забрать деньги, – пробивается через время в трубке Борис, – запиши адрес…

– Пишу…

– Зайдешь во двор, постучишь. Скажешь, что от Бориса.

– Боже, прям явки-пароли, – удивилась Катя, – а что там? магаз?

– Яма там. Ну, конверт – знаешь?

Ну кто ж из граждан реального сектора экономики не знает, что такое «конверт»?

Это такое странное место, где безналичные деньги, уплаченные по счетам, превращаются – за определенный процент – в наличные. И оттуда – торбами, пачками, папками – растекаются по офисам и карманам.

Механику этого таинственного превращения Катя, живущая на гонорары за дизайн-проекты, не постигала. Но о явлении знала, хоть и не доводилось контактировать напрямую. В большом городе этим занимаются специально обученные люди, чьи связи и прикрытие не менее секретны и мощны, чем у, например, наркокурьеров. А то и помощнее. Наркотики, в конце концов, товар «на любителя». А наличные, как известно, – верные друзья человека.

Вот на встречу с лучшими друзьями Катя и отправилась по указанному адресу.

Не без внутреннего волнения – какая ты, пещера Али-Бабы?

Невысокая арка, мощеный двор. Деревянная дверь в три звонка. Но надо – постучать.

– Кто там? – бабушечий голос за дверью.

– От Бориса, Катя.

Через вздох дверь открывается. За ней – высокий улыбающийся парень.

– Проходите, – приглашает вежливо. – Подождите минутку.

Закрывает за вошедшей Катей дверь и уходит куда-то в даль коридора.

Катя осмотрелась – разочарованно.

Обычная кухня. Весьма распространенная в старом городе планировка непарадных квартир – вход через кухню. Обстановка из серии «бедненько, но чистенько». Плита, кастрюли, занавески в горошек. Дощатый пол. Ожидая и рассматривая, Катя стянула перчатки, расстегнула плащ. Принялась изучать бумажный календарь с красоткой поблекших годов, но тут появился парень.

– Возьмите, – протянул сотку, – Борису привет.

– Непременно. Спасибо.

В недоумении Катя вышла. И, не дойдя еще до ворот, обнаружила, что забыла перчатки. Вернулась, взялась за ручку двери – та неожиданно открывается. Не заперто… Катя зашла на кухню. Потоптавшись немного среди кастрюль, Катя стучит по дверному косяку, чтобы вызвать к себе кого-то. Обозримое пространство коридора загибается за угол, и Катя идет туда, потому что на ее стук никто не откликнулся.

Пройдя неосвещенную коридорную кишку, Катя зашла в комнату.

Пустую – если не считать из досок сколоченных стеллажей и картонных коробок, у стен и на полках.

Перед стеллажами – старого двухтумбового образца канцелярский стол. За ним, напряженно откинувшись на спинку стула, сидит парень. Не тот, давешний, что передавал привет и деньги. Другой. Одна рука у парня под столом. Лицо застыло.

– Вы кто, – практически без интонации, ровно, говорит он.

– Я Катя, от Бориса. Я только что была. Я перчатки забыла…

Парень шумно выдыхает через нос. Чуть замешкавшись, вытаскивает руку из-под стола.

– Что же вы, Катя, не позвонили?

– Я стучала, – дрожит она голосом, – никто не вышел…

Пока хозяин стола достает откуда-то из его недр перчатки, Катя бросает взгляд на картонные коробки, освещенные осенним солнцем из приземистых окошек. И не верит своим глазам.

Ящики полны зеленых бумажек, не узнать которые невозможно. Одну такую ей вручили десять минут назад. А здесь их… Да кто же скажет!

Это вес на взгляд она, со своим опытом походов на базар, определять научилась. А вот долларoемкость картонной тары величина неизвестная, невиданная.

Так вот ты какой, современный Сим-Сим!

Катю внимательнейшим образом провожают до входной двери, и она слышит, как за ней закрываются все замки.

– Катька! Ты с ума сошла! – орет на нее в трубку Борис, не успевает она, все еще впечатленная увиденным, пройти и с полквартала. – Что ты там учудила?

И, не дослушав ее лепет про перчатки, продолжает:

– Мне парни звонили – в ахуе! Пока ты там топталась, они решили, что их брать пришли. И стали готовиться к действиям. Тебе крупно повезло!

С тех пор, когда Кате встречаются в новостях разоблачения про «нелегальный конвертационный центр», она вспоминает дощатые полы, занавески в горошек. Раскрытые коробки, освещенные осенним солнцем.

А старая улица при случае подмигивает ей заоконной геранью.

Роман Бродавко

«Не один в пистолете патрончик…»

Я был студентом, когда в театре музыкальной комедии состоялась премьера спектакля «На рассвете». Спектакль пользовался огромным успехом, несмотря на то, что его сюжет был построен на хрестоматийных сведениях о гражданской войне в Одессе.

Один из персонажей музыкальной комедии – известный бандит Мишка Япончик. Эту роль с блеском исполнял любимец публики Михаил Водяной, а куплеты Япончика, которые звучали в спектакле, быстро стали популярными.

Однажды вечером, сидя дома, я напевал уже набившую оскомину мелодию со словами: «Не один в пистолете патрончик, не один есть в Одессе блондин, но поверьте мне: Мишка Япончик в своем роде, конечно, один».

Мой дед, которому в то время было больше восьмидесяти, оторвался от телевизора и, посмотрев на меня с грустной улыбкой, сказал:

– Из-за этого Япончика у тебя был шанс не родиться.

– То есть как? – не понял я.

– А очень просто. В начале 18-го года, когда твоей маме исполнилось только два годика, у меня был аптекарский магазин на Тираспольской улице. Я открыл его после окончания университета на деньги, которые взял взаймы у близких друзей. Мы с твоей бабушкой жили при магазине, работали с утра до вечера и надеялись, что вскоре нам удастся вернуть долг.

И вдруг мы получаем письмо с текстом, так напоминающим тот, который приводится в одном из рассказов Бабеля о Бене Крике. Текст был приблизительно таким: «Уважаемый Соломон Борисович! Если Вы хотите, чтобы Ваша дочь выросла живой

и здоровой, положите до субботы под камень в подворотне в доме Пташникова…». Далее следовала сумма, которая в то время была для нас в полном смысле неподъемной. Письмо подбросили во вторник.

Выйдя из шока, я бросился за советом к старому знакомому. Тот посоветовал мне встретиться с человеком, которого ежедневно можно было видеть на Косарке, где скупали и перепродавали краденое. Я должен был подойти к нему и попросить связаться «с самим», чтобы договориться о скидке. Как оказалось, такое было в порядке вещей.

Человек на Косарке спокойно выслушал мою просьбу, высказанную дрожащим голосом, и назначил встречу на завтра.

Я пришел на час раньше, но он уже был на месте. «Я обо всем договорился. Кладите деньги и ждите письма». О каком письме идет речь, я не понял. Взял весь свой тогдашний капитал, завернул в газету и отнес в подворотню, с ужасом думая о том, что кто-то может найти мой пакет раньше адресата.

Второе письмо не заставило себя ждать: «Уважаемый Соломон Борисович! Вашу помощь мы получили. В ближайшее время Вас никто беспокоить не будет. Поцелуйте жену и дочку». Подписи, естественно, не было.

В ближайшее время нас действительно никто из бандитов не беспокоил, не считая советской власти, которая отобрала у меня магазин.

Страшно ли было получать такие письма? Еще как страшно! Это в оперетке все мило и смешно. А тогда по ночам в городе раздавались выстрелы, вспыхивали пожары, тревожную тишину разрезали истерические крики… И люди погибали не только в стычках белых и красных, но и от рук обыкновенных уголовников. Среди них были Япончик и его банда. Вот тебе и «не один в пистолете патрончик…»

Евгений Татарский

Литр пауков

Русского человека можно много в чем упрекнуть и обвинить. В том, что русские якобы лаптями щи хлебают, затем этими же лаптями по карте меряют свои просторы бескрайние, которые больше, чем половина всего африканского континента. В том, что этот народ непутевый владеет несметными природными богатствами, о которых другие народы и не мечтают даже. В том, что без царя-батюшки на престоле народ этот и не народ вовсе, а лишь сборище оборванцев и самозванцев, сами не знающих, какую непредсказуемую штуку выкинут в следующую минуту. Да мало ли еще в чем. Но в отсутствии смекалки русского человека не смогут упрекнуть даже самые лютые русофобы.

Потому как в тех условиях, которые веками складывались на Руси, без смекалки русские давно бы уже вымерли, аки мамонты, к переменчивым окружающим условиям вовремя не приспособившиеся. Что бы ни случилось, русский человек всегда найдет выход из ситуации. Зачастую неправильный, правда. Но он его найдет!

Не отстают от взрослых и дети, иной раз даже более предприимчивые и умеющие хотеть чего-то ну очень-очень сильно. А уж если речь идет о детях, чьи самые беззаботные годы пришлись на очередные социальные потрясения в стране – например, перестройку и развал СССР, – да еще после стольких лет безденежья у родителей и тотального дефицита в магазинах, – и вдруг в ларек возле дома привезли турецкие конфеты и печенье с сахарной крошкой, то жди беды…

В то лето пункты приема стеклотары, макулатуры и металлолома работали с утра до вечера и практически без выходных.

Дети тащили все, что только находили, получали за это несколько помятых купюр и тут же бежали в ларек тратить кровные на сладости. В ход шли стопки пыльных журналов, вытащенных из-под диванов, разломанные раскладушки и, конечно, бутылки. Особенно бутылки! Их сдавали особенно много, потому как и безо всяких социальных потрясений на Руси любят мед-пиво пить. Есть грешок, чего уж там.

И у кого родители были особенно большими почитателями огненной воды, так те были самыми богатыми и, соответственно, могли покупать себе сладостей больше остальных. Если, конечно, сами родители эти бутылки не сдавали, дабы насобирать еще на одну. Взрослые ведь тоже смекалистые, хоть и непутевые.

В поисках чего бы еще сдать ребятишки забирались даже в захламленные сараи и летние кухни, на которые сами взрослые уже давно махнули рукой. И сколько же было радости, когда во время таких вылазок где-нибудь под изъеденным молью ковром или в недрах давно выцветшего и ушедшего на покой шкафа обнаруживалась вдруг забытая всеми пыльная бутылка! Пусть и с какой-нибудь мутной жидкостью на дне, неважно, ее можно отмыть, главное, чтобы не треснутая. Бежал тогда такой мальчонка в пункт приема стеклотары, оглашая улицу триумфальным позвякиванием бутылок в пакетике. Детство!

Но все когда-нибудь заканчивается, закончились и бутылки в закромах, и подшивки газет, и даже заборы кое-где, разобранные на металлический лом. А жевательные резинки с фантиками и шоколадные батончики заморские как продавались в ларьке, так и продаются. Вон они, разноцветные и хрустящие, на витрине лежат. И ждут, кто же их купит. Что делать?

Прокатился тогда среди ребят слушок, будто принимают аптеки для нужд медицинских дары природы. И будто платят за столь благородное дело совсем неплохо. Тут же рассеялись детишки по кустам да по посадкам, стали обносить подчистую цветы софоры, плоды боярышника и ромашковые поляны. Хуже всего пришлось боярышнику. Кто-то где-то слышал, будто кору тоже принимают, и стали ее обдирать нещадно, и целыми лоскутами в пакеты складывать. Опустел двор, все собирательством вдруг занялись.

Остались сидеть на лавочке два парнишки. Как ни хотелось полакомиться турецким печеньем, все же собирать цветочки казалось им делом малоинтересным и уж очень нудным. И принесет ли это доход, еще было неизвестно, так как никто из их знакомых с дарами природы в аптеку не ездил и сдавать не пробовал, все еще только собирали. Аптеки в поселке не было, ближайшая располагалась в городе, до которого еще нужно доехать на маршрутке, тоже не бесплатно. Поэтому узнать, на самом ли деле здравоохранение так уж нуждается в их помощи, было никак нельзя.

Сидят грустные, смекают. А сладкого-то ведь хочется. И тут один из них вдруг вспоминает, что слышал он, будто аптеки помимо лечебной флоры теперь принимают еще и фауну. В частности тарантулов. Медицина не стоит на месте, как-никак.

Призадумались ребятишки. Идея показалась им заманчивой, привлекательной со всех сторон. Вон сколько этих мохнатых беспозвоночных вокруг шныряет, лови – не хочу. Степь все-таки. Единственное, что их смущало, это вопрос, принимают ли тарантулов именно в их городской аптеке. Что если не принимают, и такой ценный товар пропадет зря? Обидно будет.

Хотя, решили они, если их даже и не купят, этих же тарантулов можно будет все равно использовать. Например, устроить между ними бои. Берешь паука, драконишь его так, чтобы ему небо с овчинку показалось, и напускаешь на второго, такого же раздраконенного. И пускай победит сильнейший!

Но все равно лучше, чтобы их купили в аптеке, что уж тут и говорить. Жаль, в ларьке их точно не примут, не обменяют даже на самую крошащуюся жвачку, даже по самому невыгодному курсу. Жаль.

Технология поимки тарантулов была опробована ими уже давно, просто так, забавы ради. Делается это довольно просто, освоить может любой желающий. Для этого нужен кусочек твердого пластилина и веревочка. Один конец веревки утапливается в пластилине, которому придают каплевидную форму. Размер этой обманки должен быть немного меньше, чем диаметр норки паука. И все, орудие готово: берегитесь, мохнатые.

На том и порешили. Один из ребят отправился за инвентарем для ловли, второй же побежал домой за тарой, в которую они

будут складывать свою добычу. Как известно, тарантулы отличаются способностью очень хорошо прыгать, поэтому емкость должна была быть обязательно с крышкой. И повместительней, чтобы их туда побольше напихать. Порыскав по шкафам, ничего более подходящего, чем мамин литровый бидон для сбора ягод, он не нашел, поэтому взял его.

И началась охота. Рыская по всей округе, они выявляли норку за норкой и вытаскивали из них хозяев. Раз за разом пластилиновый шарик опускался на веревочке в темные недра обиталища паука, несколько раз приподнимался и опускался там, имитируя копошащееся насекомое, по недомыслию свалившееся в гиблую дыру, и затем уверенным движением вынимался на свет. В большинстве случаев норы были обитаемы, и на шарике висел свирепый паук, растопыривший в стороны свои малоприятные конечности. Объект вытряхивался в бидончик, и над ним захлопывалась крышка. Всё. Следующий.

И так споро и весело пошла работа, такие многообещающие перспективы маячили на горизонте, что ребята не заметили, как набили полный бидон этой нечисти. Наконец наступил момент, когда, стряхивая очередного тарантула, им приходилось заново ловить двух-трех наглым образом выпрыгнувших из приоткрытого бидона узников и тоже запихивать их обратно. Поэтому они решили на сегодня остановиться и побыстрее продать улов, пока пауки в бидончике друг друга не перелопатили.

Были, конечно, сомнения, хватит ли им на двоих всего одного литра тарантулов. Ведь кто их, пауков, знает, в чем они там измеряются по системе СИ? В штуках? В граммах? В литрах? В квадратных сантиметрах? Да и что с ними потом делают в аптеке? Настаивают на спирту? Центрифугируют? Размельчают и используют как присыпку? Или сцеживают из них яд каким-то образом, из многоразовых?

В любом случае это была уже не их забота, а аптекарей. Им же было главное, чтобы пауков у них в городе все-таки купили, и чтобы одного литра не оказалось слишком мало.

Насобирав по закромам на билеты до города, с полным эмалированным бидоном пауков они подошли к остановке и принялись ждать транспорт. Ходили маршрутки не часто, поэтому ждать

пришлось долго, и на остановке собралась целая толпа жаждущих уехать. Пауки безостановочно возились в своей переносной камере, и оставалось лишь гадать, что они там делают.

Наконец, транспорт пришел, и весь ожидавший люд заполнил душный, прожаренный степным солнцем салон. От духоты не спасал даже приоткрытый люк, в который при движении врывалась струя горячего воздуха. Но двоим пауколовам сейчас все было нипочем. Они представляли себе, как придут в аптеку, как грохнут об прилавок полный бидончик ценнейших тарантулов и как заберут свои честно заработанные деньги.

С каждой минутой пауки отъезжали все дальше от своих норок, а их похитители были все ближе и ближе к своей цели. Автобус шел своим маршрутом, на остановках входили и выходили пассажиры, а ребята с бидончиком, уступив сидячие места старшему поколению, стояли в проходе между сидениями и, попеременно держа свою ценную ношу, уже вовсю планировали, как будут тратить навар.

Вдруг на очередном крутом повороте автобус наскочил передним колесом на кусок непонятно откуда взявшегося кирпича, транспорт крепко тряхнуло, и бидон выскользнул у них из рук. Несколько раз перевернувшись в воздухе, бидончик для ягод грохнулся под ноги стоящим пассажирам, и с него слетела крышка.

Вконец ошалевшие от всего происходящего прыгучие пауки, почувствовав, что вон он, их шанс на спасение, разом вывалили из места лишения свободы и бросились врассыпную кто куда.

Вот тут-то и началась в салоне маршрутки знойная зажигательная итальянская тарантелла! Мигом вокруг бидончика, из которого все продолжали выползать тарантулы, образовалась пустота, словно всех людей вдруг смело взрывной волной. Центр маршрутки опустел, хотя до этого момента казалось, будто в салоне уже и яблоку негде упасть. Ан нет, нашлись резервы в нужный момент. И силы нашлись у всех не только метаться и стряхивать с себя мохнатых, но и лезть повыше…

И все это в полной тишине. Удивительно, но никто из пассажиров не произнес ни звука.

И все это на полной скорости. Лишь спустя несколько секунд все в той же зловещей тишине, хотя как фон тут намного

гармоничнее был бы трехэтажный боцманский мат, водитель увидел в зеркальце заднего вида, что в салоне происходит что-то не то…

Не разбираясь, что случилось, он резко затормозил и открыл двери. И вся орава, пляшущая тарантеллу, мигом вымелась наружу и разбежалась по округе.

Впереди всех бежали два незадачливых предпринимателя. Они неслись во весь дух по полю, стараясь как можно быстрее скрыться с места происшествия. Эти два биологических террориста, в силу возраста еще не читавших Пятикнижия и не знавших, что еще Моисей с Аароном промышляли тем, что напускали на египтян мерзких тварей вроде жаб и мошек, спасались бегством и от тарантулов, и от пассажиров. Потому как понимали, что замешкайся кто-нибудь из них, им бы тогда точно, как говорил Солженицын, сто редек в рот бы засунули.

А водитель в это время метался по салону в тщетных попытках изгнать или передавить пауков, которые все лезли и лезли из катающегося у него под ногами бидончика для ягод…

С тех пор прошли годы. Эти дети выросли и уже сами стали родителями. Теперь уже от них зависит, есть ли в жизни их малышей те маленькие детские радости, которых им самим когда-то так не хватало. И помня, насколько это важно для ребенка, они буквально заваливают своих ребятишек сладостями, игрушками и новой красивой одеждой.

Но их дети, никогда не знавшие, что такое тотальный дефицит, относятся к этому как к должному и просто не могут оценить всю важность, всю значимость этого изобилия по достоинству.

Григорий Редько

В несколько строк

Мифы и реальность

1.

В Святом Граале кровь священна,
Распятья верности наивной.
За чашу просим мы прощенья,
А дна по-прежнему не видно.

2.

Чиновники врали и крали,
От них покаянья не жди.
Забыли о нормах морали
Различного сорта вожди.
    Забота о ближнем для вида
    Начальникам этим нужна.
    Но что-то пока Немезида
    Была с ними слишком нежна.
Карающий меч зачехлила,
И грязи наевшись сполна,
Краснея, летит себе мимо...
Стесняется, видно, она.

Два открытия

1

Удел учителей, увы, таков
(И странно, что мы счастливы при этом),
Не можем выбрать мы учеников,
Врачи – больных, читателей – поэты.

2

Внезапно ясно стало мне,
А всем, быть может, очевидно:
СМЕРТЬ – ОБРАЗ ЖИЗНИ НА ВОЙНЕ.
Болит и за людей обидно.

Памяти Аркадия Креймера

Талант дружбы

Начну с предыстории. Когда-то в 80-е годы я делал репортаж для «Вечерней Одессы» об открывающемся Музее сказок в школе № 117. Рассказывала об идее этого музея завуч школы, рассказывала скучно, я пытался ее разговорить, узнать живые детали… Заученные слова, казалось, не станут увлекательным рассказом. И тут вдруг молодой человек в рабочем халате, красивший декорации, отложил свои инструменты, подошел к нам и весело, ярко заговорил о том, как создается этот музей с героями русских сказок, с резными окнами и дверями русской избы, с яркими декорациями, с движущимися фигурками сказочных героев. Человек, которого я принял за рабочего, оказался учителем труда, придумавшим и во многом воплотившим в реальность этот музей на радость детям. Мы познакомились, я записал в блокнот – Аркадий Креймер.

Прошло лет двадцать, мы встретились с Аркадием во Всемирном клубе одесситов, узнали друг друга, вспомнили нашу первую встречу, и у нас, думаю, обоих возникло ощущение многолетней дружбы.

Не случайно я употребил слово – дружба. В наши годы новые отношения завязываются на уровне приятельских. Но Аркадий так располагал к себе, так был надежен, что почти сразу поднимал отношения до высоко уровня – дружбы.

С какими разными – по судьбам, по характерам – людьми дружил Аркаша Креймер! С Женей Новицким – археологом, писателем, племянником Ильи Шенкера. С Аркадием Львовым – сегодня старейшиной одесских литераторов. С Александрой Ильиничной Ильф, Сашенькой, «дочерью Ильфа и Петрова», как она стала себя называть, устав от многочисленных дурацких вопросов: «Вы действительно дочь Ильфа и Петрова?!»… С Марком Соколянским, профессором, литературоведом.

Всё это были не формальные отношения, а доверительные, искренние чувства.

Благожелательный и неравнодушный человек, Аркадий по первому зову, по первой просьбе тут же бросался на помощь, опекал, помогал, тратил не только время, но и душевные силы. И не потому, что так должно, а потому, что не мог иначе, что это было ему интересно, это подпитывало его самого.

Какие прогулки по городу совершал с Резо Габриадзе…

С каким энтузиазмом показывал репринтные книги, подготовленные его другом Сашей Бирштейном…

Как помогал в выборе жилья на несколько дней в Одессе, увидеть Одессу и Нине Аловерт (Нина, узнав о смерти Аркаши, написала, что он – одно из самых солнечных воспоминаний об Одессе), и Марку Серману, Раде Алой, автору путеводителя по Парижу для зевак.

Кстати, именно этот путеводитель, подаренный Радой Аркадию, натолкнул его на мысль – сделать на сайте Всемирного клуба одесситов такой же, но электронный путеводитель. И этим, как всегда, усердно и терпеливо Аркадий занимался последние полтора года, перенося на сайт множество сведений, информацию, которую он черпал из «Старой Одессы» А.М. Дерибаса, многих дореволюционных путеводителей. Да и из клубного диска «Они оставили след в истории Одессы», в создании которого Аркадий принимал под руководством Леонида Рукмана непосредственное участие.

Кстати, все его дружественные связи были вложены в работу клуба. Дружба с Аркадием Хасиным – презентация книг Хасина в клубе, дружба с художником Сергеем Крыловским – это выставки Крыловского в Одессе и Москве, это забота о нем, когда Сергея оперировали…

Учительский талант не исчез в Аркаше и тогда, когда началась его работа в клубе. Как-то он услышал, что школьников на уроках «одессоведения» учат не столько любви к Одессе, свободному, вольнолюбивому городу, созданному талантливыми людьми со всего мира, давшему всему миру тысячи выдающихся писателей, музыкантов, ученых, актеров, политиков, сколько байкам о «бандитской Одессе».

И тут же пришло решение – провести с учениками всех школ города по одному уроку в клубе. Не успел до конца он выполнить свой замысел. Но я, буквально на несколько минут спустившись в наш «нижний этаж», услышал, как он ведет такой урок. Весело, как теперь говорят – интерактивно, ни на минуту не теряя магической власти своего обаяния над школьниками.

Осталось еще много не воплощенных идей: провести выставку Леонида Гервица, тончайшего живописца, одессита, родившегося в доме, где находится клуб, живущего в Нью-Йорке. Развивать связи с Таллинном до такого уровня, чтобы провести неделю Таллинна в Одессе и неделю Одессы в Таллинне. Серьезно заняться Китаем, в частности Харбином, где в тридцатые годы была одесская «колония».

Признаюсь, с Аркадием было трудно посидеть, поговорить за чашкой кофе. Буквально через несколько минут раздавался призыв Леонида Рукмана – «Аркадий!». То нужно было срочно что-то наладить в компьютере, то распечатать документ, то отправить рассылку, то помочь найти мобильный…

Когда-то Анатолий Горбатюк, назвав Рукмана и Креймера Чуком и Геком, сравнил их с сообщающимися сосудами. Насколько это верно, стало понятно после безвременной кончины Аркадия… Десятки дел были завязаны в клубе на него. Он выполнял их незаметно, не отягощая других этой нагрузкой. И при этом всегда успевал сварить кофе, показать книги, картины.

Кстати, и развеска картин чаще всего была делом его рук. Кое-кто из живописцев развешивал свои работы сам – Стас Жалобнюк, к примеру. Многие же доверяли экспозицию работ Аркадию. Он отлично справлялся и с этим.

В нем привлекали благожелательность, радушие, открытость. У меня перед глазами и сейчас его обезоруживающая улыбка.

Две ключевые фразы.

Ушедший следом за Аркадием Гарик Голубенко написал: «Одесса – это улыбка Бога».

Елена Павлова сказала: «Аркадий – это улыбка клуба».

Как теперь не хватает этой светлой улыбки…

Евгений Голубовский

Памяти Аркадия Креймера

Талант дружбы

Начну с предыстории. Когда-то в 80-е годы я делал репортаж для «Вечерней Одессы» об открывающемся Музее сказок в школе № 117. Рассказывала об идее этого музея завуч школы, рассказывала скучно, я пытался ее разговорить, узнать живые детали… Заученные слова, казалось, не станут увлекательным рассказом. И тут вдруг молодой человек в рабочем халате, красивший декорации, отложил свои инструменты, подошел к нам и весело, ярко заговорил о том, как создается этот музей с героями русских сказок, с резными окнами и дверями русской избы, с яркими декорациями, с движущимися фигурками сказочных героев. Человек, которого я принял за рабочего, оказался учителем труда, придумавшим и во многом воплотившим в реальность этот музей на радость детям. Мы познакомились, я записал в блокнот – Аркадий Креймер.

Прошло лет двадцать, мы встретились с Аркадием во Всемирном клубе одесситов, узнали друг друга, вспомнили нашу первую встречу, и у нас, думаю, обоих возникло ощущение многолетней дружбы.

Не случайно я употребил слово – дружба. В наши годы новые отношения завязываются на уровне приятельских. Но Аркадий так располагал к себе, так был надежен, что почти сразу поднимал отношения до высоко уровня – дружбы.

С какими разными – по судьбам, по характерам – людьми дружил Аркаша Креймер! С Женей Новицким – археологом, писателем, племянником Ильи Шенкера. С Аркадием Львовым – сегодня старейшиной одесских литераторов. С Александрой Ильиничной Ильф, Сашенькой, «дочерью Ильфа и Петрова», как она стала себя называть, устав от многочисленных дурацких вопросов: «Вы действительно дочь Ильфа и Петрова?!»… С Марком Соколянским, профессором, литературоведом.

Всё это были не формальные отношения, а доверительные, искренние чувства.

Благожелательный и неравнодушный человек, Аркадий по первому зову, по первой просьбе тут же бросался на помощь, опекал, помогал, тратил не только время, но и душевные силы. И не потому, что так должно, а потому, что не мог иначе, что это было ему интересно, это подпитывало его самого.

Какие прогулки по городу совершал с Резо Габриадзе…

С каким энтузиазмом показывал репринтные книги, подготовленные его другом Сашей Бирштейном…

Как помогал в выборе жилья на несколько дней в Одессе, увидеть Одессу и Нине Аловерт (Нина, узнав о смерти Аркаши, написала, что он – одно из самых солнечных воспоминаний об Одессе), и Марку Серману, Раде Алой, автору путеводителя по Парижу для зевак.

Кстати, именно этот путеводитель, подаренный Радой Аркадию, натолкнул его на мысль – сделать на сайте Всемирного клуба одесситов такой же, но электронный путеводитель. И этим, как всегда, усердно и терпеливо Аркадий занимался последние полтора года, перенося на сайт множество сведений, информацию, которую он черпал из «Старой Одессы» А.М. Дерибаса, многих дореволюционных путеводителей. Да и из клубного диска «Они оставили след в истории Одессы», в создании которого Аркадий принимал под руководством Леонида Рукмана непосредственное участие.

Кстати, все его дружественные связи были вложены в работу клуба. Дружба с Аркадием Хасиным – презентация книг Хасина в клубе, дружба с художником Сергеем Крыловским – это выставки Крыловского в Одессе и Москве, это забота о нем, когда Сергея оперировали…

Учительский талант не исчез в Аркаше и тогда, когда началась его работа в клубе. Как-то он услышал, что школьников на уроках «одессоведения» учат не столько любви к Одессе, свободному, вольнолюбивому городу, созданному талантливыми людьми со всего мира, давшему всему миру тысячи выдающихся писателей, музыкантов, ученых, актеров, политиков, сколько байкам о «бандитской Одессе».

И тут же пришло решение – провести с учениками всех школ города по одному уроку в клубе. Не успел до конца он выполнить свой замысел. Но я, буквально на несколько минут спустившись в наш «нижний этаж», услышал, как он ведет такой урок. Весело, как теперь говорят – интерактивно, ни на минуту не теряя магической власти своего обаяния над школьниками.

Осталось еще много не воплощенных идей: провести выставку Леонида Гервица, тончайшего живописца, одессита, родившегося в доме, где находится клуб, живущего в Нью-Йорке. Развивать связи с Таллинном до такого уровня, чтобы провести неделю Таллинна в Одессе и неделю Одессы в Таллинне. Серьезно заняться Китаем, в частности Харбином, где в тридцатые годы была одесская «колония».

Признаюсь, с Аркадием было трудно посидеть, поговорить за чашкой кофе. Буквально через несколько минут раздавался призыв Леонида Рукмана – «Аркадий!». То нужно было срочно что-то наладить в компьютере, то распечатать документ, то отправить рассылку, то помочь найти мобильный…

Когда-то Анатолий Горбатюк, назвав Рукмана и Креймера Чуком и Геком, сравнил их с сообщающимися сосудами. Насколько это верно, стало понятно после безвременной кончины Аркадия… Десятки дел были завязаны в клубе на него. Он выполнял их незаметно, не отягощая других этой нагрузкой. И при этом всегда успевал сварить кофе, показать книги, картины.

Кстати, и развеска картин чаще всего была делом его рук. Кое-кто из живописцев развешивал свои работы сам – Стас Жалобнюк, к примеру. Многие же доверяли экспозицию работ Аркадию. Он отлично справлялся и с этим.

В нем привлекали благожелательность, радушие, открытость. У меня перед глазами и сейчас его обезоруживающая улыбка.

Две ключевые фразы.

Ушедший следом за Аркадием Гарик Голубенко написал: «Одесса – это улыбка Бога».

Елена Павлова сказала: «Аркадий – это улыбка клуба».

Как теперь не хватает этой светлой улыбки…

Евгений Голубовский

Юные одесситы – о родном городе

Полгода назад, в самом конце осени 2014 года, внезапно осиротел Всемирный клуб одесситов – от нас ушел заместитель директора клуба Аркадий Креймер. Об этом удивительно светлом, добром и энергичном человеке сказано и написано немало, но у всех, кто близко знал Аркадия, оставалось чувство неудовлетворенности. Как будто что-то очень важное для увековечения его памяти еще не сделано. И здесь свое веское слово сказала Нина Ивановна Бондаренко, вдова Аркадия, его единомышленник, женщина деятельная и энергичная. «Толя, – раздался ее звонок где-то в середине апреля, – Толя, как ты смотришь на организацию конкурса памяти Аркаши?»…

И конкурс состоялся! Немного истории. У Аркадия было две слабости – Одесса и юное поколение одесситов. Он беззаветно любил наш Город и страшно переживал из-за того, что юные горожане в своем большинстве очень слабо знают славную историю Жемчужины-у-Моря. Вот почему по его инициативе Всемирный клуб одесситов широко открыл двери для школьников старших классов, и в течение многих месяцев здесь ежедневно проводились беседы по истории Одессы и деятельности клуба. Более того, этот неугомонный Аркаша «заразил» своим фанатизмом и директора ВКО Леонида Рукмана, в результате чего беседы проводили уже оба – сегодня для старшеклассников одной школы, завтра – другой…

Конечно же, предложение Нины Ивановны – организовать конкурс работ по истории Одессы имени Аркадия Креймера среди старшеклассников одесских школ – нашел серьезнейшую под-

держку не только среди энтузиастов клуба и одесских краеведов, но и в Департаменте образования и науки Одесского горисполкома. Приятно удивила неподдельная активность в организации конкурса заместителя городского головы Зинаиды Николаевны Цвиринько, которая на заседании оргкомитета тщательно анализировала все детали и в конечном счете повлияла и на «экономику» конкурса в части определения призовой составляющей.

Жюри – строгое и бескомпромиссное (говорю это без малейшей иронии) – оценило около трех десятков работ, выдвинутых на заключительный тур. Каждая конкурсная работа обсуждалась на месте – в присутствии конкурсанта и аудитории «болельщиков». Члены жюри демонстрировали искреннюю доброжелательность, не скупились на похвалы, а критические замечания звучали мягко, так что никто из конкурсантов не покинул место проведения конкурса в подавленном настроении.

Что касается качества самих работ, не могу сказать, что все они исполнены на достаточно высоком уровне, но как может быть иначе? Ведь эти девочки и мальчики делают только первые шаги в познании истории Великого Города! Зато какой энтузиазм был продемонстрирован, какое неуемное желание поярче раскрыть выбранную тему! Как и в заключительном выступлении

по итогам конкурса, я умышленно не называю ни одного имени его участников: все они заслуживают самых добрых слов – и ставшие лауреатами, и не отмеченные призами.

Не могу не сказать несколько слов об обидных ляпах, кочующих из одной работы в другую, что, как понимает мой догадливый читатель, не связано с тем, что кто-то у кого-то что-то позаимствовал, то есть, грубо говоря, скатал. Все намного прозаичнее: наши девочки и мальчики давно открыли для себя великий и ужасный Интернет и вовсю пользуются его содержимым, препарировать которое следует чрезвычайно осторожно, потому что глупостей там содержится не меньше, чем вещей правильных. Вот потому, например, де Рибаса упорно называют первым градоначальником Одессы, хоть он таковым, как известно, никогда не был, а именовался главным строителем города и порта – в отличие от Ришелье, первого градоначальника Одессы. Или «отправляют» Александра Сергеевича Пушкина в ссылку в Одессу, хоть будущий великий поэт был направлен в наши края *в командировку*, а для ссылки у батюшки-царя были места более подходящие. Сибирь, например. Или категорическое утверждение, что задолго до Октябрьского переворота был построен завод… «Большевик». Не пробково-линолеумная мануфактура Викандера и Ларсона,

переименованная впоследствии в завод «Большевик», а именно так. Когда-то мне пришлось прочесть, что архитектор Боффо построил здание обкома партии. Похоже, не правда ли? Или бесконечное количество раз повторяемый такой ласковый на слух, но совершенно безграмотный термин «Южная Пальмира». Северной Пальмирой россияне назвали когда-то Санкт-Петербург, а когда расцвела наша Одесса, какой-то не шибко грамотный одессит назвал наш город Южной Пальмирой (в противовес той, Северной), не догадываясь, очевидно, что настоящая Пальмира (она же Южная, она же единственная) находится в Сирии…

Не обошлось и без курьеза. Заканчивая рассказ на тему «Основатели Одессы де Рибас и де Волан», некий юный конкурсант предложил напоследок несколько озадаченному жюри прослушать старую песню об Одессе. Имея некоторое отношение к музыке, я начал лихорадочно вспоминать, какая песня имеет отношение к замечательным основателям Города, так и не вспомнил, а в зале в это время зазвучало: «Ах, Одесса, жемчужина у моря…» – и здесь из меня буквально вырвался комментарий: «Слова де Волана, музыка де Рибаса». Получилось смешно…

Но все перечисленное – сущие мелочи на фоне зрелых, грамотных и исторически выверенных работ, каких было большинство,

с прекрасными иллюстрациями и фоновым оформлением. Значительная часть конкурсантов вели себя как истинные экскурсоводы по Одессе, которую они любят и знают досконально, – почти не заглядывая в текст и демонстрируя не только добротную речь, но и хорошие манеры. Так что вовсе не случайно работавший в жюри представитель одной из экскурсионных компаний твердо положил глаз на нескольких юных конкурсантов.

А все же одну работу я назову – «Где мы таки дышим воздухом в самом центре Одессы?». Ее автор – ученица 8-го класса 121-й школы Екатерина Ужевская. Несметное количество раз проходя уютными аллеями Городского сада, я и представить не мог, как богата и сказочно разнообразна его дендрофлора, а вот Катя смогла, да еще великолепно построила свой рассказ. По жюри пронеслось: «Да это же готовая кандидатская диссертация…». Екатерине Ужевской достался специальный приз от судоходной компании «Укрферри» (президент А.М. Курлянд) – круиз по Черному морю…

Немаловажная деталь: часть конкурсных работ прозвучала на украинском языке, и не на каком-то суржике, а на чистом, литературном, и это, конечно же, радует: в украинском городе с русскоговорящим (большей частью) населением, каковым является Одесса, школьники в раскрытии такой сложной тематики выбирают для освещения государственный язык и делают это с блеском!

И вот настал день подведения итогов конкурса. Все было обставлено очень торжественно, к чему обязывало само помещение, где происходило действо, – сессионный зал городского совета. А когда умолкли фанфары, начали расходиться счастливые победители, награжденные действительно ценными подарками (компьютеры, фотоаппараты и другие приятные вещицы), и зал опустел, я мысленно обратился к безвременно ушедшему моему другу, человеку с доброй, слегка печальной улыбкой и неимоверно широкой душой: «Ну как, Аркаша, ты доволен?». Ответ я не получил, но уверен: ему понравилось…

Анатолий Горбатюк,

сопредседатель жюри 1-го конкурса памяти Аркадия Креймера

Памяти Александра Розенбойма

Неисправимый романтик

– Вы знаете, что это? Это кронштейн от газового фонаря, – его рука показывала на чудом сохранившийся неказистый предмет на фасаде старого дома с облупившейся штукатуркой. Тысячи прохожих не обратили бы на него внимания, но острый взгляд человека, влюбленного в свой город, никогда не пропускал ни одной черточки в его облике.

У Александра Розенбойма как у серьезного глубокого ученого никогда и ни в чем не было мелочей. Он должен был докопаться (и всегда докапывался) до «самой сути». Но, в отличие от академических ученых, Александр Юльевич писал не научные труды, а живые, бесконечно интересные книги об Одессе и одесситах, адресованные, как принято говорить, «широкому читателю», но при этом представляющие интерес для самых серьезных исследователей. Добытые им сведения всегда опирались на документы и факты, на свидетельства современников и потомков, были точны, выверены, грамотно прокомментированы.

Александр Юльевич умел работать с архивами и библиотечными собраниями профессионально и мог бы в этом дать фору многим историкам и филологам. Всю жизнь он открывал Одессу одесситам и всем, кто неравнодушен к нашему городу.

Этот просветительский процесс был нерегламентированным. Розенбойма можно было случайно встретить в городе, разговориться и тут же прослушать интереснейшее сообщение о том новом, что ему недавно удалось узнать, выяснить, обнаружить. Отношение к одесскому прошлому было у Александра Юльевича поистине возвышенным, романтическим. Он придавал значение многим мелочам, неизменно подчеркивая, что «это могло произойти только в Одессе».

Как мне кажется, он олицетворял «одесский характер» в самом лучшем его проявлении: глубокая интеллигентность, мягкий юмор и исключительная доброжелательность. Эти качества личности отражены в его книгах, которые – лучшая память о замечательном одессите Александре Юльевиче Розенбойме.

Роман Бродавко

Мемории о Малой Арнаутской

Александр Виноградский, бывший директор Культурного центра при Одесском обществе еврейской культуры (Малая Арнаутская, 46а) известен как бард. Он писал стихи и музыку, но не владел нотной грамотой. В 2001 году он обратился ко мне, дочери его покойного друга Александра Шафира, с просьбой записать мелодию песни «Мемории о Малой Арнаутской», сочиненной им на стихи Александра Розенбойма. Я с удовольствием выполнила его просьбу, написав также аккомпанемент.

Александра Розенбойма широкая публика знает как автора прозаических произведений, которые он публиковал под псевдонимом Ростислав Александров. Когда же возник вопрос о публикации песни на его стихи, Александр Юльевич подписал их псевдонимом Александр Танин – в честь своей дочери Татьяны.

Александр Виноградский опубликовал эту песню в двух сборниках: «Проходные дворы Молдаванки» (2001 г.) и «Судьбою данный город» (2003 г.), которые вышли в издательстве «Optimum».

В 2008 г. в издательстве «Негоциант» увидел свет сборник моих музыкальных произведений «Лестницы ступени». В раздел аранжированных мной песен я включила «Мемории о Малой Арнаутской» в новой редакции, которая Александру Юльевичу понравилась больше, чем предыдущая.

Однажды я спросила у Александра Юльевича, есть ли у него еще поэтические тексты. И он признался, что, кроме этого стихотворения, у него больше нет ничего, достойного внимания. Недавно мы записали с Семеном Вайнблатом эту песню на диск и подарили автору стихов. Нам было приятно услышать от сдер-

жанного, немногословного и скупого на похвалу Александра Юльевича теплые благодарственные слова в наш адрес.

Инна Вайнблат-Шафир

Слова Александра Танина
Музыка Александра Виноградского
Аккомпанемент Инны Вайнблат-Шафир

Мемории о Малой Арнаутской

Язык одесский там считался речью русской,
Крутил свой «Зингер» старенький портной,
И под акациями Малой Арнаутской
Катил биндюжник по булыжной мостовой.

И фрайера гуляли не спеша,
Зажав зубами папироски лихо.
Там тихо говорили просто «ША»,
И это означало просто «ТИХО».

А в погребках фартовый люд кутил, (+ 2 слога)
А во дворах гудели примуса, (+ 2 слога)
И старэвэщник с рыжей торбою бродил,
И пьяных нищих раздавались голоса.

Стучали дятлами секачки по доске,
Рождая синеньких волшебную икру,
И пацаны галдели во дворе, (+ 2 слога)
Играя в жмурки, в эту вечную игру.

Но ничегошеньки не вечно под луной,
Там не гудят уже трудяги-примуса,
Где детству нашему давно был дан отбой,
И наша юность убирала паруса.

Но майским вечером опять сведет с ума
Акаций запах, что над улицей плывет,
И любопытною соседкою луна
Глядит на двор и ничего не узнает.

Лишь любопытною соседкою луна
Глядит на двор, и никого не узнает.

1998

Дом на Кривой

Тема книги «Улицы нестрогих дев» необычна. Уточнение в подзаголовке – «Из истории проституции в Одессе». В ответ на ожидаемый вопрос читателя, почему автор выбрал эту тему, Александр Розенбойм ответил так: «Но кто сказал или где написано, что в истории Одессы есть хоть одна страница, которая не должна быть открыта и прочитана пусть даже много лет спустя?». Может быть, пролетят десятилетия, и кто-то напишет книгу на эту же тему, но о нашем времени, потому что древнейшие профессии так быстро не исчезают.

Но это книга не только о «нестрогих девах». Это книга об Одессе, о ее домах, улицах, бульварах, парках и, разумеется, о людях с разными судьбами. Главное для современного читателя – не то, где можно было встретить «нестрогих дев»: Городской сад, Александровский парк (ныне парк им. Т. Шевченко), Пале-Рояль, Красный переулок, а исторические сведения о том, что представляли собой эти территории, кому они принадлежали, какие здесь были сооружения, какие известные личности здесь бывали и в каких художественных произведениях или мемуарах они запечатлели свое восприятие Одессы того времени.

В какой-то мере и я причастен к созданию этой книги. Я родился на ул. Провиантской, 19 (ныне Асташкина, а в прошлом она называлась Кривая). Этот дом уже несколько лет как снесли. Там сейчас многоэтажка. Однажды, в 2007 г., я сообщил Александру Юльевичу, что старожилы этого дома мне рассказывали, что в прошлом один из флигелей этого дома, а также несколько жилых зданий возле бани № 6 и напротив ее были публичными домами. Александр Юльевич попросил меня показать флигель.

Он в то время подлежал сносу, и в нем никто не проживал. Мы, прихватив фотоаппарат, посетили этот дом и сделали несколько фотографий. Через некоторое время Александр Юльевич, работая в архиве, нашел подтверждение моим словам и сказал, что будет собирать материал для новой книги. Изредка он рассказывал о том, что успел уже написать. В апреле этого года он сообщил мне, что макет готов, и он ищет спонсора. Так спустя 8 лет издательство «Optimum» опубликовало его новую книгу, объемом более 300 страниц. На странице 306 можно прочитать: «Кривая была улицей домов терпимости, что воспринималось уже как нечто обычное, как море у берегов Ланжерона или Толкучий рынок на Прохоровской площади».

Когда 26 мая я по его просьбе принес ему из издательства первые шесть экземпляров новой книги, он произнес с улыбкой только одно слово: «Дождался». А когда в комнату вошла его супруга, он сказал: «Посмотри!». Это была наша последняя встреча.

Семен Вайнблат

Саша из Арнаутской слободки…

В прошлом году Саша поздравил меня с 60-летним юбилеем нашего знакомства. Объединили в 1954-м году мужские и женские школы. Саша Розенбойм учился в параллельном классе. Естественно, не с первого дня, несколько позже мы часто возвращались домой вместе, нам было по пути. Один из самых первых текстов мною был написан благодаря Саше. Уже много лет спустя он вспоминал школьный спектакль, в котором я участвовала. Так благодаря Саше появился мой рассказ «Платье мадам Обломок». Потом еще не один текст начинался словами: «Саша Розенбойм спрашивает…». И последние тексты – о графинах и об одесских корнях профессора Гуковского – написаны благодаря Саше. О графинах он успел прочитать…

«…Более чем полвека назад я часто шла из школы с двумя мальчиками. Мы шли по Большой Арнаутской, потом по Гимназической, на углу прощались, мальчики отправлялись дальше – по Малой Арнаутской. Мальчики были из параллельного класса. Наш «маршрутный» союз давал повод для насмешек: «Смотри, опять идут Король, Королева, а между ними – Розенбойм!». У Бори действительно была фамилия Король, мою фамилию Королёва всегда переиначивали в Королеву. А настоящим королем стал со временем Александр Розенбойм. Королем одессики. Одним из тех хранителей, собирателей одесской истории, к которым можно применить слова древней притчи: «много званых, но мало избранных». Эта плеяда «мало избранных» начиналась с Александра Михайловича Дерибаса, Доротеи Атлас и преумножилась известными именами наших замечательных современников, Розенбойм из этого прекрасного содружества».

Именно тогда Саша Розенбойм преподал мне первый урок одессики. Как-то к ним в класс, рассказывал Саша, пришел человек, рассказавший, что эту школу – 101-ю – он окончил сорок лет назад. Правда, тогда это была еще гимназия Панченко. Саша и через много лет говорил, что мы учились в бывшей гимназии Панченко. Может, школьник Саша Розенбойм тогда, более 60-ти лет назад, начал заниматься историей родного города и делал это до последнего вздоха…

А письма Саша часто подписывал: «С Арнаутской слободки»…

Валентина Голубовская

Из раньшего времени

Сказать, что Саша любил Одессу, – это еще ничего не сказать. Он был частью Одессы, таким себя ощущал, прожил жизнь, неся в себе легенду города, его язык, его оптимизм и доброжелательность.

Первую статью о Сашке-музыканте из «Гамбринуса» Александр Розенбойм принес мне в «Комсомольскую искру», с нее начался Ростислав Александров, а по сути – и краеведческая страница «Одессика». Для первого номера «Всемирных одесских новостей» заказал ему статью «Прототипы Остапа Бендера», с нами он был в журнале «Одесса», а в первых четырех номерах альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» А.Ю. Розенбойм рассказал о четырех углах на Дерибасовской и Ришельевской. Трудно сосчитать количество статей, написанных им за полвека.

Только что вышла его, как мне кажется, двадцатая книга, «Улицы нестрогих дев». А сколько еще было в планах… Но главное, он успел написать книгу о Бабеле, написал книгу о «Времени больших ожиданий» К.Г. Паустовского. Саша искал, находил людей «из раньшего времени». Сейчас осознаешь, что он сам был одним из них, из исчезающего племени ироничных и мудрых одесситов.

Мы публиковали его неоднократно, но о нем вроде бы и не писали. Как-то не принято было писать друг о друге, подшучивать – это всегда пожалуйста… Но к 70-летию А.Ю. Розенбойма в августе 2009 года на первой странице «Всемирных одесских новостей» я написал о нем передовицу, ее мне хочется повторить и сегодня. В ней живой Саша. Таким для нас он и останется. Можно было бы исправить несколько чисел, выросло количество книг. Но не хочу трогать этот текст. Тогда он понравился герою передовицы.

«Слушайте сюда!»

Если об этом просит Саша Розенбойм, как всегда, чуть подняв указательный палец левой руки вверх, то поверьте моему опыту, а это ни много ни мало – сорок три года сотрудничества, Сашу «таки да!» нужно слушать.

Мало кто в нашем городе так естественно говорит на «одесском языке», знает его не по литературным источникам, а изнутри, из дворов Малой Арнаутской, где он живет всю жизнь, из дворов Молдаванки, где жили его бесчисленные собеседники и герои его книг.

Одну из глав своей книги «Ришельевская симфония» он так и назвал «Слушайте сюда!». И сколько в этой главе фраз, которые нельзя придумать, их можно только услышать! И навсегда запомнить. Как торговались на базаре: «Два рубля? Вы хорошо хотите». Как встречали в винных подвальчиках: «Попробуйте в натуральности шабских вин!». Как выносили окончательный приговор во дворе: «Он таки малахольный на всю голову!»…

Нет, не только этим владением языка Одессы славен Александр Розенбойм. Многознающий краевед, он десятки лет жизни посвятил тому, чтобы воссоздать подлинную историю литературной Одессы XX века, а не такой, какой в разные периоды, да и сегодня тоже, хотят ее видеть чиновники от идеологии. Кто лучше, доскональнее его знает сегодня одесские годы Эдуарда Багрицкого, Исаака Бабеля, Юрия Олеши… И все эти знания он не таил, а щедро выплескивал – вначале на страницы газет «Комсомольская искра», «Вечерняя Одесса», «Вестник региона», «Всемирные одесские новости», затем на страницы своих книг.

Горжусь тем, что первая публикация Александра Розенбойма – о герое купринского «Гамбринуса» Сашке-музыканте – проходила через мои руки, готовилась в созданный мной на страницах «Комсомольской искры» краеведческий клуб «Одессика». А в этом году у Александра Розенбойма вышла 15-я (!) книга – «Угол Екатерининской».

Понимаю, что в литературе, в журналистике он останется Ростиславом Александровым. И хоть это идеологическая издержка не самых благоприятных для творчества времен, но сотни статей,

пятнадцать книг не переименуешь. Но, к счастью, сегодня его знают и по подлинному имени, и по литературному псевдониму, и это не вызывает сложностей в идентификации личности героя этой колонки.

В сентябре 2009 года Александру Юльевичу Розенбойму исполняется 70 лет. Он родился, когда Одессе – главной героине всех его книг – уже минуло 145 лет. Трудно представить себе другого человека, так сросшегося с легендой родного города. Расшифровывая мифы Одессы, он продолжает дело Александра де Рибаса, Константина Паустовского, Валентина Катаева, учит любить Вселенную, имя которой – Одесса.

Пятнадцать книг, сотни статей – это серьезный вклад в одессику, в историю литературного Юго-Запада. Но рано подводить итоги. Ростислав Александров порадует всех своих читателей большой книгой о Бабеле. На это я надеюсь, в этом я уверен. К этой книге – отдельными статьями, разысканиями, находками – он идет уже полвека.

Так что, если кому-либо из вас Александр Розенбойм скажет: «Слушайте сюда!» – как бы вы ни спешили, остановитесь и слушайте. Ему есть что сказать. Не перебивайте его, не говорите ему: «Замолчи свой рот!». А пока прочитайте его статью «Профессор с Дерибасовской улицы».

И, как говорили в Одессе, – «таких вот дел».

Память о Саше будет жить в его книгах. Думаю, мы, его друзья, выпустим сборник воспоминаний о нем. Надеюсь, в отделе краеведения библиотеки им. Горького, где месяцами, годами работал Александр Розенбойм, появится полка с 20 книгами Ростислава Александрова.

Евгений Голубовский

Спасибо, Саша!

…Долгое время он оставался для меня Ростиславом Александровым – великим знатоком Города и романтиком, каким-то непостижимым образом умудряющимся при этом скрупулезно относиться к любым историческим фактам. Никогда не забуду, как потрясла меня прочитанная у него фраза: «С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя «Пролетарский», вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться…». Чувствуете эту невыносимую тоску, не человека – скульптуры, а вместе с Лаокооном – и автора этих строк?..

…Когда после 7-летнего пребывания в Лос-Анджелесе состоялось мое счастливое возвращение в Одессу, первым человеком, с кем меня во Всемирном клубе одесситов познакомил незабвенный Аркаша Креймер, был сухощавый седеющий мужчина среднего роста с дымящейся сигаретой.

– Розенбойм, Саша, – коротко представился он и с улыбкой добавил: – С возвращением в Одессу!

Мы долго разговаривали, а я все не догадывался, что это тот самый, уже очень популярный автор, которого я неоднократно цитировал, когда писал о нашем Городе…

…Вскоре я закончил книгу «Мое одесское детство» и по совету того же Аркадия показал ее Розенбойму – до отправки в издательство. Говорят, книга получилась, и здесь огромную роль сыграли несколько замечаний, сделанных Сашей. Более того, он написал послесловие к книге.

Вернувшись домой после поминок, я перечитал его, с трудом сдерживая слезы. С неисчерпаемой грустью и огромной гор-

достью в очередной раз цитирую этого удивительного человека – Александра Юльевича Розенбойма: «Чтобы узнать человека, совсем не обязательно кушать с ним пуд соли, даже если она была выпарена из чудодейственной воды нашего Куяльницкого лимана. Достаточно прочитать его книгу…»…

Анатолий Горбатюк

Мы станем бродить за ним...

– Розенбойм ушел, и нам плохо без него. Не хотел лечиться, оперироваться, ходить с «водовыпуском». Нам плохо, и мы перекладываем на него ответственность за это наше плохо. Не подлежит порицанию: ни наше стремление самоуспокоиться, ни его право распорядиться жизнью по собственному усмотрению. Саша не хотел лечиться, он хотел учиться у жизни, чем и занимался, мужественно, в удовольствие. Здесь как раз тот случай, когда достоинства переходят в любимые окружающими недостатки. Он был упрям и обидчив. Упрямо работал на Добро, переживая обиду за унижение ветшающей Одессы. Розенбоймы не воспроизводятся, это одесситы «из раньшего времени», архаичная модель, раритет. Сравнивая с новыми генерациями, некорректны категории лучше-хуже. Речь идет о неповторимости, незаменимости. Никто не заменит мне Сашу Розенбойма, как ничто и никогда не заменит нам Города Детства, родную улицу, старый дом.

Саша был изрядным абсентеистом – во всем, что касалось собственного благополучия, – и трогательно неравнодушен к судьбе друзей. Умел деликатно сопереживать, помогать, делать подарки, держать в башке не только литературно-краеведческие даты, но и дни рождения моих детей, жен, подруг. Мы были коллегами, включая такую почтенную отрасль знаний, как алкогольная топография, особенно увлекательную в сочетании с историческим бытописанием. Сравнивая нас, нахожу категории хуже-лучше как раз уместными. Саша был лучше. Хотя бы уж потому, что даже на самой высокой ноте абсентеистского витийства не забывал о семье. Всегда с самоукоризной и горечью ненавязчиво напоминал нам, распи*дяям, об ответственности. Саша

На снимке Ивана Череватенко – наши давние посиделки с Сашей. Винарка в Малом переулке

очень сильно, пожалуй, болезненно любил жену, сына, часто с гордостью говорил о старшей дочери. Открывая новый погребок, новую экзотическую рюмочную, становился ее пропагандистом, приглашал туда друзей, а мы отвечали ему взаимностью.

Одна из его книг, об одесских улицах, называется «Исхоженные детством». Мы и впредь станем бродить по ним – до той поры, пока не воссоединимся. На мгновение круг замкнется, чтобы разомкнуться новыми яркими красками другой неистребимой Одессы. Жизнь и работа на Добро продолжатся без нас, и это повод для радости, не для уныния.

…Как надо писать некрологи? Как для себя.

Олег Губарь

Я вспомнил…

…Так сложилось, что мы с ним большую часть жизни обитали хотя и в центре Одессы, но на разных рубежах линии портофранко, а несколько последних лет жили по соседству, более того – вблизи от Всемирного клуба одесситов.

Утром знойного июньского дня я перешел Большую Арнаутскую к углу, где давно уже обосновались торговцы цветами. К своему удивлению, увидел не привычный прилавок с огромными пышными букетами в шуршащих обертках, а миловидную женщину средних лет, прикрывавшую от солнца цинковое ведро с розами, в которых я тут же признал те, что в юности покупал на Соборке, – свежие, с острыми, но добрыми шипами, сохранявшие свежесть несколько дней.

Опередив меня, она протянула два цветка, которые я назову милыми, и рассказала, что розы выросли под окнами ее дома, на Ближних Мельницах, что обычно она продает их у ворот Второго кладбища, а вот сегодня почему-то пришла на угол Белинского и Большой Арнаутской…

Скажут – совпадение, а я вспомнил одну из книг Александра Розенбойма, где он с любовью и ностальгией рассказал о цветочницах, которые в начале XX века украшали фонтанскими и дальницкими, мельничными и слободскими цветами Дерибасовскую и Ришельевскую, Преображенскую и Екатерининскую…

Перед клубом уже собрались Сашины друзья, поклонники его таланта, и прохожие интересовались, кого же сегодня хоронят на углу Базарной и Маразлиевской. Один из нас ответил: «Александра Юльевича Розенбойма», – другой: «Ростислава Александрова», – а я вспомнил, как сравнительно недавно в одной из газет

сообщалось, что на открытии мемориальной доски присутствовали известные краеведы Александр Розенбойм и Ростислав Александров – таков его литературный псевдоним, о чем юная журналистка и не подозревала…

На кладбище у одного из нас внезапно зазвонил телефон – мелодия «Мурки» оборвалась на третьем такте… Виновник был сконфужен, а я вспомнил, с каким смаком Саша рассказывал нам подобные истории (хоть смейся, хоть плачь), и подумал: ему бы этот сюжет понравился…

Поминки проходили в траурном зале «Анубис» (в честь бога смерти у древних египтян), и мы заспорили, какая же у него была голова – собачья или волчья. И я вспомнил, что Саша бы нас рассудил – если не точным знанием предмета, то шуткой, да еще какой…

Расходились с поминок хмельные и грустные, и тут я увидел, что траурный этот дворец расположен на улице Бабеля.

И вспомнил, что с книги Ростислава Александрова «Волшебник из Одессы» началась наша «Одесская библиотека», и подумал, что и Исаак Эммануилович, и воспевший его Александр Юльевич понимающе взглянули бы друг на друга и улыбнулись на молдаванской улице, которая сравнительно недавно именовалась Виноградной.

Феликс Кохрихт

Мне его не хватает

Только сегодня я понял, что мы очень давно не виделись – почти восемнадцать лет, с осени 97-го. Он всегда был рядом – с того самого дня, когда впервые появился в нашей московской квартире (минус еще восемнадцать лет). И как теперь привыкнуть к тому, что его больше нет?

Александр Юльевич Розенбойм был удивительным человеком, в котором природная скромность уживалась с блестящим умением заинтересовать собеседника. Он говорил просто, доброжелательно, нимало не кичась своими колоссальными знаниями. Гулять с ним по Одессе было истинным наслаждением, – открывая тебе город и делясь своими открытиями, он всегда вел себя так, как будто ты все уже и так знаешь, а ему остается лишь напомнить о некоторых подробностях.

Он любил свой город. Говорил об Одессе с нежностью, нередко с грустью, не без иронии. Все эти чувства мгновенно передавались тем, кому посчастливилось с ним общаться или читать его книги и статьи. Одессе будет его не хватать.

И мне его не хватает. Пусть мы много лет не виделись, но слали друг другу письма. Под Новый год я написал ему: «Чем черт не шутит – может, встретимся в Одессе». Он ответил: «Пусть черт уже пошутит, будет и грустно, и хорошо». Теперь – только грустно.

Светлая память Вам, Александр Юльевич!

Илья Кричевский

От ред.: внук Ильи Ильфа

«Слушай сюда!»

«Слушайте сюда!». С такими словами открывалась дверь, и в сектор литературы 20-х годов Литературного музея входил Саша Розенбойм, чаще всего с сигаретой в руке. За этим непременно следовал анекдот, а затем рассказ о неизвестном ранее случае, адресе, песне, рассказе, стихотворении «наших» писателей.

Казалось, он знал всех – Остапа Бендера, куклу Суок, Петю Бачея. Впрочем, он ведь действительно знал – пил пиво в московском парке с Осипом Шором, сидел за столом с Симой и Олей – сестрами Суок, сумел разговорить на даче в Переделкино Валентина Катаева.

Это только он, внештатный сотрудник нового Литературного музея, смог не только получить в подарок кресло Багрицкого, но и прилететь на нем в Одессу. Да, именно так – стюардессы не устояли перед его напором, кресло поставили в салон самолета, и всю дорогу Саша на нем просидел.

Константин Паустовский писал об одесских песенках – а Саша находил их авторов, открывал давно забытые тексты.

Одесса Бабеля, Паустовского, Катаева, Багрицкого была для Розенбойма открытой книгой. За долгие годы работы в архивах и библиотеках он знал ее досконально, до мельчайших деталей: топографию и географию улиц, названия магазинов, адреса врачей и учителей, профессоров и биндюжников, грабителей и банкиров. Они оживали в его рассказах, под его пером – колоритные, хвастливые, удачливые. И даже грустные истории в изложении Саши все равно вызывали улыбку – так умел он повернуть сюжет, сыграть словом, интонацией.

В моей памяти неразрывно связаны два человека, к которым я обращалась «Саша», – Александра Ильинична Ильф и Александр Юльевич Розенбойм. Это она придумала обращение «Саша Р.».

Саша Ильф приезжала в Одессу – и мы традиционно устраивали посиделки в Литературном музее. Саша Р. приходил, объяснял преимущество сухого красного в жару и коньяка осенью, а затем говорил об Ильфе, Петрове, Багрицком как о близких и дорогих людях. И это ощущение счастья, легкости, какой-то гусарской лихости и одесского остроумия оставалось надолго.

Со временем география посиделок расширилась: «Optimum», Всемирный клуб одесситов, – но именно из музея мы шли ночью через Горсад. Накануне упал платан, последнее дерево того, старого Горсада, по легендам, помнившее Пушкина и уж наверняка помнящее Бабеля.

Мы сели на поваленный ствол, у кого-то нашлась фляжка с коньяком, Саша разлил – и мы выпили за это дерево, вспомнили «рухнувший дуб», выпили за всех одесситов, за наш город, о прошлом которого так сладко и грустно вспоминать.

Впереди было еще много лет, много книг, написанных Сашей о наших предках, нашем городе, обо всех «историях с раньшего времени».

Тогда – было.

Алена Яворская

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Ростислав Александров
Улицы нестрогих дев
Одесса, Optimum, 2015

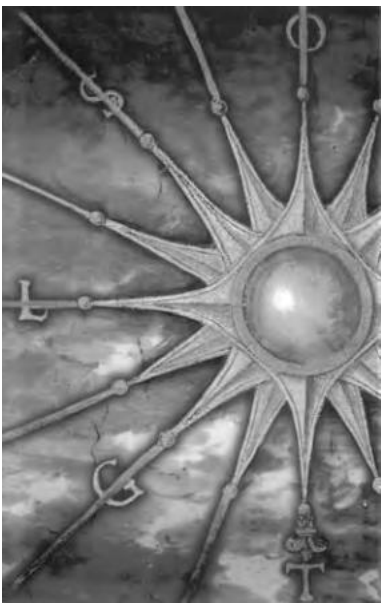
По моим подсчетам, это уже двадцатая книга Ростислава Александрова, издавшего первую книгу «Прогулки по литературной Одессе» еще в советские времена. И все эти два десятка книг – об Одессе, о ее людях, о встречах и находках – в архивах, в старых газетах. Это не пафосное, а подлинное искреннее признание в любви родному городу.

Посылом к новой книге могут послужить слова автора: «Но кто сказал или где написано, что в истории Одессы есть хоть одна страница, которая не должна быть открыта и прочитана пусть даже много лет спустя?».

О чем же эта книга? Думаю, сразу станет ясно, если взглянуть на ее обложку. Признаться, я впервые увидел «желтый билет» женщины легкого поведения. Так вот, книга о них,

об истории проституции в Одессе с начала XIX до середины XX века. Нет, это не смакование подробностей, не подсматривание в щелочку, это настоящее краеведение, исследование бытования проституции на Молдаванке, на Дерибасовской, в Городском саду…

Не удивился бы, если бы поборник легальной проституции бизнесмен Вадим Черный выкупил весь тираж и спонсировал переиздание этой книги.

Елена Боришполец
Голубая звезда
Издательство «КП ОГТ», 2015
Иллюстрации Ильи Зомба

В нашем городе в последние годы появилась, я бы сказал, выросла, группа серьезных поэтов, стихи которых уже нашли дорогу к читателю. Не буду перечислять всех, но рад представить первую книгу одной из них – Елены Боришполец.

Книга вышла под маркой «Зеленой лампы» при Всемирном клубе одесситов. Именно творчество Елены Боришполец мы с Евгением Деменком посчитали достойной издания книгой, первой для автора, седьмой для «Зеленой лампы».

Я бы охарактеризовал поэзию Е. Боришполец как философскую лирику. Современную. Где в сюрреалистическом хороводе образов исподволь, а не в лоб, прочитывается нравственный посыл автора. Думается, поэтому ей оказались близки картины Ильи Зомба, которые он любезно разрешил использовать как живописный контрапункт стихов.

Поэт Катя Чудненко в аннотации к стихам Елены Боришполец написала: «Стихи Лены горькие и целебные, их нужно класть под язык и медленно рассасывать. Магия не терпит суеты».

Владислав Китик
Мечты и очевидность
Одесса, Астропринт, 2015

Творческий путь Владислава Китика подтверждает, что для него мечты и стали очевидностью.

Лет тридцать тому назад я опубликовал первые стихи Владислава в «Вечерке». Тогда они подкупили свежестью чувств, тонким юмором. Китик был студийцем у Юрия Михайлика в «Круге». И в 1991 году его стихи были опубликованы в ставшей уже легендарной книге участников студии «Вольный город».

И вот – пятая книга поэта. Могу сказать, что он остался верен традициям «Вольного города». Его стихи искренние, тонкие… Это размышления о месте поэта в сегодняшней жизни, об ответственности за слово.

Жизненный путь Владислава Китика был непростым. Как он сам пишет, «был моряком, слесарем, кочегаром». Последние годы – профессиональный журналист, но даже эта хлопотливая работа не помешала ему писать стихи.

Издано в Москве

Алексей Окунь
Совпадения. Игра в бисер
Москва, Бослен, 2015
Иллюстрации Владимира Криштопенко

Я бы сказал, что это книга-альбом. Акварели, рисунки Владимира Криштопенко – более половины этой стостраничной книги. Они придают книге не только игривость, эстетизм, но и ироническое отношение к миру.

Иронические стихи предлагает читателю Алексей Окунь. Да, это «игра в бисер». В качестве фигур, от которых отталкивается поэт, классики мировой литературы. И он ищет «совпадения». И понимаешь, что это не отталкивание от высоких образцов, а попытка притяжения к ним. Пусть с самоиронией, но одновременно – всерьез, потому что нельзя прервать длящийся тысячелетиями разговор о смысле сущего.

Издано в Санкт-Петербурге

Юрий Олеша
Прощание с миром
(Монтаж Бориса Ямпольского)
СПб, Гуманитарная Академия, 2013

Книга эта вышла два года назад. Но только сейчас ее привезла в Одессу, представила в Литмузее и Всемирном клубе одесситов вдова писателя Бориса Ямпольского.

Несколько слов о самом Б. Ямпольском. Юноша из Саратова, начинающий поэт, ученик 10 класса, в 1941 году арестовывается НКВД. Десять лет в ГУЛАГе, а затем на «вечное поселение». К счастью, смерть усатого вождя сделала «вечное» не вечным. Но реабилитации Б. Ямпольский добился лишь в 1961 году. Двадцать лет были вычеркнуты из его жизни. Любимым писателем Ямпольского был Юрий Олеша. Он знал на память страницы его прозы. Специально в 1980 году приезжал в Одессу, чтобы пройтись по местам Юрия Карловича. Книгу «Ни дня без строчки» знал, любил, но не верил, что сам Олеша именно так расположил бы свои фрагменты из многочисленных папок.

И Ямпольский для себя составил книгу из текстов Олеши, «Прощание с миром».

Ямпольский писал: «Время книги не череда лет от мальчика до старика, но взблески, фейерверк минут ставшего стариком мальчика. Фейерверк минут. Калейдоскоп осколков жизни. Нет, не осколков – кристаллов».

Борис Ямпольский умер в 2000 году. Его друзья, петербургские писатели, читали эту книгу в рукописи. Под их давлением, после того как Даниил Гранин нашел деньги на издание этой книги, Алла Ямпольская отдала рукопись в издательство.

Мое впечатление. Это не смысловой, а музыкальный монтаж. Медленный темп – и вдруг синкопы. А затем форте, форте. И вновь – пауза.

Юрий Карлович Олеша любил музыку. Думаю, ему бы понравилась эта книга. И я рад, что она появилась на книжной полке Всемирного клуба одесситов.

Издано в Нью-Йорке

Раиса Кашницкая
Страницы судьбы
Нью-Йорк, Mir collection, 2014

Наверное, многие одесситы знали и помнят семью врачей Кашницких. Раиса Кашницкая – гинеколог, Григорий Кашницкий – хирург. Хирургом он прошел войну, окончив институт в 1941 году, умер в сто лет в Нью-Йорке. Его памяти Раиса Кашницкая посвятила эту книгу.

Если бы это была только семейная сага, то и она была бы интересна, так много выпало на долю этой семьи. И работа в сельской больнице во Врадиевке, и отзвуки «дела врачей», и противостояние рутине в своей профессии.

Но Раиса Кашницкая поставила перед собой более объемную задачу в своей мемуарной книге. Она рассказала о родном городе – его истории, его памятниках, его знаменитых людях, понимая, что в эмиграции одесситам, да и не только одесситам, интересно будет узнать как можно больше о городе. Кстати, одна главка посвящена Всемирному клубу одесситов.

Но мне интереснее всего было читать об увлечении всей жизни Кашницких – о коллекционировании. И здесь много презабавнейших историй. Например, как Раиса Кашницкая и Александр

Коциевский пытались «пересидеть» друг друга в доме жены коллекционера Патиниоти. Кто пересидит, тот и купит этюд Айвазовского.

К сожалению, я не бывал в доме Кашницких на Пушкинской. Рассказывают, там был домашний музей. Когда Раиса заболела, она улетела в Нью-Йорк в связи с онкологией, семья что-то продала, что-то подарила одесским музеям. К счастью, онкологию побороли. Так осели в Нью-Йорке, где начался третий этап большой жизни.

И о нем есть в книге, но нам, естественно, интереснее одесские страницы.

Феликс Кохрихт

Язык Италии златой…

Издано в Одессе

Виктор Котов
Статуэтка, или «Алые паруса».
Русско-итальянский разговорник
Одесса, 2012-2014

В молодой Одессе итальянский язык звучал повсюду, и в первую очередь – на Итальянской улице, где в гостинице «Норд» Александр Пушкин жил во время своей южной командировки. В наши дни здесь, на Пушкинской, – музей великого поэта. А по соседству – здание филармонии (бывшая биржа), детище выдающегося зодчего Бернардацци… В опере тогда пели итальянские артисты, в ресторанах колдовали итальянские повара. В Одессе герои-гарибальдийцы готовили освобождение родины от захватчиков…

Наши моряки, бизнесмены, ученые, деятели культуры, спортсмены, студенты, туристы часто бывают в Италии и стараются, каждый в меру возможностей, изучить язык замечательной страны. В этом им поможет недавно увидевший свет русско-итальянский

разговорник, составленный Виктором Котовым, который выбрал для своего пособия необычную форму изложения материала. Он написал книгу, персонажи которой – жители Вероны и Одессы – переживают события разного толка, путешествуют по Европе, по городам и странам, попадают в житейские, порой драматические ситуации. Сюжет книги многослоен и требует вдумчивого чтения, она рассчитана не на сиюминутное овладение азами языка, а на проникновение в его тайны и свойства.

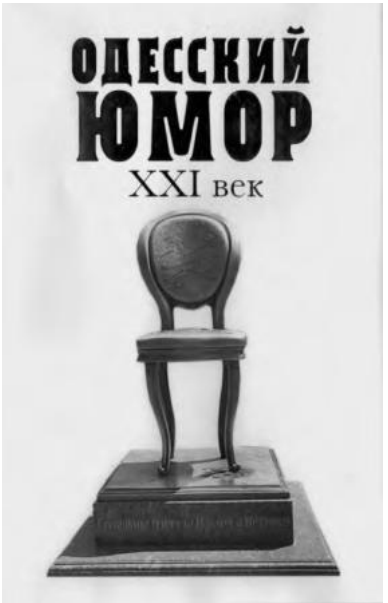
Автор выбрал прием билингвы: на соседних страницах текст предстает на итальянском и русском языках, что позволяет наглядно ощутить и их свойства, и их прелесть.

Евгений Деменок

Шуток подано!

Издано в Москве

Одесский юмор. XXI век
Составитель Валерий Хаит
Москва, Эксмо, 2015

Вы спросите – что в жизни главное?

Я вам отвечу.

Главное – быть в хорошей компании.

Возьмем, например, Македонского. Александра, конечно. Он ведь почему стал таким великим? Да потому, что с детства попал в хорошую компанию. Об Аристотеле слышали? Вот. Он был у Александра первым школьным учителем. Они трогательно смотрятся вместе на школьной виньетке.

Мне со школьными учителями повезло немного меньше, хотя наша Надежда Дмитриевна могла бы дать фору какому-нибудь Гераклиту, например.

Зато я оказался в хорошей компании в другом месте. Несколько неожиданном. В книге.

Чтобы понять, насколько хороша компания, просто перечислю имена соседей. Георгий Голубенко и Михаил Векслер, Борис Бурда и Роман Карцев, Сергей Рядченко и Юрий Михайлик, Александр Бирштейн и Михаил Пойзнер, Елена Каракина и Анна Мисюк, Анна Яблонская и Александр Розенбойм, Анатолий Контуш и Анатолий Горбатюк, создатели «Квартета И» Леонид Барац и Ростислав Хаит – и еще с десяток имен, которые сделают честь любой книге. Проза, стихи, фразы. В конце книги – пьесы легендарной троицы Голубенко – Сущенко – Хаит, которые можно не только смотреть на сцене, но и читать, получая от этого не меньшее удовольствие. И – подарок от составителя, фрагменты из книги Валерия Хаита «Дедушка танцует на балконе».

Вы спросите, в чем уникальность этой книги? Я вам отвечу. В ней собраны под одной обложкой произведения лучших одесских авторов, работающих в юмористическом жанре, – это раз. Практически все произведения написаны в течение пятнадцати лет нового века, да что уже там, тысячелетия, – это два. С большинством авторов книги читатель может познакомиться лично – это три. И это в корне отличает ее от предыдущего тома одесского юмора, также составленного Валерием Исааковичем Хаитом и изданного в рамках проекта «Антология сатиры и юмора XX века». К сожалению, несколько авторов новой книги недавно ушли от нас… Тем внимательнее будем мы читать великолепные рассказы Георгия Голубенко «Один день Бориса Давидовича», «Пожар на Молдаванке», «Одна зеленая луковица и одно красное яблоко»; «Тринадцать фраков» Александра Юльевича Розенбойма и автобиографический рассказ Анны Яблонской «Юное дарование».

От остальных же авторов мы вправе не только ждать, но и требовать. Требовать новых стихотворений от Михаила Векслера, Евгения Мучника и Александра Мусти; новых рассказов от Бориса Бурды и Романа Карцева, Александра Бирштейна и Анатолия Контуша; точных метких фраз от Бориса Крутиера и Виктора Ополева. Потому что хорошего одесского юмора много не бывает. Да и сам я обязуюсь не подкачать.

Эту книгу хочется почесть залпом. Пожалуйста, не делайте этого. Совершите над собой усилие. Такое удовольствие лучше растянуть надолго. В день по рассказу, не больше. Или по стихотворению. В общем, ни дня без строчки, только прочитанной. И тогда хорошее настроение на все лето гарантировано.

Содержание

От редакции 3

История, краеведение

Олег Губарь
Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы 6

Марк Найдорф
Одесса. Главная улица города 39

Михаил Пойзнер
«От героев былых времен не осталось порой имен…»? 52

Ольга Тангян
1941-1943: эвакуация из Одессы в Ташкент 70

Одесский календарь

Марина Подрезова
Сначала была библиотека… 90

Проза

Александр Дорошенко
Металлобаза «Чаша Грааля» 106

Георгий Голубенко
Последние рассказы 114

Роман Бродавко
Портрет 125

Евгений Голубенко
Живое письмо 130

Владимир Тайх
Табльдот в Фернее 151

Поэзия

Тина Арсеньева
Партитура китайской тушью 166

Василь Кузан
Кілька сонетів 180

Григорий Шухин
«Израильский жаркий кончается день…» 188

Мила Машнова
«Черновики в столе лежат…» 192

Алена Рычкова-Закаблуковская
Батискаф 195

Алена Щербакова
Восток – дело тонкое. 196

Первые шаги

«Закон доброты и любви...» 198

Марина Макарова
Четыре стихотворения 198

Анастасия Бабушкина
Из первой тетради 200

Искусство – жизнь – искусство

Юрий Дикий
Genius loci Святослава Рихтера 204

Евгений Деменок
Ильф, Петров и Бурлюк 218

Борис Чирков
Промашка богов 233

Тамара Михайличенко
Главный инструмент художника – душа 238

Семен Кантор
Enfant terrible 243

Владимир Наумец
Забег в сторону. 249

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
Дирижер на белой лошади, или «Сам Давингоф!» 253

Феликс Кохрихт
Гармонией поверить алгебру. 266

Публикации

Евгений Голубовский
«В запыленной связке старых писем…» 272

Портрет Велимира Хлебникова 285
Публикация Вадима Перельмутера

Григорий Айзенберг
За что сожгли «Одессу» 286
Публикация Галины Лазаревой

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Поэзия «мелкого» собирательства 292

Путешествие

Феликс Кохрихт
Яффа: от Шаббата до рассвета 316

Ах, Одесса

Игорь Лучинкин
Тем, кто был ребенком в 50-е, 60-е, 70-е 322

Алла Гудзенко
Конверт 327

Роман Бродавко
«Не один в пистолете патрончик…» 331

Евгений Татарский
Литр пауков 333

Григорий Редько
В несколько строк 339

Памяти друзей

Аркадий Креймер

Александр Розенбойм

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 374

Феликс Кохрихт
Язык Италии златой... 381

Евгений Деменок
Шуток подано! 383

Одесский журнал
№62
2016

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

